A 203/13

А 203
13

КНЯЖЕНІЕ

ДАНІИЛА ГАЛИЦКАГО,

ПО РУССКИМЪ И ИНОСТРАННЫМЪ ИЗВѢСТІЯМЪ.

СОЧИНЕНІЕ

НИКОЛАЯ ДАШКЕВИЧА,

удостоенное историко-филологическимъ факультетомъ золотой медали.

КІЕВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1873.

801-93
4978-3

КНЯЖЕНІЕ

ДАНІИЛА ГАЛИЦКАГО,

ПО РУССКИМЪ И ИНОСТРАННЫМЪ ИЗВѢСТІЯМЪ.

СОЧИНЕНІЕ

НИКОЛАЯ ДАШКЕВИЧА.

РУМЯНЦЕВСКІЙ МУЗЕЙ
ПУБЛИЧ. БИБЛІОТ.

КІЕВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1873.

Изъ Университетскихъ Извѣстій 1873 года.
Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра.

2007059103

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Введеніе 1

I. Реформа въ политическомъ строѣ югозападной Руси въ княженіе Даніила Галицкаго 10

II. Культура югозападной Руси въ это княженіе. 78

III. Враги самостоятельнаго ея развитія. 105

IV. Общее замѣчаніе объ историческомъ значеніи княженія Даніила Галицкаго 143

V. Характеристика Даніила. 146

КНЯЖЕНІЕ ДАНІИЛА ГАЛИЦКАГО,

по русскимъ и иностраннымъ извѣстіямъ.

(Сочиненіе студента историко-филологическаго факультета Николая Дашкевича, удостоенное золотой медали).

„Начнемь сказати бесчисленыя рати, и великыя труды, и частыя войны, и многия крамолы, и частая востания, и многия мятежи, измлада бо не бы има покоя".
„Лѣтоп. по Ипатскому списку", г. 1227.

„Се же король Данило князь добрый, хоробрый и мудрый".
Ibid. г. 1264.

До второй четверти XIII стол., въ теченіе двухъ почти вѣковъ, Россія представляла собою федерацію всѣхъ отдѣльныхъ земель, и жизнь вездѣ шла одинаково. XIII вѣкъ ознаменовался разрывомъ этого единенія, при чемъ каждой изъ вполнѣ обособившихся частей Руси достался особенный жребій. Въ югозападной Руси поворотъ на новую дорогу обозначился задолго до татарскаго нашествія, которое почти всѣ ученые принимаютъ, какъ грань двухъ различныхъ періодовъ русской исторіи, именно—съ самаго начала Даніиловой дѣятельности [1]); въ княженіе же Даніила вполнѣ выработались и условія новой жизни. Такимъ образомъ, княженіе его представляетъ совершенно отдѣльную, весьма важную эпоху въ исторіи всей югозападной Руси. Прибавимъ, что эта эпоха во многихъ отношеніяхъ была одною изъ самыхъ блестящихъ.

Вотъ чѣмъ выдѣляется княженіе Даніила изъ множества другихъ *княженій* и вотъ почему заслуживаетъ особеннаго вниманія.

---

[1]) Читатель увидитъ изъ дальнѣйшаго изложенія, что всѣ перемѣны, которыя мы отмѣчаемъ въ княженіе Даніила, начали проявляться до татарскаго нашествія и независимо отъ него.

Обращаясь къ ученымъ трудамъ, касающимся этого времени, относясь къ нимъ съ полнымъ уваженіемъ, мы должны однако сказать, что не находимъ въ нихъ обстоятельнаго и отчетливаго указанія существенно важныхъ явленій этого княженія и всесторонняго опредѣленія его значенія. Они заняты, главнымъ образомъ, изложеніемъ политическихъ событій въ болѣе или менѣе послѣдовательно-хронологическомъ порядкѣ.

Но, и съ ихъ точки зрѣнія, эти труды не могутъ быть названы вполнѣ исчерпавшими предметъ. Это произошло вслѣдствіе того, что въ нихъ или мало, или недостаточно обращено вниманія на доступныя изслѣдователю иностранныя извѣстія. Галицко-волынская лѣтопись [1]), которою они пользовались по преимуществу, составляетъ драгоцѣннѣйшій матеріалъ, потому что: 1) находящіяся въ ней свѣдѣнія сообщены лицами современными [2]), изъ которыхъ нѣкоторыя, быть можетъ, при-

---

[1]) Такое мы принимаемъ названіе для начинающагося съ 1201 г. отдѣла лѣтописи, извѣстной обыкновенно подъ именемъ Ипатьевской.

[2]) Въ части ея, обнимающей Даніилово время, легко безъ особеннаго углубленія замѣтить вмѣстѣ съ Н. И. Костомаровымъ (см. его »Лекціи по русской исторіи, ч. I. Спб. 1861«, стр. 50—51) распаденіе на два отличныя и потому принадлежащія разнымъ лицамъ повѣствованія. Второе начинается послѣ находящагося во всѣхъ спискахъ перерыва вслѣдъ за разсказомъ о первомъ нашествіи Бурандая (съ 561 стр. по новому изданію подъ заглавіемъ: »Лѣтопись по Ипатскому списку«, Спб. 1871) и написано во Владимірскомъ княжествѣ, или вообще лицомъ интересующимся и преданнымъ князьямъ Владиміра Волынскаго. Оттого въ немъ сказано такъ мало о Даніиловой дѣятельности послѣ Бурандаева нашествія и объ его смерти, и такъ кратки похвалы ему, чего бы не было, еслибы продолжалъ писать тотъ авторъ, которому принадлежитъ все предшествующее; напротивъ, на первомъ планѣ Даніиловъ братъ Василько. Авторъ первой части такъ ревниво относится къ своему герою, что, постоянно называя Даніила княземъ до его коронованія, со времени послѣдняго всегда титуловалъ его королемъ; авторъ же второй части отступаетъ отъ этого (см., напр., »Лѣт. по Ип. сп.«, которую мы съ этого времени всегда будемъ обозначать *Ип.*, стр. 562, вар. 1 и 5 и прим. *); стр. 567, строки 9 и 31; 590, вар. 1 и прим. **); конечно, это мелочной признакъ, но его нельзя оставить безъ вниманія. Во второй части разсказъ не носитъ характера непрерывнаго повѣствованія, а приближается, особенно подъ конецъ, къ чистой лѣтописи. Нельзя не замѣтить также значительнаго различія въ языкѣ (даже термины другіе; Владимірецъ сказывается въ употребленіи названія »Санъ« вм. »Сянъ« (Ип. 588, 591; ел. 529, 532, 533), въ пріемахъ рѣчи. Всѣмъ сказаннымъ мы не думаемъ утверж-

нимали даже весьма дѣятельное участіе въ описываемыхъ ими событіяхъ [1]), были близки къ Даніилу, постоянно при немъ пребыва-

---

дать, что только двумъ лѣтописцамъ принадлежитъ разсказъ о занимающемъ насъ времени; мы говоримъ только, что несомнѣнно составленіе его не однимъ лицомъ, и не отвергаемъ того, что первая часть, въ свою очередь, могла выдти изъ-подъ пера нѣсколькихъ лицъ, или быть сложенною *однимъ* лицомъ *по нѣсколькимъ* извѣстіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, трудно предположить, чтобы отъ одного лѣтописца вышелъ разсказъ, обнимающій 54 года и во всемъ своемъ теченіи отличающійся полнотою и подробностями, вездѣ указывающими на автора-современника (въ началѣ только пропущены нѣкоторые факты, находящіеся въ другихъ лѣтописяхъ); упоминаются даже цвѣта коней (Ип., 491, 515) и ихъ качества (ib., 498). На то, что эта часть была проредактирована *однимъ* лицомъ, жившимъ въ позднѣйшее время, указываютъ упоминанія при случаѣ вещей, имѣвшихъ мѣсто не особенно скоро послѣ того времени, о которомъ говоритъ лѣтописецъ. Наприм., подъ 1207 г. мы встрѣчаемъ: »...юже *нынѣ* святу нарѣчаютъ, именемъ Алъжьбитъ, преднее бо имя ей Кинека: много бо послужи Богови по мужи своемь и *святу нарѣчаютъ*« (Ип., 484); а эта Елисавета умерла въ 1231 г. (Pertz. Monumenta Germaniae historica. Scriptorum t. XVIII. Hannoverae MDCCCLXVI. P. 547.$_{30}$; 699.$_{40}$), канонизована въ 1238 г. (ib., p. 552.$_{30}$; другія показанія ib., 632—633.$_{20}$; 691.$_{30}$), родилась въ 1207 г. (ib., p. 700.$_{30}$). Говоря подъ 1213 г. объ убіеніи Клима Хрестинича, лѣтописецъ прибавляетъ: »его крестъ и *донынѣ* стоитъ на Сухой Дорогви« (Ип., 490). Подъ 1217 (вм. 1221 г.) читаемъ: »Богу же того не терпящю, во ино время убьенъ бысть Даниломъ Романовичемъ древле прегордый Филя« (Ип., 492), а это случилось въ 1245 г. Сообщая подъ 1255 г. о сожженіи Стѣкинтова дома, лѣтопись замѣчаетъ: »аже и донынѣ пусто стоитъ« (Ип., 549). Тѣмъ же, вѣроятно, редакторомъ включено въ лѣтопись и сказаніе о Романѣ; думать такъ заставляютъ слѣдующія его слова: »По великомъ бо князѣ Романѣ, никтоже не бѣ воевалъ на нѣ въ Рускихъ князихъ, развѣе сына его Данила.... якоже сказахомъ о ратяхъ многихъ си же написахомъ о Романѣ: *древле бо (бѣ) писати си, нынѣ же здѣ вписано бысть в послѣдняя*« (Ип., 554). Предполагаемый нами редакторъ несомнѣнно зналъ Даніила и жилъ не позже его. Отдѣльныя сказанія, занесенныя въ эту часть галицко-волынской лѣтописи, принадлежатъ ей, этому краю и этому времени. День перехода Днѣпра русскимъ ополченіемъ въ 1224 г. обозначенъ только въ сказаніи, находящ. въ галицко-волынской лѣтописи: »переидоша же Днѣпръ во день во вторникъ« (Ип., 496). Сл. о нихъ К. Н. Бестужева-Рюмина »О составѣ р. лѣтописей до конца XIV в.«, стр. 154—155. Упомянемъ здѣсь о томъ, что, по мнѣнію Д. И. Зубрицкаго (»Исторія древняго Галичско-русскаго княжества«, ч. III. (Львовъ 1855), стр. 99, прим. 78), событія около 1226 г. по Ип. сп. описаны Мстиславовымъ (Удалаго) духовникомъ Тимоѳеемъ.

[1]) Нѣкоторые думаютъ, что лѣтопись писана духовными лицами

ли [1]); замѣтимъ при этомъ, что отъ такой близости правда не пострадала,

---

(напр., такаго мнѣнія держался И. В. Лашнюковъ. Унив. Изв. 1872, № 5). По нашему убѣжденію, вѣрнѣе другое предположеніе, приписывающее составленіе ея свѣтскимъ лицамъ; его держится, между пр., и Н. И. Костомаровъ (»Лекціи«, 48); особенно убѣдительно опо развито въ статьѣ (г. Знаменскаго?): »Обзоръ р. лѣтописей въ содержаніи и характерѣ ихъ, преимущественно церковно-историческомъ«, помѣщенной въ »Прав. Собес.« 1860, № 4 (стр. 408—413). Въ пользу его говорятъ: полное погруженіе и душевное участіе писателя въ разсказываемыхъ имъ событіяхъ, подробности на каждомъ шагу, изобличающія человѣка, сидѣвшаго не въ келліи, сочувственное изображеніе военныхъ дѣйствій и вообще воинской храбрости, второстепенное положеніе церковно-историческаго элемента, немногочисленность правоучительныхъ сентенцій. Въ одномъ мѣстѣ есть прямое указаніе на свѣтскость писателя и участіе въ занесенныхъ въ лѣтопись происшествіяхъ: »онѣм(ъ) же *позоровавшимъ насъ*, говоритъ лѣтописецъ, и ехаша Угрѣво станы своя« (Ип., 500). Можетъ быть, нѣкоторыя мѣста принадлежатъ и духовнымъ лицамъ; такъ, однажды лѣтопись приписываетъ успѣхъ Даніила св. Николаю, а спустя нѣкоторое время, когда Даніилъ не могъ взять Звенигорода, она объясняетъ этотъ неуспѣхъ слѣд. образ.: »города же хотяща и нѣ взяста: бѣ бо святая Богородица въ немь чюдная икона« (Ип., 517); въ такомъ случаѣ эти лица принадлежали къ бѣлому духовенству.

[1]) Первая большая часть галицко-волынской лѣтописи, касающейся разсматриваемаго нами времени, прямо можетъ быть названа частною лѣтописью, занимающеюся Даніиломъ. Лѣтописи слѣдили обыкновенно за князьями съ того времени, когда они выступали въ качествѣ дѣятелей; разбираемый же нами памятникъ съ самаго начала сосредоточиваетъ повѣствованіе около судьбы малолѣтнихъ Романовичей, на нее, главнымъ образомъ, обращаетъ вниманіе, а потомъ дважды прямо заявляетъ, что ея предметъ—*ихъ* исторія [въ первый разъ—словами, поставленными нами въ качествѣ эпиграфа: »начнемъ сказати...«; во второй разъ повторяетъ нѣсколько фразъ изъ этой тирады: »Посемъ скажемъ многій мятежь, великія льсти, бещисленыя рати« (Ип., 508)]. Во всемъ разсказѣ видна глубокая любовь и уваженіе къ Даніилу. Лѣтописецъ ликуетъ при его побѣдахъ, старается не пропустить ничего замѣчательнаго, постоянно желаетъ показать, что это былъ особенный человѣкъ, не любитъ его враговъ, обличаетъ ихъ недостатки, главныхъ изъ нихъ—галицкихъ бояръ называетъ »безбожными«, »нечестивыми«, »невѣрными«, а противъ одного вельможи разражается проклятіемъ въ цѣлой тирадѣ (Ип., 499). Каждый успѣхъ Даніила онъ приписываетъ помощи Божіей и постоянно внушаетъ читателю, что Даніилъ находился подъ Божіею охраной. Вотъ какъ, напр., говоритъ онъ объ одномъ нападеніи Венгерскаго короля: »Вниде́шу же ему во горы Угорьскыѣ, посла на нь Богъ архангела Михаила отворити хляби небесныя, конемь же потопающимъ и самѣмь возбѣгающимъ на высокая мѣста,

чего не видимъ, наприм., у Кадлубка [1]); 2) эта лѣтопись состоитъ не изъ сухихъ, отрывочныхъ погодныхъ записей разнообразнѣйшихъ собы-

---

ономy же одинако устремившися прияти градъ и землю.... Богъ попусти на нѣ рапу Фараопову... Богъ бо попустилъ бѣашеть рану, ангелъ бьашеть ихъ... ушедшю же ему за невѣрьство боярь Галицкихъ, Даниилъ же, Божьею волею, одерьжа градъ свой Галичь« (Ип., 508—509). Нѣкоторые признаки наводятъ на мысль, что эта лѣтопись не была лишена оффиціальности. Въ одномъ мѣстѣ лѣтописецъ говоритъ, что онъ имѣлъ подъ руками договоръ Даніила съ Белою IV, но не вписалъ его по его пространности (Ип., 545). И. Д. Бѣляевъ (»Временникъ М. О. И. и Др. Р., V, ст. »О разныхъ видахъ русскихъ лѣтописей«, стр. 9) видитъ слѣды оффиціальныхъ лѣтописей въ описаніи многихъ мятежей и ратей въ Галицкой землѣ съ 6738 (1230) по 6743 (1235) г. Авторъ указанной нами статьи въ »Прав. Собес.« обращаетъ вниманіе на постоянныя перечисленія убитыхъ, именъ пословъ, татарскихъ воеводъ, литовскихъ князей, участвовавшихъ при заключеніи мира, и проч., также видитъ, на основаніи всего этого, въ лѣтописи доказательства веденія въ югозападной Руси оффиціальныхъ временниковъ и высказываетъ предположеніе, что галицко-волынскую лѣтопись »вели княжескіе писцы, подобные Ѳедорцу, составившему завѣщаніе Владиміра Васильковича, или тому писцу, который внесъ, по повелѣнію Мстислава, крамолу Берестянъ въ лѣтопись« (стр. 413—414). Это обстоятельство еще болѣе утверждаетъ насъ въ мысли объ оффиціальномъ отчасти характерѣ галицко-волынской лѣтописи Даніилова времени, равно какъ и то, что лѣтописецъ этой части смотритъ на себя, какъ на хронографа, все обязаннаго записывать, и говоритъ объ этомъ съ важностью. Какъ бы то ни было, лѣтописецъ хвалитъ Даніила искренно, а не ex officio только, и глубоко преданъ своему дѣлу.

[1]) Лѣтопись желаетъ выставить съ самой лучшей стороны своего героя, но для этого прибѣгаетъ къ одной истинѣ. Иногда только она, можно сказать—неумышленно, впадаетъ въ нѣкоторую утрировку фактовъ. Такъ, по ея словамъ, посолъ венгерскаго короля »възопи гласомъ великомъ и рече: »слышите словеса великого короля Угорьского, да не уставляетъ васъ Дьмьянъ, глаголя: из(ъ)емля изымьть ны Богъ, ни да уповаетъ вашь Даниилъ на Господа, глаголя: не имать предати градъ сесь королеви Угорьскому; толико ходилъ на ины страны, то кто можетъ одержати отъ руку моею и отъ силъ полковъ моихъ«? (Ип., 507). Когда Даніилъ взялъ однажды Галичъ, то Галичане, говоритъ лѣтописецъ, (Ип., 517—518), »пустишася яко дѣти ко отчю, яко пчелы к матцѣ, яко жажющи воды ко источнику«. Не одно только хорошее говоритъ лѣтописецъ о Даніилѣ въ одномъ мѣстѣ читаемъ о немъ: »нѣкое слово похвално реку, его же Богъ не любитъ« (Ип., 511). Враги Даніила награждаются иногда не совсѣмъ лестными эпитетами, но это не мѣшаетъ лѣтописи соблюдать правдивость въ разсказѣ объ ихъ дѣяніяхъ. Единство то на первой части лѣтописи, по всей вѣроятности,—дѣло принимаемаго нами редактора.

тій, а носитъ характеръ цѣльнаго, группирующагося около извѣстныхъ личностей разсказа, отличающагося живостію, чрезвычайною полнотою и удивительною, въ сравненіи съ другими лѣтописями, пластичностію обрисовки, яркостію и рѣзкостію характеристикъ, въ чемъ ей отдаютъ справедливость и за что ее цѣнятъ всѣ ученые [1]). Но, при этихъ достоинствахъ, она: 1) не даетъ историку прямыхъ хронологическихъ указаній [2]); 2) при всей своей обстоятельности, она все-таки не мо-

---

[1]) Сводъ мнѣній о ней, довольно полный, желающіе могутъ найти въ предисловіи А. С. Петрушевича къ галицко-вол. лѣтописи, помѣщенномъ въ его изданіи послѣдней (»Волынско-Галицкая лѣтопись. Издалъ и объяснилъ А. С. Петрушевичъ. Вып. I. Львовъ, 1871«). Въ одномъ мѣстѣ лѣтописецъ выражаетъ вотъ какой взглядъ на свое дѣло: »хронографу же нужа есть писати все и вся бывшая, овогда же писати въ передняя, овогда же во(з)ступати в задняя: чьтый мудрый разумѣетъ« (Ип., 544).

[2]) Тѣ, которыя находятся въ Ипатскомъ спискѣ (въ др. спискахъ вовсе нѣтъ означенія лѣтъ, нѣтъ также годовъ, когда, по словамъ Ип. сп., ничего не случилось. См. варіанты Хлѣбник. и Погод. сп. въ послѣднемъ изд. гал.-вол. лѣтоп. на всемъ ея протяженіи; ср. »О составѣ...« К. Н. Бестужева-Рюмина, стр. 70, прим. 2) не заслуживаютъ ни малѣйшаго довѣрія (многіе историки напрасно до сихъ поръ еще продолжаютъ обращать на нихъ вниманіе) и поставлены наугадъ переписчикомъ Ипатскаго списка, который хотѣлъ, чтобы и въ галицко-волынской лѣтописи событія были также расположены по годамъ, какъ это онъ видѣлъ въ Кіевской лѣтописи, приписанной имъ къ галицко-волынской (подобнаго мнѣнія, высказаннаго прежде всѣхъ Карамзинымъ (т. III, прим. 113), держится и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ: »О составѣ...«, стр. 153). Составитель лѣтописнаго сборника прямо говоритъ: »число же лѣтомъ здѣ не писахомъ« (Ип., 544). Какъ безсмысленно иногда разставлялъ годы переписчикъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ. Первую половину одного похода онъ кладетъ въ одномъ году, другую въ другомъ (такъ, на стр. 492 одинъ и тотъ же походъ Мстислава къ Галичу отнесенъ къ 1217 и 1219 гг.; подъ 1218 же г. говорится: тишина бысть«; на стр. 512 (см. прим. ††) онъ разрываетъ и ставитъ подъ двумя годами одну битву). Собираясь говорить о бракосочетаніи Романа съ Гертрудою, онъ ставитъ опредѣленно годъ 6762 и не уничтожаетъ при этомъ слѣдующихъ словъ подлинника: »В таже лѣта, времени минувшу,—хронографу же нужа есть писати...« (извѣстное мѣсто), а переписываетъ ихъ рядомъ съ своею хронологическою датою (Ип., 544). Вопреки показанію текста лѣтописи объ одномъ походѣ на Ятвяговъ, что онъ былъ до войны черниговской, онъ кладетъ его подъ 1248 (Ип., 531). Въ лѣтописномъ текстѣ смерть Владиміра Васильковича показана подъ 1289 г. (Ип., 606), а переписчикъ поставилъ ее подъ 1288 г.

жетъ быть названа единственнымъ, затмѣвающимъ другіе источникомъ для историка, стремящагося къ возможно подробному изученію этой эпохи, такъ какъ сю опущено или не помѣщено немало частностей.

Для возстановленія времени различныхъ событій этого княженія, необходимо прибѣгать къ отысканію хронологическихъ указаній въ разсказѣ самой лѣтописи [1]) и къ сличенію ея съ другими русскими лѣтописями [2]) и нѣкоторыми иностранными [3]). Для пополненія пробѣловъ въ содержаніи, можетъ служить, кромѣ русскихъ лѣтописныхъ сводовъ [4]), значительное количество иностранныхъ источниковъ. Обиліе ихъ для разсматриваемой нами эпохи, въ сравненіи съ незначительнымъ ихъ количествомъ для временъ предшествовавшихъ, объясняется усиленіемъ сближенія Даніиловой Руси съ западомъ. Изъ иностранныхъ матеріаловъ упомянемъ прежде всего о сочиненіи Стрыйковскаго. Его трудъ—сводъ первоначальныхъ извѣстій, составленный въ позднѣйшее время, но тѣмъ не менѣе, при отсутствіи этихъ первоначальныхъ извѣстій [5]), онъ весьма важенъ для разъясненія отношеній Руси и Литвы. Обратимъ вниманіе при этомъ на добросовѣстность Стрыйковскаго въ передачѣ содержанія памятниковъ, которыми онъ пользовался, обнаруживающуюся изъ сличенія его хроники съ дошедшими до насъ литовскими лѣтописями; онъ вездѣ увѣдомляетъ о своихъ уклоненіяхъ отъ нихъ. У Длугоша находимъ извѣстія, заимствованныя изъ недошедшихъ до насъ русскихъ [6]) и отчасти изъ польскихъ лѣтописей [7]). Къ

---

[1]) Само собою разумѣется на основаніи вышесказаннаго, что хронологію Ипатскаго списка должно оставлять въ сторонѣ.

[2]) Мы разумѣемъ лѣтописи новгородскія и суздальскія и лѣтописные своды.

[3]) Именно:—польскими, помѣщенными у Пертца и у Соммерсберга, австрійскими, помѣщенными у Пертца и у Пеца, венгерскими, помѣщ. у Швандтнера.

[4]) Лѣтописи: Воскресенская и Никоновская, »Исторія« Татищева.

[5]) Изъ нихъ для Даніилова княженія у насъ имѣется одна только лѣтопись Быховца.

[6]) Сколько можно видѣть изъ сравненія его разсказа съ галицко-волынскою лѣтописью, для югозап. Руси у него была лѣтопись, отличная отъ дошедшей до насъ. О томъ, что онъ пользовался русскими лѣтописями, свидѣтельствуютъ его собственныя слова: »cano jam capite ad perdiscendas literas Rutenas me ipsum appuleram, quatenus Historiae nostrae series certior redderetur« (Joannis Dlugossi seu Longini canonici quondam Cracoviensis Historiae Polonicae libri XII. Lipsiae. Anno MDCCXI. Auctoris epistola dedicatoria).

[7]) Изъ послѣднихъ, по всей вѣроятности, взяты: находящееся

сожалѣнію, онъ далеко не такой безпристрастный человѣкъ, какъ Стрыйковскій. Онъ любитъ изображать Русь и ея дѣятелей въ дурномъ видѣ [1]), относится недружелюбно къ порѣ славы русскихъ при Даніилѣ, которая, очевидно, была ему весьма непріятна, не затрудняется представлять ихъ варварами; къ такой тенденціозности нужно прибавить склонность нерѣдко къ эффектамъ и красивымъ описаніямъ и неумѣніе иногда сладить съ громаднымъ матеріаломъ, бывшимъ въ его рукахъ, отчего происходятъ повторенія и невольныя искаженія. Менѣе имѣютъ значенія для содержанія другія польскія лѣтописи [2]). Къ занимающему насъ времени относится одно иностранное путешествіе [3]). Наконецъ, есть не мало иноземныхъ актовъ, преимущественно папскихъ [4]).

Къ нашему прискорбію, до насъ не дошелъ отъ времени Даніила ни одинъ русскій актъ, хотя несомнѣнно, что было много такихъ документовъ. Авторъ галицко-волынской лѣтописи имѣлъ передъ собою договоръ Даніила съ венгерскимъ королемъ относительно Романа и Гертруды [5]). Даніилъ письменно сносился съ папою [6]). Тогда развилась уже и дѣловая письменность [7]). Эти памятники погибли во время

подъ 1233 г. (lib. VI, columna 649) извѣстіе объ изгнаніи католиковъ изъ Кіева и извѣстіе подъ 1238 г. объ основаніи доминиканскаго монастыря въ Галичѣ (lib. VI, col. 661—662).

[1]) См., напр., его разсказъ о сношеніяхъ Даніила съ папой.

[2]) См. прим. 11-е.

[3]) Плано-Карпини. Записокъ о путешествіяхъ къ татарамъ Anonymus'a Anglus'a (1243; см. Hakluyt's Collection, I) и товарища Плано-Карпини—поляка Бенедикта (его разсказъ изданъ въ 1836 г. географическимъ обществомъ въ Парижѣ въ IV-мъ т. »Recueil de voyages et de mémoires«; см. Лелевеля »Polska wiekow średnich«, 1854, t. IV, str. 426) мы, несмотря на все стараніе, не достали и потому не можемъ сказать, есть-ли что-нибудь въ нихъ о Россіи того времени. Не видали мы и сомнительнаго Яцкова описанія разоренія Кіева татарами (Кар. IV, прим. 9), а также сочиненія Рикарда (ок. 1240 г. »Мат« Кеппена, II, № 32).

[4]) Въ собраніяхъ: Тургенева, Даниловича, Наньерскаго, Догьеля, Тейнера. Венгерскіе акты помѣщены въ собраніи Фейера.

[5]) Ип., 545.

[6]) Historica Russiae monimenta, deprompta ab A. J. Turgenevio. T. I. Petropoli. 1841. № LXXXVIII.

[7]) »Курилови же сущю печатнику тогда въ Бакотѣ, послану Даніломъ княземь и Василкомъ исписати грабительства нечестивыхъ бояръ, утиши землю«. Ип., 526. Можетъ быть, и Даніилъ, какъ и Левъ, выдавалъ боярамъ грамоты на владѣніе землею. Въ грамотѣ 1361 г.

войнъ и пожаровъ въ XIV в. и позже, а отчасти были умышленно истреблены [1]). Исчезли, можетъ быть, и лѣтописи, трактовавшія объ югозападной Руси отлично отъ галицко-волынской; слѣды ихъ можно найти у Длугоша [2]) и у Татищева [3]).

Задача настоящаго труда—указать и объяснить, посредствомъ сравнительно-критическаго изученія источниковъ русскихъ и иностранныхъ въ возможно большемъ ихъ количествѣ, замѣчательнѣйшія явленія княженія Даніила Галицкаго, которыми опредѣляется историческое значеніе этого княженія [4]).

Казиміръ говоритъ: »приведши предъ наше *обличе* слуга нашъ вѣрный Ходко Быбельскій и указалъ есть князя Львовы листы, и *иныхъ старыхъ князий листы...*«

[1]) Д. И. Зубрицкаго »Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червоной или Галицкой Руси« (М. 1845), стр. 80—84. »Наук. сборн., изд. литер. общ. Галицко-русской Матицы«. 1865, вып. III, стр. 182.

[2]) См. прим. 14-е.

[3]) Татищевъ пользовался для исторіи Галича и Волыни не галицко-волынскою лѣтописью, которой ему было извѣстно только начало (именно характеристика Романа, находящаяся въ Ип. подъ 1201 г. См. М. П. Погодина »Карамзинъ по его сочиненіямъ, письмамъ и отзывамъ современниковъ« (М. 1866), II, 126), а какою-то другою (сл. его »Исторіи Россійской«. Кн. I, ч. I (М. 1768), стр. 59, 61—62 и кн. III (М. 1774), прим. 589, 602), писанною не на мѣстѣ. Оттого у него, при подробностяхъ, отсутствующихъ въ галицко-волынской лѣтописи, встрѣчаются нерѣдко неточности въ извѣстіяхъ, понятныя только при отдаленности лѣтописца отъ пунктовъ, въ которыхъ совершались описываемыя событія. Такъ, о Владимірѣ Игоревичѣ онъ говоритъ, что послѣдній самъ изгналъ Романовичей изъ Владиміра-Вол. (кн. III, 351; сл. Ип., 481); Мстиславъ беретъ у него Галичъ и въ первый разъ съ боя (тоже у Длугоша: lib. VI. col. 605; сл. Ип. подъ 1212, 489); Татищевъ не знаетъ изгнанія Игоревичей Венграми при помощи Галичанъ (о немъ см. Ип., 1205, 483; сл. Тат., III, 364—365 и потомъ 371—372) и т. п.

[4]) Эпоху Даніила, ознаменовавшуюся поворотомъ въ жизни югозап. Руси, мы начинаемъ съ перваго выступленія Даніила въ качествѣ самостоятельнаго дѣятеля, т. е. со времени перваго прибытія Мстислава въ Галичъ. Оно же случилось въ 1219 г. [Полное собраніе р. лѣтописей, т. III (Спб. 1841), 37, и I (Спб. 1846), 216, а также VII (Спб. 1856), 126; Соф. Врем. по изд. Строева (1820), ч. I, 229; въ этихъ лѣтописяхъ неправильно только говорится о плѣненіи Коломана, которое совершилось не въ этотъ разъ; этотъ разсказъ повторенъ подъ

I.

Въ концѣ XII уже столѣтія мы замѣчаемъ въ нѣкоторыхъ передовыхъ русскихъ людяхъ сознаніе необходимости болѣе прочнаго строя, чѣмъ тотъ, который господствовалъ въ тогдашней Руси. Пѣвецъ Игоря Святославича такъ объясняетъ причину невзгодъ русской земли: »....Убуди жирня времена. Усобица княземъ на поганыя погыбе, рекоста бо братъ брату: се мое, а то моеже. и начяша князи про малое се великое

1218 г. и въ Никоновской лѣтописи (»Русская лѣтопись по Никонову списку, изданная подъ смотреніемъ Императорской Академіи наукъ«. Ч. II, Спб. 1768, стр. 341); у Татищева (III, 417) первое занятіе Галича Мстиславомъ также отнесено къ 1218 г.; можетъ быть, эти противорѣчія можно примирить, допустивъ, что походъ Мстислава былъ предпринятъ въ концѣ 1218 (мартовскаго) и въ началѣ 1219 (мартовскаго). П. Д. Бѣляевъ (»Разсказы изъ р. исторіи«, кн. 2-я, изд. 2-е, гл. 1-я, М. 1861, стр. 286) и С. М. Соловьевъ (»Исторія Россіи«, т. II, изд. 3-е, М. 1862, стр. 359) относятъ его ошибочно къ 1215 г.; ихъ соблазнило, вѣроятно, свидѣтельство нѣкоторыхъ лѣтописей, что еще въ 1215 г. Мстиславъ Мстиславичъ удалялся изъ Новгорода въ Кіевъ (П. с. р. л., III, 32; I, 211)—просить Галича, по словамъ нѣкоторыхъ (П. с. р. л., VII, 119; Ник. III, 318; ср. Татищ. III, 382—383, 401—402); въ Ник. (III, 317); о томъ же говорится еще подъ 1214 г., къ которому отнесено это событіе и въ Воскрес.]. А. С. Петрушевичъ кладетъ занятіе Галича подъ 1217 г. (»Галицкій историческій сборникъ, изд. общ. Галицко-русской Матицы«, кн. II, Львовъ 1856, стр. 20). Съ нами согласны: Н. М Карамзинъ (»Ист. Госуд. Росс.«, изд. Эйнерлинга, кн. I, т. III, прим. 189, стр. 86), Зубрицкій (»Ист. гал.-р. княж.«, III, 67) и И. И. Шараневичъ (»Исторія галицко-володимирской Руси«, Львовъ 1863, стр. 75)]. Около этого же перваго занятія Галича Мстиславомъ, мать Даніила, видя его уже взрослымъ, принимаетъ монашество (Ип., 490), хотя послѣ того не отреклась совершенно отъ участія въ политическихъ дѣлахъ, касавшихся ея сыновей (см. Ип., 492 и 548). Умеръ Даніилъ не ранѣе осени 1263 г. и не позже осени 1264 г. Мы такъ думаемъ потому, что объ его смерти говорится въ гал.-вол. лѣт. вскорѣ послѣ описанія убійства Миндовга и передъ описаніемъ кометы (Ип., 570), а эта комета была видна въ теченіе 80 дней въ августѣ, сентябрѣ и октябрѣ 1264 г. (см. Annales Wratisl. у Pertz'a, XIX, p. 528; ср. ibid., 601; ibid., IX, p. 560. Pez. »Scriptores rerum Austriacarum T. I. Lipsiae. MDCCXXI«, p. 464 и т. д.). Въ Густынской лѣт. смерть Даніила показана подъ 1262 г. (П. с. р. л., II, Спб. 1843, стр. 343); у Сарницкаго (Annales, sive de origine et rebus gestis Polonorum et Lituanorum libri octo. MDLXXXVII, p. 283: »1264. Russi et Tartari fusi et profligati a Polonis ad Pietam campum.

млъвити, а сами на себѣ крамолу ковати: а поганіи съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую... О! стонати Руской земли, помянувше пръвую годину, и пръвыхъ князей [1])«.

Быть можетъ, такое сознаніе, хотя, конечно, не вполнѣ пришедшее въ ясность, не мало помогло въ началѣ XIII в. одному изъ волынскихъ князей Роману Мстиславичу, отцу Даніила, при созданіи имъ изъ югозап. Руси одного сильнаго княжества, успѣвшаго сдѣлаться страшнымъ для сосѣдей въ самое короткое время.

Для южной Руси готовилась, повидимому, самая счастливая будущность, и недаромъ лѣтопись говоритъ о Романѣ нѣсколько разъ съ глубокимъ уваженіемъ, а въ народѣ живая память о немъ сохранилась 80 лѣтъ спустя послѣ его смерти [2]). Но новый порядокъ, заведенный Романомъ, держался силою его личности и еще долго нуждался въ поддержкѣ его самого или лица, подобнаго ему. Романъ же, къ несчастію, скоро умеръ, оставивъ своего малолѣтняго наслѣдника подъ опекою матери, не могшей, конечно, совладать съ громаднымъ количествомъ трудностей, которыя не замедлили явиться передъ нею. И вотъ дѣло Романа рушилось вслѣдъ за его отходомъ въ могилу, и югозападная Русь возвратилась къ прежнему состоянію раздробленія. Этого мало: иноземцы прочно утвердили въ ней свое вліяніе и стремились подчинить себѣ значительную ея часть.

Но въ то время, какъ, казалось, мысль объ ея сплоченіи совершенно исчезла и перестала тревожить возможностію своего осуществленія тѣхъ, кому это было непріятно, чрезъ пятнадцать лѣтъ послѣ смерти Романа, выросшій его сынъ Даніилъ, имѣя въ своемъ распо-

---

Dux autem Russorum erat Suarno. Nam Daniel Romanides paulo ante mortuus erat, licet Miechouiensis mortem eius in annum 1266 referat«) — подъ 1264 г.; въ Ann. Polon. I, IV. (Pertz, XIX, 636—637) и у Башко (Sommersb. II, 76)—подъ 1266 г., послѣ извѣстія о разбитіи русскихъ, упомин. въ Ип. подъ 1268; у Длугоша—подъ тѣмъ же годомъ (lib. VII, col. 779). Такимъ образомъ, наше повѣствованіе будетъ касаться времени отъ 1219 г. по 1264-й.

[1]) У Татищева (III, 94) подъ 1155 г. приводится любопытная рѣчь о единовластіи; см. также на стр. 337—338 интересное предложеніе будто-бы Романа Мстиславича—о переустройствѣ Руси.

[2]) Ип. подъ 1288, 605: по Владим. Васильков. »плакахуся тѣшіи мужи Володимерьстіи, рекуче: добро бы ны, господине, с тобою умрети, створиему толикую свободу, якоже и дѣдъ твой Романъ свободилъ бяшеть отъ всихъ обидъ«.

ряженіи—и то по милости Лешка [1])—одинъ Владиміръ [2]), вновь поднимаетъ этотъ вопросъ, возобновляетъ попытку отца и болѣе или менѣе успѣваетъ въ своихъ стремленіяхъ этого рода.

Окончательное уничтоженіе двухвѣковаго почти раздробленія въ югозападной Руси и подчиненіе ея власти только двухъ сыновей Романа—первое по времени изъ обращающихъ на себя вниманіе явленій этого княженія: главнымъ образомъ, оно наполняетъ первую его половину и составляетъ сущность ея событій [3]). Это же явленіе было исходнымъ пунктомъ всего дальнѣйшаго.

Исторія утвержденія власти Романовичей въ югозападной Руси весьма интересна, наглядно показывая политическія воззрѣнія и стремленія различныхъ членовъ тогдашняго русскаго общества.

Посмотримъ же, какъ произошло это соединеніе земель. Кромѣ Владиміра Вол., Даніилу досталась, помимо его стараній, только часть восточной Волыни [4]), именно—по завѣщанію весьма полюбившаго его Мстислава Нѣмаго, его родственника [5]). Но и тамъ Даніилу пришлось добывать себѣ силою нѣкоторыя части этого отошедшаго къ нему по завѣщанію удѣла [6]). Все остальное пріобрѣтено постепенно самимъ

---

[1]) Ип., 489.

[2]) Округъ Владиміра Вол. былъ въ то время незначителенъ. Вся западная украйна, Белзъ и Червень, Берестье къ нему не принадлежали.

[3]) Историки обыкновенно этого не замѣчаютъ.

[4]) Луцкъ, Пересопница, Черторыйскъ. Ип., 501—502.

[5]) Прежде Мстиславъ былъ очень расположенъ къ Даніилову отцу: »ужика сый Роману отъ племени Володимеря, прирокомъ Мономаха, бѣ бо велику любовь имѣя ко отцю его, сему же поручивше по смерти свою волость. дая князю Даниловѣ« Ип., 497.

[6]) И. И. Шарапевичъ (»Исторія«, 81) говоритъ, что, послѣ смерти Мстислава († 1228), Понизье, въ которомъ онъ пребывалъ въ послѣдній годъ своей жизни, отошло къ Даніилу. Но о Понизьи трудно сказать что-нибудь рѣшительное. Съ одной стороны, оно постоянно принадлежало къ галицкой землѣ (Ип., 501 и 525), и сдавали-бы бояре, находившіеся при Мстиславѣ Удаломъ до самой его кончины (Ип., 502), уступили его безъ боя Даніилу, а лѣтопись ничего не говоритъ о такомъ столкновеніи, подъ 1229 же годомъ дастъ поводъ думать, что Понизье управляемо было галицкими боярами (Ип., 506: »князю же Даниловѣ будущу въ Угровьсцѣ, прислаша Галичанѣ, рекуще: »яко Судиславъ шелъ есть во Понизье, а королевичь в Галичи осталъ; а пойди борже«); съ другой стороны, странно, зачѣмъ, по словамъ лѣтописи, одинъ изъ галицкихъ бояръ отправился туда однажды съ войскомъ (см. сейчасъ привед. мѣсто изъ Ип.).

Даніиломъ, такъ что Владиміръ былъ какъ-бы основнымъ ядромъ, къ которому примыкали покорявшіяся потомъ земли.

Можно различать два періода въ его дѣятельности въ этомъ отношеніи.

Первоначально онъ стремился къ подчиненію и покоренію земли, которыя были его »отчиною«, но въ тоже время ему не принадлежали. Такою »отчиною« прежде всего онъ могъ считать Владиміръскую землю, обнимавшую большую часть западной Волыни. Остальная часть послѣдней составляла особенный удѣлъ, главными городами котораго были Белзъ и Червень. Несомнѣнно, что и въ восточной части Волыни при Романѣ были особенные князья [1]); онъ только привелъ ихъ къ подчиненію себѣ [2]). Затѣмъ Даніилъ болѣе всѣхъ остальныхъ русскихъ князей имѣлъ правъ на Галичъ, потому что онъ одинъ могъ назвать Галичъ своею »отчиной«; кромѣ того, его отецъ былъ въ тѣсномъ родствѣ съ сошедшею со сцены галицкою княжескою линіею [3]), а Галичъ привыкъ переходить отъ отца къ сыну по праву наслѣдства. Въ послѣднее время своей жизни Романъ владѣлъ также Кіевомъ. Но Даніилъ или не считалъ за собою особенныхъ правъ на эту часть юго-западной Руси въ сравненіи съ другими князьями [4]), или не хотѣлъ ихъ заявлять, не желая вступать въ утомительную борьбу, которая, быть можетъ—онъ такъ думалъ, и въ случаѣ удачи не принесла-бы ему большихъ выгодъ. Что Даніилъ не имѣлъ тогда видовъ на Кіевъ, это лучше всего подтверждается тѣмъ, что Владиміръ Рюриковичъ, бывшій Кіевскимъ княземъ, боявшійся было на этотъ счетъ и воевавшій потому противъ Даніила, очень скоро успокоился и съ тѣхъ поръ

---

[1]) Извѣстіе Стрыйковскаго (Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiéj Rusi, T. I. Warsz. 1846. Str. 212), что Романъ владѣлъ Луцкомъ, невѣрно.

[2]) По словамъ Длугоша (lib. VI, col. 604), Романъ »fere universae Russiae, partim tyranni'e, partim largitione et ingenio usurpaverat dominationem et principatum, Russiaeque Duces in suum coegerat obsequium et tributum«. Въ этомъ, быть можетъ, смыслѣ Романъ названъ въ галицко-вол. лѣтоп. »самодержьцемъ всея Руси« (Ип., 479; ср. показаніе Стрыйковскаго о томъ, что Романъ называлъ себя »monarchą wszystkiej Rusi«. I, str. 210).

[3]) Ип., 444.

[4]) Мы не встрѣчаемъ, чтобы онъ претендовалъ на него такъ, какъ претендовалъ на др. земли, т. е. чтобы онъ называлъ его своею »отчиною«.

находился въ постоянномъ съ нимъ союзѣ [1]). Овладѣвши даже Кіевомъ, Даніилъ готовъ былъ возвратить его Михаилу Черниговскому [2]).

Такимъ образомъ, въ первую половину своей жизни Даніилъ стремился въ качествѣ отчича овладѣть Владимірскимъ удѣломъ, во всемъ его составѣ, и галицкою землею.

Такія стремленія онъ проявилъ сразу. Краковскій князь Лешко во время Даніилова малолѣтства отхватилъ нѣкоторыя забужскія земли. Породившись съ Мстиславомъ, Даніилъ жаловался ему на это: »отчину мою держитъ«, говоритъ онъ, и, когда тотъ не согласился помогать ему, онъ самъ »ѣха съ братомъ и прия Берестій, и Угровескъ, и Верещинъ, и Столпье, Комовъ, и всю Украйну [3])«. Другой походъ, съ цѣлью возстановленія прежнихъ границъ Владимірской земли, относится къ концу 1230-хъ годовъ. Даніилъ хотѣлъ идти на Ятвяговъ, но помѣшало наводненіе, о которомъ онъ узналъ у Берестья. Тогда онъ вспомнилъ, что у него есть враги поближе. »Данилови рекъшу: не лѣпо есть держати нашее отчины крижевникомъ, Тевличемъ, рекомымъ Соломоничемъ«, и *пойдоста на нь* в силѣ тлъкъ; приаста градъ мѣсяца марта, старѣйшину ихъ Бруна яша и вои изоимана, и возъвратися Володимѣрь [4])«.

---

[1]) Ип., 502—503; 511; 513—516.

[2]) Ип., 521: »Даніилъ же с(ъ)вѣтъ створи со братомъ си, обѣща сму Кіевъ Михаилови... Михаилъ же, за страхъ Татарьскыи, не смѣ ити Кіеву«.

[3]) Ип., 490.

[4]) Большинство историковъ не рѣшало вопроса о томъ, что именно изъ Даніиловой отчины было занято крестоносцами. Мы находимъ объ этомъ болѣе или менѣе подробныя соображенія только у Даніловича и у А. С. Петрушевича. Первый изъ нихъ (Skarbiec dyplomatów. T. I. Wilno, 1860. Str. 61 и 62 (№№ 76 и 77) полагаетъ, что лѣтопись говоритъ о помощи Даніила литовцамъ противъ соединеннаго на нихъ ополченія, и относитъ это къ 1237 г. Но лѣтопись не даетъ ни малѣйшаго права на такое заключеніе. А. С. Петрушевичъ слѣдуетъ прямому ея смыслу, но затрудняется, какихъ разумѣть рыцарей, Добрынскихъ-ли, »поселившихся въ порубежной Польшѣ для обереганія ея отъ нападеній язычниковъ Пруссовъ«, или настоящихъ Темпліеровъ, находившихся около этого времени въ г. Луковѣ, близъ русской границы? »Зап. вет. об.«, вып. II, 108, пр. 22). Третій ученый, И. Д. Бѣляевъ »Разск. изъ р. ист.«, кн. 4-я, ч. I, М. 1872, стр. 34), думаетъ, что лѣтописецъ имѣлъ въ виду Берестье. Для опроверженія этого достаточно внимательно прочесть слова лѣтописи. Мы полагаемъ, что здѣсь дѣло идетъ о возвращеніи Даніиломъ Дорогичина съ его

Изъ этого видно, что западная Волынь была покорена Даніиломъ безъ особенныхъ трудовъ.

округомъ, который въ 1237 г. былъ отданъ Конрадомъ Мазовецкимъ магистру Герману (разум. Баяку) и братьямъ рыцарямъ Христа, нѣкогда Добрынскимъ (quondam Dobrinensis ordinis). (Извлеченіе изъ грамоты Конрада находится у Даниловича: »Skarb«, № 79, str. 63; въ подлинникѣ же она помѣщена у Voigt'a II, 277). О томъ же упоминаетъ Ярошевичъ: »Obraz Litwy pod' względem jéj cywilizacyi«, cz. I. (Wilno 1844, str. 19). Этотъ городъ былъ, дѣйствительно, городомъ »отцовъ« Даніила, какъ называетъ его послѣдній (Ип., 524) и »отчиною«, какъ называетъ Даніилъ городъ, отнятый у крестоносцевъ. Дорогичинъ, занятый рыцарями, какъ видно изъ упомянутой нами грамоты, находился въ Подляхіи (»castrum Drohicin et totum territorium, quod ex eadem parte castri continetur a medietate fluminum Bug et Nur, usque ad metas Rolenorum«) (тутъ упоминается также о Пруссахъ). Нарушевичъ (»Historya narodu polskiego«, t. IV, Warsz. 1783, str. 86—87) говоритъ, что было два Дорогичина, одинъ въ Подляхіи, другой въ Холмской землѣ, и что русскимъ принадлежалъ послѣдній, бывшій первоначальною столицею Ятвяговъ; подляшскій же былъ основанъ ими ниже по Бугу, послѣ того какъ они были вытѣснены изъ земель, лежащимъ по верхнему его теченію; Даніилъ, по его мнѣнію, былъ коронованъ въ холмскомъ (ст. t. V, Warsz. 1803, str. 397). Въ этомъ случаѣ Нарушевичъ шелъ не за фактами, а старался подогнать ихъ подъ заранѣе придуманную гипотезу, которую ему хотѣлось доказать, во что бы то ни стало. Наша достовѣрная лѣтопись не знаетъ двухъ Дорогичиновъ, а тотъ, о которомъ она нерѣдко упоминаетъ, по всѣмъ соображеніямъ, находился въ Подляхіи. Возвращаясь изъ Мазовіи послѣ татарскаго нашествія, Даніилъ идетъ къ Дорогичину, затѣмъ къ Берестью, затѣмъ въ Холмъ (Ип., 524): очевидно, въ этомъ случаѣ нужно разумѣть Дорогичинъ подляшскій. О Васильке говорится, что онъ, отправившись однажды изъ Владиміра, былъ въ Дорогичинѣ на третій день (Ип., 531)—разстояніе, указывающее опять на подляшскій Дорогичинъ. Въ Дорогичинѣ же Даніилъ снимается на Ятвяговъ (Ип., 538 и 549), а Литва, идя воевать Ляховъ, проходитъ мимо него (Ип., 571) и т. д. Прибавимъ еще возраженіе Даниловича (»Skarb.«, str. 45, prim. 2), что трудно отнести къ холмскому Дорогичину слѣд. слова Кадлубка: »Horum (i. e. Pollexianorum) *latrunculos* quidam Ruthenorum Drohicinensis princeps fovere consueverat«. (»Res gestae principum et regum Poloniae«, p. II, Vars. 1824, p. 86), потому что »trudno, aby tak daleko zabiegało i szukało przytułku Pruskie Jotrowstwo, czyli kozactwo jakie zowie Stryjkowski«. Переходимъ къ опроверженію того, что первоначальною столицею Ятвяговъ былъ холмскій Дорогичинъ, а потомъ подляшскій. Если у Длугоша (lib. IV, col. 394: »gens Jaewingorum..., cujus principalis et Metropolis arx Drohiczyn«...) и у Стрыйковскаго (t. I, str. 183) говорится о Дрогичинѣ, какъ о столицѣ Ятвяговъ (Кадлубка Нарушевичъ не понялъ), то нужно думать, что Дорогичинъ былъ главный городъ въ отвоеванной

На Галичъ, составлявшій цѣлую Даніилову »полотчину [1])«, Даніилъ долго не заявлялъ своихъ притязаній. Только послѣ удаленія

отъ нихъ землѣ; приписывать же имъ самимъ его построеніе невозможно: извѣстно изъ Кадлубка (II, 88), что у нихъ не было городовъ, и это продолжалось до временъ Даніила (Ип., 553). Стрыйковскій говоритъ еще (I, 185), что папа разрѣшилъ Болеславу Стыдливому поставить въ Дорогичинѣ епископа для Ятвяговъ и прибавляетъ, что копія папской буллы есть у Длугоша, но тамъ (lib. VII, col. 771) о Дорогичинѣ нѣтъ и помину. Этотъ городъ былъ основанъ русскими поселенцами. Ярошевичъ (»Obraz Litwy«, I. 17) предполагаетъ, что это случилось послѣ ятвяжскаго похода Ярослава I, записаннаго въ нашей лѣтописи подъ 1038 г. Вмѣстѣ съ Берестьемъ Дорогичинъ былъ причисленъ къ Туровской системѣ (Татищевъ, »Ист. Р.«, кн. II (М. 1773), стр. 170 и 179; сл. П. с. р. л., I, 112),—владѣніямъ Изяславова рода. Можетъ быть, они всегда составляли одинъ удѣлъ, что̀ мы видимъ позже. Тогдашнія русскія границы въ тѣхъ краяхъ опредѣляются приблизительно тѣмъ, что Ярославъ Ярополчичъ Берестскій былъ пойманъ во время бѣгства на Нурѣ (П. с. р. л., I, 117) (сл. Татищ. III, 247). По Татищеву (II, 246), Изяславу Мстиславичу отъ Вячеслава остался одинъ Дорогичинъ. По Никон. (II, 66), въ 1132 г. Дорогичинъ (въ текстѣ Ник. стоитъ »Дрочевъ«, но Карамзинъ (т. II, прим. 260) утверждаетъ, что подъ нимъ нужно разумѣть Дорогичинъ; сл. Арцыбашева »Повѣствованіе о Россіи«, т. I, М. 1838. кн. II, № 453) былъ отданъ Ярополкомъ Изяславу Мстиславичу вмѣстѣ съ Туровомъ, Пинскомъ и др. Въ 1142 г. Всеволодъ Кіевскій предлагалъ Берестье, Дорогичинъ, Черторыйскъ, Клечьскъ, братьямъ и отдалъ первые два города Давидовичамъ. (Ип., 222—223). Въ 1149 г. въ Берестьѣ съ Дорогичинымъ сѣлъ, по словамъ Татищева (III, 2), Владиміръ Андреевичъ (Ипатскій списокъ, дѣйствительно, упоминаетъ подъ 1153 г. о немъ, какъ о Берестскомъ князѣ. Стр. 321). Потомъ онъ утратилъ ихъ (Тат. III, 52; Ип., 365). Въ 1171 г. Берестье и Дорогичинъ, по словамъ Татищева (III, 177), были уступлены Васильку, но въ 1173 г. мы застаемъ въ Берестьи меньшаго Романова брата (Ип., 383). Если вѣрить Татищеву (III, 2478), то упомянутый Василько Ярополчичъ Дроицкій владѣлъ Дорогичинымъ и забужскимъ Подляшіемъ еще въ 1182 г., а Берестье находилось тогда подъ властію Владиміра Минскаго; они вступили въ борьбу, и Василько, не имѣя чѣмъ вознаградить поляковъ за помощь, обѣщалъ передать имъ, при своей смерти, Подляхію; узнавши объ этомъ, Романъ Вол. прогналъ изъ нея Василька и поляковъ и присоединилъ Подляхію къ своимъ владѣніямъ. Карамзинъ (III, прим. 87, стр. 44) находитъ нѣкоторыя несообразности въ этомъ разсказѣ. Но несомнѣнно, что Дорогичинъ имѣлъ въ это время особеннаго князя и былъ центромъ отдѣльной области; это подтверждается Кадлубкомъ (см. выше), по словамъ котораго Дорогичинъ былъ завоеванъ Казиміромъ (II, p. 43 et 86). Извѣстіе Татищева о захватѣ его Романомъ, послу-

Мстислава изъ Галича онъ почувствовалъ свои руки развязанными, и съ этого времени его дѣятельность направлена преимущественно къ пріобрѣтенію этой богатѣйшей и лучшей части его отчины.

живаетъ вниманія при томъ характерѣ, которымъ отличался Романъ, и при тѣхъ стремленіяхъ, которыя онъ пытался осуществить. Стрыйковскій также говоритъ (I, 211), что Романъ владѣлъ Черною Русью. Вмѣстѣ съ Берестьемъ и др. украинными городами, былъ захваченъ Лешкомъ, вѣроятно, и Дорогичинъ и возвращенъ одновременно съ ними. Конрадъ взялъ его, вѣроятно, въ періодъ враждебныхъ отношеній къ Даніилу (въ 1235 или въ 1236 г.) Итакъ, Дорогичинъ, о которомъ говоритъ Конрадова грамота 1237 г., былъ отнятъ у юговападной Руси. Зная это и не встрѣчая другихъ случаевъ захвата русскихъ земель иноземцами въ то время, мы имѣемъ полное право допустить, что разсматриваемый нами походъ Даніила имѣлъ цѣлью возвращеніе Дорогичина, тѣмъ болѣе, что Даніилъ несомнѣнно владѣлъ послѣднимъ передъ самымъ татарскимъ нашествіемъ [въ противномъ случаѣ онъ не шелъ бы къ нему, возвращаясь изъ Польши послѣ этого нашествія; Даніила не впустили тогда въ городъ, который былъ занятъ имъ потомъ; »и обыновивъ... и рече: се градъ мой, преже бо приялъ и копьемъ« (Ип., 524) слово »*преже*« указываетъ на время, предшествовавшее занятію Дорогичина неизвѣстнымъ лицомъ, а лѣтопись ничего не сообщаетъ о взятіи его]. Всѣ почти данныя на сторонѣ нашего предположенія. Наша лѣтопись говоритъ о взятіи *одного* города (»приаста *градъ* мѣсяца марта...«, стр. 517); походъ былъ совершенъ Даніиломъ въ непродолжительное время: *весною* онъ пошелъ на Ятвяговъ и, не могши идти на нихъ по случаю разлитія рѣкъ, отправился на крестоносцевъ и побѣдилъ ихъ *въ мартѣ*; это согласуется съ тѣмъ, что Дорогичинъ былъ по сосѣдству съ Берестьемъ, изъ котораго Даніилъ пошелъ на Ятвяговъ. (Конрадъ даетъ крестоносцамъ округъ »usque ad metas Ruthenorum«, т. е. до границъ Брестской земли); занимавшіе Дорогичинъ рыцари были, дѣйствительно, »Тепличи«, т. е. Templarii, потому что, по словамъ Нарушевича (t. V, 1803, nota 86 do ks. II, str. 439), прежнихъ »braci Dobrzyńskich na prośbę biskupa Płockiego złączył w ieden zakon z krzyżakami w roku 1235 Grzegorz IX papież« (къ тевт. ордену причисляетъ этихъ Добрынскихъ рыцарей въ своемъ актѣ и Конрадъ); наконецъ, Конрадъ какъ-бы опасался какихъ-то нападеній и боялся, чтобы Дорогичинымъ не овладѣлъ кто-нибудь другой (»My nawzajem zobowiązaliśmy się bronić rzeczonéj ziemi Drohicin od nieprzyjacielskich natarczywości. Prócz tego, rzeczoni bracia uroczyście zobowiązali się nie lokować w ziemi Drohickiéj nikogo z możnych (neminem potentium) ku naszéj szkodzie i uciskowi, ani téj ziemi ustępować, przedawać, zamieniać, darować, lub jakkolwiek przelewać na kogo, bez naszéj zgody i rady«. Весьма правдоподобно толкованіе Даниловича (»Skarb.«, 63): »Wyraz *potentes* może ściągać się do zakonu niemieckiego, jak mniema Voigt; może też pod nim rozumiani są książęta Ruscy, pragnący podbić Drohiczyn, któ-

Не скоро и не легко пришлось ему окончательно въ ней утвердиться. Дѣло въ томъ, что онъ тамъ нат[illegible]нулся на весьма сильный отпоръ, тогда какъ на Волыни народъ бы[illegible] всегда на его сторонѣ [2]).

То же мы видимъ и въ Галичѣ. Но народное сочувствіе здѣсь немного значило. Было важно, какъ отнесутся къ Даніилу галицкіе бояре.

Это потому, что они пользовались [illegible] своей странѣ особенною силою, такъ что община не имѣла права рѣшающаго голоса.

Первоначальный складъ общественной жизни въ Червонной Руси [3]),

---

rego niemogąc obronić Konrad, darował zakonowi, aby miał od niego wsparcie przeciw Rusinom«). Затрудненіе можетъ быть только относительно времени, въ которое совершился Даніиловъ походъ. Лѣтописецъ ставитъ его передъ возведеніемъ на Конрада Литвы (которое случилось въ 1236 г.) и передъ поѣздкой Даніила въ Венгрію въ 1235 г., а Дорогичинъ находился во владѣніи рыцарей еще въ 1238 г., какъ видно изъ напечатанной у Даниловича найденной тамъ надгробной надписи. Но подъ 1235 г. въ галицко-волынской лѣтописи сбито въ кучу множество разновременныхъ событій, такъ что она не можетъ стѣснять насъ въ этомъ отношеніи, и послѣдуемый походъ Даніила мы имѣемъ право отнести къ 1238, или даже къ 1239 г. По лѣтописи можно обозначить время занятія Дорогичина поляками только приблизительно: передъ войною черниговскою онъ находился еще во владѣніи Романовичей (Ип., 531). Должно быть, покушенія крестоносцевъ этимъ не ограничились. Даніилъ просилъ папу, чтобы тотъ запретилъ крестоносцамъ и другимъ духовнымъ лицамъ поселяться и пріобрѣтать какія-нибудь имѣнія въ русскихъ земляхъ безъ княжескаго позволенія [см. Historica Russiae Monimenta, I, докум. LXIX-й (1247 г.)]. Что рыцари бывали во владѣніяхъ Даніила, можетъ быть съ коммерческою цѣлью, это видно изъ папской буллы 1248 г., въ которой Иннокентій IV просилъ послѣдняго, при первомъ извѣстіи о нашествіи татаръ на христіанскія земли, сообщать о томъ »dilectis filiis fratribus de domo Theotonica, in Russiae partibus commorantibus«. (H. R. M., I. № LXXVII).

[1]) Ип., 535: »Приславшу же Могучѣеви посолъ свой къ Даниловии и Василькови, будущю има во Дороговиски: *»дай Галичь«*!... и поѣха ко Батыеви, река: *»не дамъ полуотчины* своеи«...

[2]) Волынскіе бояре явились на помощь Даніилу даже въ то время, когда были на службѣ у другаго князя. Ип., 457: »Прииде король в Галичь, и приведе ятровь свою великую княгиню Романовую. и *бояре Володимерьскыи* і Иньгварь приде из Лучека, инии князи«. Во Владимірѣ княжилъ тогда Александръ Безъскій

[3]) Она образовалась изъ себя отдѣльную землю не позже 80-хъ годовъ XI-го стол. Первое указаніе на этотъ фактъ мы находимъ въ нашихъ лѣтописяхъ подъ 1086 г. (П. с. р. л., I, 88; въ Ип. сп., стр.

насколько мы имѣемъ право судить о немъ при крайней скудости извѣстій, не носилъ на себѣ никакого особеннаго отпечатка. Отношенія между общественными элементами: княземъ, дружиною и общиною, были тѣже, что и въ остальной Руси. Бояре составляли непремѣнную часть дружины, въ которой они занимали только высшее мѣсто [1]); дружина же сдвали была тѣсно связана съ землею [2]). Она упоминается довольно часто и ревностно поддерживаетъ князя еще при Владимірѣ, который *съ помощію ея* подавляетъ возстаніе въ Галичѣ и усаживается въ немъ, несмотря на сильную реакцію горожанъ. Изъ лѣтописнаго разсказа объ этомъ событіи видно, что народъ тогда былъ на одной сторонѣ, а князь и дружина стояли на другой [3]).

Иное замѣчаемъ въ Галичѣ при преемникѣ Владимірка, Ярославѣ Осмомыслѣ. При князѣ продолжаетъ пребывать постоянно его собствен-

---

145, подъ 1087) У Татищева (II, 136) Володарь Ростиславичъ названъ Перемышльскимъ еще въ 1081 г. Надѣлилъ Ростиславичей Червонною Русью Всеволодъ Ярославичъ. Мы такъ думаемъ на основаніи слѣдующихъ словъ княжескаго опредѣленія на Любечскомъ съѣздѣ: »а имъ же роздалъ Всеволодъ городы, Давыду Володимерь, Ростиславичема Перемышль Володареви, Теребовль Васильковичю«. (П. с. р. л., I, 109). Намъ кажется, что такое объясненіе этого мѣста вѣрнѣе, нежели предлагаемое Д. И. Зубрицкимъ (см. II-ю ч. »Ист. др. Гал.-р. княж.«, стр. 20): въ лѣтописи говорится: »*роздалъ*«, а не раздѣлилъ. Сл. Тат. II, 189, гдѣ Ростиславичи говорятъ Святополку: »какъ отецъ твой умеръ, то братъ твой Ярополкъ преступи отцово клятвенное обѣщаніе и Стрыя своего Всеволода увѣщаніе, насъ Владимира лишилъ, и мы уже довольны были тѣмъ, что намъ тогда дали, и братъ твой клятвою утвердилъ«. Пріобрѣтеніе Ростиславичей было окончательно утверждено за ними на Любечскомъ съѣздѣ.

[1]) Они составляли старшую дружину. См. слова Василька: »...реку брату своему Володареви и Давыдовы: дайта ми *дружину* свою *молодшюю*, а сама пійта и веселитася: и помыслихъ: на землю Лядьскую паступлю на зиму...« (П. с. р. л., I, 113).

[2]) У Татищева въ числѣ Васильковыхъ дружинниковъ упоминается одинъ иностранецъ. Знаменитый Петръ, плѣнившій Володаря, былъ принятъ весьма радушно Ростиславичами, потому что могъ украсить собою ихъ дружину (см. сочин. Кадлубка, I, 252).

[3]) Во время возстанія *вся* дружина поддерживала князя. »Послашася *Галичане* по Ивана по Ростиславича въ Звенигородъ, и въведоша къ собѣ въ Галичь. Володимиръ же слышавъ съвкупи *дружину*, и приде напь къ Галичю, и ста около города.... выступи на нѣ Иванъ с Галичаны....« и т. д. Ип., 226.

ная дружина [1]), которую должно отличать отъ собиравшагося на время земскаго ополченія—»полка [2])«, фигурировавшаго при внѣшнихъ столкновеніяхъ [3]), но верхній слой служилаго сословія, несмотря на то, что однажды названъ »дружиною« попрежнему [4]) и въ разговорѣ съ княземъ опредѣляетъ свои обязанности такъ, какъ это подобало настоящимъ дружинникамъ [5]), въ сущности уже отличенъ отъ дружины въ собственномъ смыслѣ этого слова, отъ »княжихъ слугъ [6])«. Онъ не чувствуетъ себя болѣе тѣсно соединеннымъ съ княземъ и представляетъ нѣчто совершенно отдѣльное. Онъ желаетъ и начинаетъ вліять на князя не такъ, какъ вообще вліяли тогда дружинники. Эта сила и авторитетъ высшаго класса галицкаго служилаго сословія по отношенію къ князю видны при Ярославѣ сразу. Извѣстно, что его отецъ захватилъ нѣсколько Изяславовыхъ городовъ. Ярославъ хотѣлъ ихъ возвратить, но бояре не позволили [7]). Они не терпятъ, чтобы дѣлами заправлялъ по милости князя кто-нибудь посторонній, и потому возстаютъ въ 1173 г. противъ Ярослава и такихъ его любимцевъ, названныхъ въ лѣтописи »чарговою чадью«, по всей вѣроятности—людей незнат-

---

[1]) Въ 1157 г. Ярославъ послалъ за Берладникомъ Святополка и Кенятина »съ многою *дружиною*«. Ип., 385.

[2]) »Полкъ« разграничивается отъ »дружины« въ слѣдующихъ словахъ Ярослава Осмомысла: »а *полкъ* его (т. е. Ярославова отца) и *дружина* его у мене суть«. Ип., 320.

[3]) О Ярославѣ Осм. говорится въ лѣтописи: »Бѣ... славенъ *полкы*: гдѣ бо бяшеть ему обида, самъ не ходяшеть *полкы* своими...« (Ип., 441—442). Въ 1153 г. Ярославъ вышелъ противъ Изяслава »*полкы* своими« (Ип., 321).

[4]) »И начашася слати к ней *Святополкъ и ина дружина* (къ Ярославовой женѣ), вабяче ю опять..« Ип., 384.

[5]) Такіе дружинники должны были »искать себѣ чти, а князю славы« (см. »Слово о п. Иг.«). Въ 1153 г., передъ битвой съ Изяславомъ, »Галичьскии мужи« говорили Ярославу: »а хочемъ за отца твоего честь и за твою головы своя сложити« (Ип., 321).

[6]) Ип., 319: »Петръ же поѣха въ градъ, и приѣха на княжь дворъ, и ту снидоша противу ему съ сѣнѣй *слугы княжи* вси в чернихъ мятлихъ... и яже взиде на сѣни, и види Ярослава сѣдяща на отни мѣстѣ в черни мятли и въ клобуцѣ, такоже и *вси мужи его*«.

[7]) Тат. III, 77: »бояре его не восхотѣли, говоря: »мы не хотимъ тѣмъ князю своему порока нанести, но, положась на Бога, будемъ его всею нашею возможностію защищать, доколѣ Богъ изволитъ. И съ тѣмъ посла Изяслава отпустили«. Сл. Ип., 320.

ныхъ [1]). Намъ кажется, что главнымъ поводомъ къ возмущенію было желаніе устранить ихъ преобладаніе; но, не рѣшаясь прямо высказаться, бояре привязались къ семейной жизни князя. Во всякомъ случаѣ вмѣшательство въ его семейныя дѣла указываетъ на значительную ихъ силу [2]). Впрочемъ, они не вполнѣ восторжествовали надъ Ярославомъ. Несмотря на то, что онъ цѣловалъ крестъ поступать по ихъ волѣ [3]), его жена принуждена была навсегда покинуть Галичъ [4]), а сынъ былъ однажды имъ изгнанъ [5]). Такую силу по отношенію къ князю проявилъ при Ярославѣ высшій классъ галицкаго служилаго сословія. Съ другой стороны, мы видимъ, что онъ присвоилъ себѣ и началъ пользоваться тѣми правами, которыми въ другихъ областяхъ пользовалась община, самъ сталъ распоряжаться за галицкую общину. Передъ своею смертью Ярославъ созываетъ весь народъ. »И ко преставленію своему в болезни тяжьцѣ познася худъ, и созва мужа своя и всю Галичкую землю, позва же и зборы вся и манастыря, и нищая, и сплныя и худыя«. Онъ кается во грѣхахъ своихъ передъ всѣми: »и тако глаголаше плачася ко всѣмъ: отци, и братья, и сыновѣ! се уже отхожю свѣта сего суетьнаго и иду ко Творцю своему, а сгрѣшихъ паче всихъ якоже

---

[1]) Г. Хлѣбниковъ (»Общество и государство въ до-монгольскій періодъ русской исторіи«, Спб. 1872, стр. 105) о времени до 1055 г. говоритъ: »нарочитыми людьми назывались горожане, а сельскіе-чадью«; въ примѣч. къ этому мѣсту читаемъ: въ самомъ словѣ »чадь« слышится явный слѣдъ родоваго быта, когда всѣ члены рода были чадами, дѣтьми родоваго старѣйшины. Теперь, хотя на развалинахъ родовъ образовались сотни, или боярскія имѣнія, но слово чадь не пропало; жители сотенъ назывались въ общемъ смыслѣ чадью; такъ назывались и полукрѣпостные бояръ: »мирошкина чадь« и т. д. Сл. для опредѣленія значенія этого слова П. с. р. л. I, 74, 97, Ип., 242. 372, 375, 384. Карамзинъ полагалъ, что подъ этимъ словомъ должно разумѣть *людей* (III пр. 24).

[2]) Нѣкоторые полагаютъ, что это было возстаніе всего народа. Можетъ быть боярамъ уда сь поднять народъ, но несомнѣнно, что главными дѣятелями были они. Такими они являются въ лѣтописи. Святополкъ и др. *члены дружины* говорятъ женѣ Ярослава, что *они* схватятъ его. Когда это совершилось, извѣщаетъ о томъ опять Святополкъ и притомъ слѣд. образомъ: »поѣдь стрятеть, отца ти *есмы яли*...« Ип., 384—385.

[3]) Ип., 385: »князя водивше ко кресту, яко ему имѣти княгиню въправду, и тако уладившеся«.

[4]) Она прожила остатокъ дней и умерла на сѣверѣ. Ип., 415, 422.

[5]) Ип., 428: »выгнапъ бяшеть отцемъ своимъ изъ Галича«.

инъ никтоже сгрѣши; а отци и братья! простите и отдайте«. Посмотримъ теперь, къ кому онъ обращается, когда зашло дѣло о столонаслѣдіи: »и се молвяшеть *мужемъ* своимъ: ...а се приказываю мѣсто свое Олгови, сынови своему меншему, а Володимѣру даю Перемышль«; и *съ мужами Галицкими*, а не съ кѣмъ другимъ, *заключаетъ* Ярославъ о томъ *рядъ* [1]). Точно также послѣ обращался *къ нимъ* Романъ Мстиславичъ, желая занять Галицкій столъ [2]).

Это довольно опасное для князя измѣненіе въ отношеніяхъ къ нему высшаго служилаго класса совершилось постепенно и довольно незамѣтно, и потому-то княжеская власть не приняла противъ него во время мѣръ. При Владиміркѣ въ галицкой землѣ установилось единовластіе и правило передачи стола отъ отца къ сыну. Попытка Берладника при Ярославѣ получить удѣлъ въ галицкой землѣ окончилась неудачей. Другія же княжескія вѣтви не простирали своихъ притязаній на Галичъ до конца XII-го стол. Такимъ образомъ, съ 1144 г. въ Галичѣ не было той смѣны князей, какая имѣла мѣсто въ другихъ областяхъ, а правилъ одинъ князь—безъ конкуррентовъ. Князь былъ одинъ, а земля была обширна [3]). Естественно, что бояре получили въ [illegible]мую широкую власть. Они сидѣли не только въ незначительныхъ [illegible] и въ первостепенныхъ [4]). Они могли оставаться на однихъ мѣстахъ очень долгое время, потому что не было обстоятельствъ, которыя могли-бы ихъ заставить покидать ихъ: послѣ смерти отца они продолжали служить у заступавшаго его мѣсто сына; такъ, у Ярослава были »мужи« его отца [5]). Мы встрѣчаемъ въ лѣтописи лицъ, служившихъ князю въ теченіе 20-ти лѣтъ [6]). Управленіе областями должно

---

[1]) Ип., 442: »и урядивъ я, и приводи Володимѣра ко хресту и мужи Галичкыя на семь, яко ему не искать подъ братомъ Галича«.

[2]) Ип., 444.

[3]) Какъ рѣдко было подобное обстоятельство въ то время (подчиненіе *одному* князю такой большой области), видно изъ слѣдующихъ предсмертныхъ словъ Ярослава Осмомысла: »се *азъ одиною* худою своею *головою* ходя, *удержалъ всю Галичкую землю*« (Ип., 442).

[4]) Въ 1146 г. въ Звенигородѣ сидѣлъ »воевода Володимирь мужь« (Ип., 228).

[5]) См. ниже.

[6]) Тудоръ Елуичь упоминается въ лѣтописи въ 1160 (Ип., 347) и въ 1180 год. (ib., 417). Кенятинъ Сѣрославичь въ первый разъ упоминается въ 1157 г. (Ип., 335), а въ послѣдній разъ въ 1173 (ib., 384).

было дать имъ особенную силу. Вслѣдствіе всего этого »княжіи мужи« сдѣлались крѣпкими землѣ [1]) и получили въ ней важное значеніе; ставши же не только »княжими«, но и »Галицкими« мужами, успѣвши достигнуть въ своей землѣ могущества, они начали существовать, какъ нѣчто постоянное, помимо воли князя.

Прямымъ подтвержденіемъ всего сказаннаго о процессѣ образованія »Галицкихъ мужей«, являющихся въ кіевской лѣтописи съ половины XII в., могутъ служить собственныя ихъ слова Ярославу. Они говорили ему передъ битвой съ Изяславомъ: »ты еси молодъ, а поѣди прочь и насъ позоруй, како ны будешь отецъ твой кормилъ и любилъ, а хочемъ за отца твоего честь и за твою головы своя сложити«; и рѣша князю своему: »ты еси у насъ князь одинъ, оже ся тобѣ што учинить, то што намъ дѣяти? а поѣди, княже, къ городу, ать мы ся бьемъ сами съ Изяславомъ, а кто насъ будеть живъ, а прибѣжеть к тобѣ, а тогда ся затворимъ в городѣ с тобою [2])«. Изъ этихъ словъ ясно: 1) что »Галицкіе мужи«, о которыхъ говорить потомъ постоянно лѣтопись,—княжескіе дружинники, а не »лучшіе люди« земли: въ приведенномъ нами мѣстѣ лѣтописи они поставляютъ своею обязанностію ложить свои головы за честь князя; 2) что эти дружинники въ мирное время управляли городами галицкой земли: Владимірко ихъ *кормилъ* [3]); 3) послѣ Владимірка они служили Ярославу; 4) это были люди, осѣвшіеся на мѣстѣ, не могшіе послѣ смерти одного князя перейти за извѣстную плату къ другому: »ты у насъ князь одинъ«, говорили они Ярославу. Не допуская раздробленія галицкой земли во все послѣдующее время, противодѣйствуя отчужденію малѣйшей ея части, они, напротивъ, стремились увеличивать территорію своего княжества,

---

[1]) Съ половины XII в. лѣтопись все чаще и чаще называетъ ихъ »Галицкими мужами«.

[2]) Ип., 321.

[3]) Что мы правильно понимаемъ это слово и что оно въ то уже время было техническимъ [такъ думаетъ и М. П. Погодинъ: »[illegible] гапія, замѣтки и лекціи о русской исторіи«, т. VII (М. [illegible], 139, пр. 35], это доказывается употребленіемъ его въ такомъ смыслѣ еще въ одномъ мѣстѣ лѣтописи (Ип., 514: Даніилъ »прия землю Галичьскую и розда городы боляромъ и воеводамъ, *и бѣаше кърма у нихъ много*«). В. И. Сергѣевичъ (»Вѣче и князь«, М. 1867, стр. 274) говоритъ о періодѣ удѣльно-вѣчеваго уклада: »Получить хорошую волость и быть сыту—это синонимы«.

потому что, вмѣстѣ съ тѣмъ, расширялось пространство, подлежавшее ихъ управленію; вотъ почему они удержали Ярослава отъ возвращенія городовъ, занятыхъ его отцомъ. Позже польскіе паны, въ борьбѣ за Червонную Русь, Подолію и Волынь, руководились тѣми же самыми соображеніями.

Пріобрѣтая въ странѣ первенствующее положеніе, дружинники пользовались имъ не какъ лучшіе члены общины, не разрывавшіе съ нею связи, а независимо отъ нея и даже въ ущербъ ей. Несмотря на то, они не встрѣчали отъ нея сильнаго сопротивленія, потому что она была рано подавлена въ Галичѣ. Усмиривши возстаніе, *Владимірко княжилъ насильно въ двухъ важнѣйшихъ городахъ своей земли*, именно—въ Галичѣ и Звенигородѣ [1]). Реакція противъ Ярослава, судя по всѣмъ даннымъ, также исходила изъ народной массы; мы видимъ ее не въ Галичѣ только, но и на югѣ княжества, въ Берладѣ, Кучелминѣ и Ушицѣ [2]). Изъ словъ посольства галичанъ къ Изяславу Давыдовичу можно замѣтить, что недовольные молчали подъ давленіемъ силы, но готовы были возстать при первомъ появленіи сторонней подмоги, на которую могли-бы опереться. Но они ее не дождались (Ярославъ былъ очень силенъ и страшенъ потому; кромѣ того, имѣлъ среди князей весьма много союзниковъ) и безпрекословно снесли непріятную власть. Какъ опасною казалась эта реакція Ярославу по количеству ея сторонниковъ среди его подданныхъ, видно изъ его стараній захватить въ свои руки Берладника [3]).

---

[1]) А вѣдь главные города были вожаками областныхъ общинъ.

[2]) Замѣчательно, что Ивана Ростиславича, котораго недовольные выставили противъ Ярослава, вездѣ встрѣчали съ сочувствіемъ. Къ нему пристало 6000 берладниковъ; когда онъ подошелъ къ Кучелмину, »ради быша ему«; Ушица не сдалась потому, что вошла Ярославова »засада«, которая крѣпко билась; »а смерди скачуть чересъ заборола къ Иванови, и перебѣже ихъ 300« (Ип., 341); обыкновенно этого не бывало при княжескихъ междоусобіяхъ. При осадѣ Ушицы обращаетъ на себя вниманіе немало повредившая ему его заботливость о народѣ: »и хотѣша Половци взяти городъ, Иванъ не да имъ взяти« (Ип., ib.). Можетъ быть, народъ любилъ Ивана именно за это и подобныя ему качества.

[3]) Какую огромную онъ составилъ однажды для этого коалицію! »Нача Ярославъ Галичьскый искати Ивана Ростиславича, стрыичича своего: Ярославъ бо бяше подъмолвилъ князѣ Рускѣ, и короля, и Лядьскыя князя, да быша ему были помочьници на Ивана, и обѣща-

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что галицкое боярство становилось постепенно въ особенное положеніе вслѣдствіе чисто мѣстныхъ условій. Принимаемое всѣми почти изслѣдователями вліяніе сосѣднихъ странъ, Польши и Венгріи, отличавшихся аристократическимъ строемъ, могло имѣть второстепенное только значеніе. Владимірскій удѣлъ также граничилъ съ Польшею, однако мы не замѣчаемъ тамъ особенностей, свойственныхъ Галичу [1]).

Въ послѣдующее время, именно отъ смерти Ярослава Осмомысла до окончательнаго утвержденія Даніила въ Галичѣ, тамъ продолжали существовать мѣстные бояре, подобныхъ которымъ находимъ еще въ Новгородѣ. Князья смѣнялись, а бояре оставались одни и тѣже; ни одинъ изъ князей, занимавшихъ галицкій столъ, не могъ отодвинуть ихъ на второй планъ, затереть ихъ своими собственными боярами; если у него были свои дружинники, то они не играли въ странѣ значительной роли [2]).

Но этотъ періодъ довольно продолжителенъ; старые Ярославскіе бояре должны были вымереть въ началѣ его. Спрашивается, откуда пополнялся этотъ классъ населенія и какъ поддерживался?

Положеніе этихъ бояръ въ странѣ было такое же, въ какомъ находились Ярославовскіе бояре. Князья весьма часто теряли ихъ по неволѣ, встрѣчая на каждомъ шагу отъ нихъ стѣсненіе, готовность къ неповиновенію, личныя оскорбленія. Взгляните также на ихъ отношенія къ остальному населенію земли. Гдѣ должна была что-нибудь рѣшать сама страна, тамъ всегда выступали на сцену бояре. Изрѣдка только проглядываетъ въ лѣтописи народъ, какъ дѣятельная сила; онъ заявлялъ свой голосъ, когда налицо не было бояръ. Бояре же въ политикѣ почти всегда дѣйствовали вопреки его благосостоянію. Они были виновниками большинства смутъ въ странѣ со времени смерти Яро-

---

шася ему вси. И послаша посы Кіеву къ Изяславу Давыдовичю: Ярославъ Галичьскый Избигнѣва, Святославъ Олговичь Жирослава Иванковича, Ростиславъ Мьстиславичь, Мьстиславъ Изяславичь Жирослава Васильевича, Ярославъ Изяславичь Опоффья, Володимеръ Андрѣевичь Гаврила Васильевича, Святославъ Всеволодичь Кыянина, король мужа своего, и отъ Ляховъ мужь свой«. (Ип., 341).

[1]) См., напр., мѣста Ип. сп. о Романовой дружинѣ При Даніилѣ Волынскіе бояре являются съ прежнимъ характеромъ.

[2]) Когда бояре возмутились противъ Владиміра Ярославича, его дружина бѣжала вмѣстѣ съ нимъ. Ип., 444.

слава Осмомысла, особенно со времени смерти Романа, тогда какъ до кончины Ярослава, во все почти продолжительное его княженіе, галицкая земля наслаждалась завидным покоемъ. Они наводили иновемцевъ, которые—были мгновенія—посягали даже на народную совѣсть. Этого мало: сами бояре не особенно церемонились съ народомъ. Послѣ татарскаго нашествія »Доброславъ вокняжилься бѣ и Судьичь, поповъ внукъ, и *грабяше всю землю*, и вышедъ во Бакоту все Понизье прия... Григорья же Васильевичь собѣ горную страну Перемышльскую мысляще одержати; *и бысть мятежь великъ в земль и грабежь отъ нихъ* [1])«. Народъ предстаетъ въ жалкомъ видѣ. Вотъ какую картину рисуетъ въ одномъ мѣстѣ лѣтописецъ: »приехаша с великою гордынею, едучю Доброславу во одиной сорочьцѣ, гордящу, ни на землю смотрящю, Галичаномъ же текущимъ у стремени его... [2])«. Послѣ всего этого, намъ кажется, невозможно допустить, чтобы всѣ галицкіе бояре взятаго нами періода были »новыми«, такъ сказать, людьми, постоянно выходившими изъ массы. Неужели шайка подобныхъ людей, во всякомъ случаѣ немногочисленная [3]), могла заправлять дѣлами значительной по объему области [4])? Какимъ образомъ масса спосила-бы самоуправство такихъ ничѣмъ, кромѣ буйства, не выдававшихся людей? Съ другой стороны, были ли бы эти личности опасны для князей? Да и какъ они въ такомъ случаѣ достигали боярства? Мы думаемъ, что званіе бояръ удерживалось постоянно въ родахъ лицъ, пользовавшихся имъ при Яро-

---

[1]) Ип., 525.

[2]) Ibid.

[3]) Точно опредѣлить количество галицкихъ бояръ нѣтъ возможности; но что оно было невелико, явствуетъ изъ всѣхъ мѣстъ лѣтописи. Это утвержденіе не упадетъ и тогда, когда мы отнесемся съ довѣріемъ къ тому мѣсту Ипатскаго списка, въ которомъ говорится (Ип., 484) что число убитыхъ Игоревичами бояръ доходило до 500 [слова: »Щепановичъ (раз. былъ убитъ), инии велицин бояре; убьено же бысть ихъ числомъ 500« находятся въ одномъ Ипатскомъ спискѣ; см. ibid., вар. 5) Но, кажется, нужно согласиться съ Н. И. Костомаровымъ, что »это быть можетъ позднѣйшая вставка, потому что въ нѣкоторыхъ спискахъ оно пропущено и вообще это число слишкомъ велико для числа однихъ знатныхъ (величавыхъ) особъ по преимуществу« (»Историческія монографіи и изслѣдованія«. Т. I. Спб. 1863, стр. 212).

[4]) Они имѣли такой вѣсъ въ странѣ, что, на чью сторону склонялись, тотъ могъ разсчитывать на вѣрный успѣхъ. Оттого-то Даніилъ однажды радовался, когда къ нему перешли галицкіе бояре. (Ип., 506)

славѣ,—что эти лица успѣли добиться такой силы въ странѣ, что ихъ вліяніе не могло уже быть подавленнымъ и исчезнуть и перешло къ ихъ дѣтямъ [1]). Прямое указаніе на такую преемственность боярскаго достоинства въ однихъ фамиліяхъ находимъ въ галицко-волынской лѣтописи подъ 1208 г., въ рѣчи боярина Владислава подъ Перемышлемъ. Обращаясь, очевидно, къ боярамъ, а не ко гражданамъ [2]), онъ такъ убѣждалъ ихъ сдаться: »братье! почто смущаетеся? не сии ли *избиша отцы* ваша *и братью* вашю, а инѣи *имѣнье* ваше разграбиша, и дщери ваша даша за *рабы* ваша, а *отьчьстыи* вашими владѣша инии пришелци? то за тѣхъ ли хочете душю свою положити [3])«? Эти слова показываютъ, что *отцы* и братья этихъ бояръ были также боярами, что у нихъ были *отчины*, которыми завладѣли бояре, пришедшіе съ Игоревичами [4]). Въ лѣтописи можно найти и косвенныя подтвержденія высказаннаго нами мнѣнія. Что означаютъ слова бояръ: »не хочемъ кланятися попадьи [5])«? Обратимъ потомъ вниманіе на то, что въ качествѣ боярскихъ упоминаются цѣлыя фамиліи: Молибоговичи и Володрисы [6]), Арбузовичи [7]). Чѣмъ же удерживали свое вліяніе эти роды?

---

[1]) Татищевъ правильно называетъ галицкихъ бояръ постоянно »знатными«. Съ избіеніемъ существовавшихъ боярскихъ родовъ нѣкоторые князья разсчитывали достигнуть полной власти въ странѣ.

[2]) Одного объ этомъ мнѣнія съ нами держится и В. В. Пассекъ (»Княжеская и докняжеская Русь« въ »Чт. въ Общ. ист.« 1870, № III, стр. 60, прим. 96). Правда, не задолго передъ тѣмъ лѣтописецъ сказалъ о бѣгствѣ бояръ изъ галицкой земли (Ип., 484), но нѣкоторые могли остаться. По крайней мѣрѣ трудно допустить, чтобы Владиміръ говорилъ къ мѣстнымъ жителямъ: Игоревичи преслѣдовали только бояръ и указаніемъ на эти преслѣдованія едвали-бы онъ могъ ихъ разжалобить. Но и въ томъ случаѣ, еслибы мы согласились съ С. М. Соловьевымъ, что это были Перемышляне, нашъ выводъ не пострадалъ-бы; и тогда оставалось-бы несомнѣннымъ, что въ рѣчи разумѣлись бояре, на которыхъ Игоревичи воздвигли гоненіе.

[3]) Ип., 485.

[4]) У Татищева (III, 372) упоминаются ихъ »служители«.

[5]) Ип., 444.

[6]) Ип., 509. Что это были цѣлыя фамиліи, видно изъ того, что ихъ было схвачено 28 человѣкъ.

[7]) Ип., 513: »Травѣ же бывшю, Данилъ же пойде со братомъ и со Олександромъ Плѣсньску и пришедъ *взя и подъ Арѣбузовичи*, и великъ плѣнъ прия, обратися во Володимѣръ«. Здѣсь Арбузовичи—не мѣстность, потому что лѣтописецъ не могъ считать нужнымъ объяснять для читателей, гдѣ находился Плѣсньскъ. Большинство бояръ

По всей вѣроятности, оно основывалось на ихъ экономическихъ преимуществахъ [1]). Они владѣли землями, которыя передавали въ наслѣдство дѣтямъ [2]); эти земли были заселены свободными поселенца-

---

въ лѣтописи названо не только по имени, но и по отечеству; по изслѣдователь ничего не почерпнетъ изъ этого для рѣшенія занимающаго насъ вопроса, потому что по одному отчеству, при отсутствіи указаній на фамиліи *), нельзя дѣлать заключенія о родствѣ одного боярина съ другимъ, считать одного сыномъ, а другаго отцомъ. А легко можетъ родиться слѣд. вопросъ: Михалко Глѣбовичъ (Ип., 490) не сынъ-ли Глѣба Потковича (Ип., 487)? Держикрай Володиславичъ (Ип., 496) не сынъ-ли Володислава кормиличича (упом. въ Ип., 484—489) или Володислава Витовича (Ип., 491)? Володиславъ Юрьевичъ не сынъ-ли Юрія Витановича (Ип., 484), или Юрія Домамѣрича (Ип., 496), или Юрія—Перемышльскаго тысяцкаго (Ип., 499)? Василій Гавриловичъ (Ип., 510), если только это не волынскій боярин (упом. въ Ип., 490 и 497), не сынъ-ли Гаврила Изворовича (Ип., 491)? Григорій Васильевичъ не сынъ ли Василія Молзы (Ип., 490,? Судиславъ Ильичъ (Ип., 516) не сынъ ли Ильи Щепановича (484,? Не поднимаемъ вопроса о Василіи Глѣбовичѣ и о Ѳедорѣ Дмитровичѣ (Ип., 533 и 539), о которыхъ не знаемъ, были-ли они галицкіе бояре.

[1]) Кадлубекъ предполагаетъ, что Романъ могъ избивать бояръ для того, »ut *Potentioribus de medio sublatis* securius imperet.« (II, 128). Отсюда видно, что это не были неимущіе люди и что не одною храбростью они первенствовали въ массѣ. Въ одной грамотѣ Белы IV Даниловы бояре названы баронами: »Deinde cicatrice sui vulneris nondum obducta, cum Daniel Ruthenorum Rex ad campestre praelium contra ipsum nostrum generum prodisset, strenuitas ejusdem Magistri Laurentii desidiae obscuritatem abhorrens in lucem prodiit probitatis, et singulariter hostili se immiscens aciei, *quendam de Rusciae Baronibus* impulsu dejecit lanceali«. (»Imago novae Hungariae a S. Timon. Viennae Austriae, MDCCLIV«, p. 80).

[2]) См. приведенное уже нами мѣсто лѣтописи. Мы можемъ указать и на другое еще, говорящее о боярскихъ отчинахъ: »...лтъ бысть величавый Филя паробкомъ Добрынинымъ, его же лживый *Ярославъ* украль бѣ, и обличену ему бывшю, про него же *погуби отчину свою*« (Ип., 493). Изъ него видно, что Ярославъ далъ возможность Филѣ убѣжать и за то былъ лишенъ отчины

*) Фамиліи существовали несомнѣнно, но лѣтопись называетъ ихъ весьма мало (къ вышеуказ нимъ прибавимъ еще двѣ найденныя нами въ лѣтописи; подъ 1213 въ ней упоминаются (Ип., 490) Молза и Скула; это объясняется тѣмъ, что тогда въ ходу были названія лицъ по именамъ; лѣтопись не отстала отъ этого обычая, имѣя въ виду читателей не теперешнихъ, а тогдашнихъ, знавшихъ болѣе или менѣе тѣхъ бояръ, о которыхъ она говорила; предполагая это знаніе, болѣе выдававшихся лицъ она не называла даже по отествамъ.

ми [1]) и рабами [2]). Въ Галичинѣ землевладѣніе было весьма выгодно [3]), а потому у бояръ, кромѣ недвижимыхъ, были значительныя движимыя имущества [4]), которыя накоплялись также посредствомъ управленія областями [5])

---

[1]) Изрекая на Ярослава проклятіе, лѣтописецъ говоритъ между прочимъ: »да будетъ дворъ его пустъ, и в селѣ его не будетъ живущаго« (Ип., 499) Онъ пользовался въ этомъ случаѣ словами одной библейской книги, но употребилъ ихъ потому, что они имѣли приложеніе къ Ярославу.

[2]) Ип., 485; 493: »ятъ бысть величавый Филя паробкомъ *Добрынимомъ*« (вироч., можетъ быть, »Добрынинъ« — названіе самаго паробка). Въ огромномъ количествѣ рабы должны были добываться во время войны (см. Ип., 488, 504, 505, 516 и т. п. мѣста лѣтописи о захватѣ большаго количества плѣнныхъ во время войнъ). Не получали-ли иногда села названій отъ боярскихъ именъ? Въ гал.-вол. лѣтоп. встрѣчаемъ боярина Вышату (Ип., 529), а въ Переворскомъ повѣтѣ Червонной Руси есть с. Вышатычи (»Русскій истор. сборникъ, изд. Имп. Общ. ист. и др. Р.«, т. VII (М. 1844), стр. 115).

[3]) Н. И. Костомаровъ утверждаетъ, что въ галицкой Руси было болѣе чѣмъ въ др. мѣстахъ »возможности образоваться классу богатыхъ землевладѣльцевъ: во-первыхъ, почва была очень плодородна и продукты сбывались удобнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; во-вторыхъ, край галицкій былъ болѣе удаленъ отъ сосѣдства кочевниковъ, чѣмъ, напр., край кіевскій, хотя не менѣе плодородный и богатый, но безпрестанно подвергавшійся разореніямъ«. (»Вѣстникъ Европы« 1870, № XI, стр. 40, ст.: »Начало единодержавія въ древней Руси«).

[4]) Въ привед. уже нами мѣстѣ лѣт. читаемъ: »*имѣніе* ваше разграбиша« (Ип., 485). Захваченный венграми »Судиславъ во злато премѣнися, реките, *много злата* давъ избавися« (Ип., 487). »Михалка же Скулу убиша, согониве на Щирѣцѣ, а главу его сосѣкоша, *трои чепи* сняше *золоты*...« (Ип., 490). По словамъ Кадлубка (II, 126), Галицкіе »Proceres precibus accumulant, *argenti, auri talenta innumera, gemmas, vasa, et vestes generis exquisitissimi, omne sericorum, omne prestantissimarum genus rerum*, offerunt, et protensius illaturos pollicentur, ne Rutheni jugo subesse compellantur«. Разсуждая о причинѣ Романова тиранства, Кадлубекъ говоритъ, что, мож. быть, Романъ хотѣлъ, *fortunas* interemptorum eripere (ib., 128). О томъ же князѣ Стрыйковскій сообщаетъ (I, 211), что онъ »wielkie skarby zebrał, pobierając dobra i majętności uciekających i wywołanych panów Ruskich«.

[5]) Оттуда, вѣроятно, богатства, видѣнныя Даніиломъ на дворѣ у Судислава: »Даніилъ же взя дворъ Судиславль, якоже вино, и овоща, и корма, и копій, стрѣлъ пристрапьно видити« (Ип. 506). Тѣмъ же способомъ обогатились бояре, пришедшіе съ Игоревичами. Тат. (III, 372) говоритъ: »Романа и Владиміра повѣсили предъ градомъ, служителей же ихъ Галичане всѣхъ побили, а иныхъ ограбя отпустили, и взявъ отъ имѣнія ихъ болѣе 1000 гривенъ серебра, дали Венгромъ, и къ

и торговли [1]). Притязанія галицкаго боярства опирались только на это фактическое превосходство: бояре управляли страною потому, что были сильнѣе. Они не провели юридически исключительности своихъ правъ на это, юридически не обособились отъ массы, и послѣдняя не считала себя разставшеюся съ своими вѣчевыми правами; такъ, она призывала нѣсколько разъ Даніила [2]). Въ этомъ главное отличіе галицкой боярщины отъ западной [3]). Оттого, хотя галицкое боярство было

королю послали съ благодареніемъ«. Города и въ галицкой Руси служили средствомъ содержанія: »Прибѣже изъ Царягорода братанъ царевъ кюръ Андроникъ къ Ярославу у Галичь, и прия и Ярославъ с великою любовью, и *да* ему *Ярославъ нѣколико городовъ на утѣшение*« (Ип., 359).

[1]) Н. П. Костомаровъ сходно съ нами принимаетъ бояръ за богачей; но въ то же время онъ думаетъ (»Моногр.«, I, 208), что это-то богатство и давало имъ боярство, что бояре выходили изъ класса состоятельныхъ людей, и далекъ отъ мысли о наслѣдственности этого званія. Но богатство переходило отъ отцовъ къ дѣтямъ. Что бояре галицкіе не были просто состоятельными людьми, но при этомъ происходили отъ правительственныхъ лицъ, это видно изъ того, что они на управленіе областями смотрѣли, какъ на главную свою профессію, постоянно добивались участія въ немъ и вообще считали за собою какое-то право на это; князья удовлетворяли ихъ желанію: заняв̀ши однажды Галицкую землю, Даніилъ »розда городы боляромъ и воеводамъ« (Ип., 514). Нѣкоторые бояре получили свои прозванія отъ мѣстностей, которыхъ были правителями (Ип., 515: »Борисъ же *Межибожьскый*...« О Климятѣ утвержденіе И. И. Шараневича (»Исторія«, стр. 105) ошибочно: слова »съ Голыхъ горъ« должно отнести къ его бѣгству съ нихъ). Замѣчательно, что Кадлубекъ (II, 127) и Богуфалъ (стр. 53 въ изд. Соммерсберга: »Silesiacarum rerum scriptores«. T. II. Lipsiae 1730) называютъ бояръ сатрапами (т. е. областными правителями).

[2]) Ип., 501, 506, 514, 517.

[3]) Укажемъ, какъ на общую обѣимъ черту, на то, что тѣ и другіе аристократы должны были, въ случаѣ надобности, являться къ своему господину на помощь съ вооруженными отрядами. Подъ 1231 г. читаемъ въ гал.-вол. лѣтоп. о Даніилѣ слѣдующее: »устремися изыти со маломъ ратникъ, и Мирославу пришедшу къ нему на помощь с маломъ отрокъ, *невѣрнии же вси на помощь ему идяху*...« (Ип., 509). Боярскіе »полки« упоминаются еще въ XII в. (Ип., 444: »Мужи же Галичкыи приимше с(ъ)вѣтъ Романовъ, *совокупивше полкы своя*...«). Подъ 1213 г. въ Ип. сп. (стр. 490) упоминаются въ Городкѣ »людье Судиславли« (впроч., можетъ быть, лѣтописецъ хотѣлъ сказать, что Городокъ принадлежалъ Судиславу).

родовымъ, все-таки оно не представляло изъ себя замкнутаго сословія, и доступъ къ этому званію не былъ загражденъ и простымъ людямъ. Въ лѣтописи упоминается нѣсколько бояръ происходившихъ изъ низшихъ классовъ, хотя разсказъ ея объ этомъ даетъ знать, что это были довольно рѣдкіе случаи [1]). Такимъ образомъ, даже относительно Галича остается вѣрнымъ то положеніе, что »древняя Россія не знала сословій. Это явленіе царской эпохи нашей исторіи; только первые зародыши его относятся къ концу княжескаго періода. Въ княжескую же эпоху все населеніе представляетъ единообразную массу, разные слои которой отличались одинъ отъ другаго—достоинствомъ, а не правами... Каждый имѣетъ право на все, но одному удалось больше, чѣмъ другому, а потому онъ и выдѣляется какъ человѣкъ »лучшій«; кто остался позади всѣхъ,—характеризуется эпитетомъ »меньшаго« человѣка [2]).

Вотъ какихъ бояръ мы будемъ разумѣть при разсказѣ о событіяхъ въ періодъ отъ смерти Ярослава Осмомысла до окончательнаго утвержденія Даніила въ Галичѣ. Галицкіе бояре Даніилова времени—лица, пользовавшіяся такимъ же могуществомъ въ странѣ, какимъ обладали бояре Ярославовскіе. Послѣ Ярослава боярство не утратило ничего изъ своихъ преимуществъ.

Понятно, что для Даніила должно было быть весьма важнымъ то или другое настроеніе бояръ и что народное сочувствіе еще не обезпечивало ему владѣнія Галичемъ.

Со стороны же бояръ Даніилъ встрѣчалъ противодѣйствіе

Оно носитъ характеръ постоянства. Иногда бояре добровольно

---

[1]) Объ одномъ бояринѣ лѣтописецъ говоритъ, что онъ былъ »поповъ внукъ« (IIп, 525), а о двухъ другихъ, что они были »безаконьники отъ племени смердья« (ibid.). Прибавленіе въ обоихъ случаяхъ указанія на незнатность происхожденія, тогда какъ вообще лѣтописецъ не упоминалъ о послѣднемъ, заслуживаетъ вниманія; по нашему мнѣнію, оно свидѣтельствуетъ объ исключительности подобныхъ явленій. Обращаемъ также вниманіе на то, что сказано: »поповъ *внукъ*«, а не »поповъ сынъ«; объ отцѣ лѣтописецъ не говоритъ, а о дѣдѣ; значитъ, отецъ Судьича былъ уже боярином. Когда Лазорь Домажиречь и Иворъ Молибожичь получили отъ Доброслава Коломыю, то княжескій посолъ замѣтилъ: »си бо сега недостойна ни Вотьинна держати«, и по связи рѣчи можно замѣтить, что это недостоинство, по его мнѣнію, истекало изъ незнатности ихъ происхожденія: значитъ, въ Галичинѣ смотрѣли на то, изъ какого званія выходилъ человѣкъ.

[2]) »Вѣче и князь«, стр. 31.

какъ бы подчинялись Даніилу; но, вникнувъ поглубже въ лѣтопись, можно замѣтить, что они никогда не переходили искренно на его сторону, а признавали его власть въ томъ только случаѣ, когда предвидѣлась полная его удача [1]). Подчинившись Даніилу по необходимости, они тотчасъ же начинали искать средствъ отдѣлаться отъ него [2]): то составляли заговоры на его жизнь, то вели тайные переговоры съ русскими князьями или съ иностранцами и приглашали ихъ въ галицкую землю. Если и дѣйствовали за одно съ нимъ противъ его враговъ, то въ душѣ все-таки были измѣнниками [3]) и отпадали отъ Даніила, когда его дѣло начинало казаться проигранымъ, или у его соперниковъ появлялась малѣйшая надежда на успѣхъ.

Полное нерасположеніе боярства къ Даніилу и стремленіе не допустить его до утвержденія въ Галичѣ очевидно. Чѣмъ же оно обусловливалось? можетъ быть—образомъ дѣйствій Даніила относительно ихъ? Но Даніилъ въ отношеніи къ классу бояръ ничѣмъ не разнился отъ

---

[1]) Во время перваго похода взрослаго Даніила на Галичъ они явились въ его станъ тогда, когда Судиславъ бѣжалъ передъ Даниловымъ тысяцкимъ и былъ осажденъ въ Галичѣ (Ип., 506). Нашего утвержденія не можетъ подорвать слѣд. извѣстіе, находящееся въ Ип. сп. подъ 1234 г.: »Изступи Глѣбъ Земерѣевичь отъ королевича к Данилови. Даніилъ же и Василко и одна поидоста к Галичю, стрѣтоша и болшаа половина Галича: Доброславъ и Глѣбъ, инии бояре мнози ..« (Ип., 514). Повидимому, здѣсь въ пользу Даніила рѣшилъ дѣло переходъ Глѣба, а Глѣбъ перешелъ на его сторону безъ всякихъ принуждавшихъ извнѣ обстоятельствъ; но обратите вниманіе на непосредственно предшествующій этому разсказъ лѣтописи, помѣщенный подъ 1233 г.: »Оттуда же идоша ко Перемилю, Андрѣй королевичь, Дьяпинь и Угре, бившася о мостъ со Володимѣромъ и Даніиломъ, и *отбившимся имъ, Угре же воротившася къ Галичю и порокы помоташа. Володимиръ же и Даніилъ поидоста по нихъ...*« (Ип., 513); перевѣсъ, очевидно, началъ склоняться на сторону Даніила. Этимъ опровергается взведенное И. И. Шараневичемъ на галицкое боярство обвиненіе въ легкомысліи.

[2]) Насъ опять могутъ упрекнуть въ несправедливомъ распространеніи на всѣ случаи того, что бывало иногда только, и могутъ сослаться, напр., на 1229 г. по Ип. сп. Но и тогда венгры были приведены боярами. Лѣтоп. говоритъ о королѣ: »*Ушедшю же ему за невѣрьство бояръ* Галичкихъ, *Даніилъ* же, *Божьею волею, одержа* градъ свой *Галичь*«. Пригласивъ короля, бояре не оказали ему поддержки, потому что неудачи постигали его съ самаго начала похода.

[3]) См., напр., Ип. сп. подъ 1231 г. (стр. 509).

остальныхъ тогдашнихъ князей и ни въ чемъ не нарушалъ выработанныхъ до него порядковъ. Мы даже думаемъ, что едвали какой-либо князь древней Руси обращался такъ мягко съ постоянными своими врагами. Мягкость—черта Даніилова характера, рѣзко отличающая его отъ его отца. Притомъ мы видимъ, что волынская боярщина горячо поддерживала Даніила.

Въ томъ-то и дѣло, что галицкое боярство не довольствовалось тѣмъ, чѣмъ могли быть удовлетворены бояре остальной Руси. Оппозиція его Даніилу находилась въ связи съ особеннымъ его направленіемъ, вытекавшимъ изъ тѣхъ особенныхъ условій, въ которыя оно стало въ странѣ, и была продолженіемъ той борьбы, которая велась уже въ теченіе цѣлаго тридцатилѣтія.

Достигши видпаго положенія въ своей землѣ, галицкіе бояре, естественно, стремились удержать его за собою и выше всего ставили свое личное благо, для котораго не затруднялись жертвовать интересами остальнаго населенія. Вотъ чѣмъ опредѣлялись всѣ ихъ дѣйствія со времени Ярослава Осмомысла.

Пока не угасла династія Ростиславичей, это боярство готово было и даже желало держаться ея по преимуществу: послѣ смерти Ярослава, изгнавъ его сына Олега, бояре провозгласили своимъ княземъ брата послѣдняго; заставивъ бѣжать и этого, когда подговорившій ихъ къ тому Романъ принужденъ былъ отказаться отъ Галича и уступить его Венграмъ, они обратились вновь къ князю мѣстной линіи—сыну Берладника. Но и при Ростиславичахъ уже бояре не стѣснялись тѣмъ, что этотъ родъ былъ освященъ въ глазахъ народа давнею связью съ Галичемъ, и готовы были стать выше преданій, какъ скоро имъ не нравился посаженный ими князь. Такимъ образомъ, и династію, укрѣпившую свой авторитетъ въ странѣ долгимъ властвованіемъ, они съумѣли заставить входить съ ними въ компромиссъ!

Съ прекращеніемъ этого рода [1]), Галичъ не могъ остаться безъ князя, который вездѣ считался необходимымъ лицомъ и безъ котораго

---

[1]) Въ концѣ XII в. перестали существовать собственно законные его представители; но дѣти Владиміра Ярославича отъ попадьи были еще живы и скитались въ Венгріи, какъ о томъ свидѣтельствуетъ одинъ документъ, помѣщенный въ »Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia« Тейнера (Roma 1859). Выдержка изъ него есть въ предисловіи А. С. Петрушевича къ галицко-волынской лѣтописи.

всякой отдѣльной землѣ казалось, что она беззащитна [1]); о введеніи другой формы правленія никто и не помышлялъ; не думали о ней и галицкіе бояре даже тогда, когда попытались удержать верховную власть въ своихъ рукахъ, не приглашая никого извнѣ [2]). Но понятно, что, при оставленіи ими княжескаго института, для нихъ всякій разъ было далеко не безразлично, какое лицо садилось на княжескій столъ и какими средствами оно его добывало. Они могли вполнѣ сохранить свои преимущества только при князѣ, посаженномъ по ихъ выбору и иниціативѣ; при немъ они могли пользоваться даже еще большимъ значеніемъ, чѣмъ при Ростиславичахъ. Наоборотъ, всякій князь, который бы сѣлъ на столѣ помимо воли бояръ, не сталъ-бы съ ними церемониться и поступаться въ ихъ пользу правами, которыя въ остальныхъ земляхъ, въ томъ числѣ и въ его собственной, считались неотъемлемою принадлежностію князя и нарушались болѣе или менѣе только въ Галичѣ. Какой князь до-монгольской Руси безъ особенной необходимости помирился бы съ такимъ порядкомъ, какой однажды бояре водворили—было на мгновеніе при Даніилѣ, когда они его »княземъ собѣ называху, а самѣ всю землю держаху« [3])? Такое положеніе дѣлъ составляло предметъ постоянныхъ ихъ домогательствъ, и они могли поладить на этомъ пути окончательно развѣ съ венгерскими королевичами, въ отечествѣ которыхъ аристократія въ то время уже процвѣтала. На основаніи всего этого, галицкіе бояре допускали спокойно править Галичемъ и поддерживали только тѣхъ князей, которые занимали страну по соглашенію съ ними. Впрочемъ, они руководились въ этомъ случаѣ не однимъ только желаніемъ сохранить statu quo; они являлись при этомъ и бойцами за автономію страны, которой, съ прекращеніемъ установившейся

---

[1]) Очутившись однажды безъ него, галичане высказали именно это опасеніе. Ник. II, 293.

[2]) »Мьстиславъ, убо, увѣдавъ королеву рать великую, избѣжа из Галича, Володиславъ(ъ) же воѣха в Галичь, и *вокняжися и сѣде на столѣ*«. Ип., 488. Это покняженіе лица, происходившаго не изъ владѣтельнаго рода, сильно оскорбило и сосѣднихъ иностранцевъ (Лешка), и своихъ: »Лестько же посла посла своего Лѣсътича и Пакослава воеводу, рекый: »не есть лѣпо боярину *княжити* въ Галичи«... король Андрѣй...ославъ и я Володислава в Галичи, заточи и, и въ томъ заточеньи умре, нашедъ зю племени своему и дѣтемъ своимъ, *княженія дѣля: вси бо князи не приимяху дѣтий его того ради*«. Ип., 489.

[3]) Ип., 525.

линіи, естественно было возвратиться къ самостоятельному распоряженію собою и поставленію князя по собственному выбору: и то, и другое существовало на пространствѣ всей Руси, хотя нерѣдко случалось, что князья брали перевѣсъ надъ общинами. И бояре провозгласили принципъ избранія на мѣсто прежняго принципа преемственнаго наслѣдованія и стали примѣнять его немедленно послѣ того, какъ остались безъ князя изъ Ростиславичей. Прося помощи у Рюрика для изгнанія Венгровъ изъ Галича, Романъ при этомъ сказалъ: *»ведут(ъ) мя Галичане* к собѣ на княжение [1])«. Онъ опирался на избраніе съ ихъ стороны, какъ на одинъ изъ вошедшихъ уже тогда въ обычай путей къ занятію столовъ, и въ поступкѣ боляръ видѣлъ обыкновенный фактъ самоопредѣленія общины, на которое она имѣла полное право. Только въ Галичѣ это самоуправленіе земли въ сущности простиралось, какъ мы видѣли, на одинъ боярскій классъ, считавшій себя представителемъ ея, чего не было въ другихъ земляхъ. По смерти Владиміра Ярославича, бояре опять хотѣли допустить замѣщеніе своего стола лишь выбраннымъ ими княземъ [2]), и затѣмъ такъ было постоянно.

Еслибы боярамъ удалось утвердить въ Галичѣ какого-нибудь посаженнаго ими самими князя, то въ странѣ, быть можетъ, водворилось бы спокойствіе. Но, къ ихъ несчастію, съ перваго же разу, какъ только Галичъ остался безъ своего давняго княжескаго рода, не переставали являться сильные претенденты, желавшіе добиться этой области во что бы то ни стало, входя или не входя въ соглашеніе съ боярствомъ. Таковы были на первыхъ порахъ сосѣдніе Венгры, задолго до того пришедшіе въ столкновеніе съ этимъ княжествомъ и желавшіе увеличить чрезъ присоединеніе его свою территорію; но они стѣснялись сразу лишить его и тѣни самостоятельности и потому, не нарушая, повидимому, старыхъ порядковъ, оставили въ немъ отдѣльнаго князя. Таковъ былъ и Романъ Мстиславичъ.

Бояре не поддавались, желая поставить на своемъ. Ни одинъ изъ состязавшихся элементовъ не одолѣвалъ, и, вслѣдствіе этого, борьба тянулась, не имѣя конца и обнаруживаясь, какъ своимъ результатомъ,

---

[1]) Ип., 445.

[2]) Тат., III, 327—328. Онъ говоритъ о »Галичанахъ«, но несомнѣнно, что подъ этимъ словомъ должно разумѣть бояръ. Вообще русскія извѣстія о ближайшемъ времени, слѣдовавшемъ за смертію Владиміра Ярославича, сохранились только у Татищева.

постоянною смѣною князей, подобную которой находимъ еще въ Новгородѣ. Обыкновенно эту смѣну приписываютъ почти исключительно боярамъ, какъ будто-бы у нихъ образовалась привычка и страсть постоянно мѣнять князей. Но не одни они были причиною частаго удаленія князей изъ Галича; нѣкоторыхъ они и поддерживали, но тѣ были низвергаемы врагами боярства.

Сказанное нами уясняетъ отношеніе послѣдняго къ сыновьямъ Романа, которые съ самаго малолѣтства были одними изъ претендентовъ на Галичъ.

Бояре изначала должны были ратовать противъ нихъ, потому что ихъ хотѣли посадить въ Галичѣ не по милости боярства, а ссылаясь на то, что это была ихъ отчина. Кромѣ того, отецъ Романовичей былъ хорошо памятенъ боярству, какъ одинъ изъ самыхъ злѣйшихъ и опаснѣйшихъ его враговъ; въ Галичѣ онъ утвердился несомнѣнно вопреки всѣмъ усиліямъ бояръ помѣшать ему въ этомъ и послѣ того въ конецъ хотѣлъ истребить ихъ. Если непосредственно вслѣдъ за смертію Романа они »цѣловаша крестъ къ сыну его Данилу [1])« и защищали его противъ Рюрика, то это объясняется тѣмъ, что »по смерти Романовѣ снимался король со ятровью своею, во Саноцѣ: приялъ бо бѣ Данила како милого сына своего, оставилъ бо бѣ у него засаду, Мокъя великаго слѣпоокаго, и Корочюна, Въплта и сына его Витомира, и Благиню, иныи Угры многи, *и за то не смѣша Галичанѣ ничтоже створити, бѣ бо инѣхъ много Угоръ* [2])«. Но вскорѣ обстоятельства дали возможность боярамъ освободиться отъ ненавистныхъ имъ Романовичей, которыхъ они потомъ являются постоянными врагами. Двукратное приглашеніе ими Даніила въ Галичъ не было съ ихъ стороны измѣнею этой политикѣ. Въ первый разъ они звали Даніила, надѣясь составить въ силу обаянія его имени грозное ополченіе противъ прибѣгнувшихъ къ образу дѣйствій Романа враговъ своихъ Игоревичей, въ чемъ и не ошиблись [3]). Уничтоживъ Игоревичей, бояре готовы были терпѣть Даніила и терпѣли только подъ условіемъ, чтобы вся власть

---

[1]) П. с. р. л., I, 179.

[2]) Ип., 480—481.

[3]) Тогда только они вспомнили, что Даніилъ былъ ихъ отчичъ: »Наидоша Данила во Угорьской землѣ дѣтьска суща, и просиша у короля Угорьского: *дай намъ отцича Галичю Данила*, атъ с нимъ приимемъ и отъ Игоревичевъ«. Ип., 484.

была предоставлена имъ; мать Даніила стѣсняла ихъ, и они ее прогнали, хотяща бо княжити сама [1])«. Во второй разъ [2]) они хотѣли Даніила противопоставить шедшему на Галичъ Мстиславу: взять перваго было выгоднѣе, потому что онъ былъ-бы обязанъ столомъ имъ, а не оружію, и сидѣлъ-бы уже не какъ отчичъ.

Когда Даніилъ выросъ и самъ сталъ поддерживать свои права, то онъ продолжалъ опираться на тоже, что прежде выставляли на видъ его сторонники, т. е.—на то, что онъ отчичъ. Княжить въ Галичѣ онъ хотѣлъ такъ, какъ княжили въ своихъ волостяхъ другіе и какъ онъ самъ княжилъ на Волыни; въ сознаніи своего достоинства, онъ желалъ отъ бояръ повиновенія: »князь вашь азъ есмь, сказалъ онъ имъ однажды, повеленія моего не творите [3])«. Распоряженіе по сосѣдству обширными землями обезпечивало ему возможность успѣшно поддерживать такія притязанія и въ Галичѣ. Наконецъ, Даніилъ былъ также энергиченъ, какъ и его отецъ.

Очевидно, опасность съ его стороны была велика, и боярство, не утомившись продолжительностію предшествовавшей борьбы, съ новымъ жаромъ принялось отражать этого противника, относительно котораго оно было—успокоилось, изгнавъ его изъ Галича во время его малолѣтства.

Такъ объясняемъ мы поведеніе боярства въ отношеніи къ Даніилу и къ князьямъ вообще.

Читатель, безъ сомнѣнія, замѣтилъ, что, по нашему мнѣнію, бояре постоянно имѣли въ виду интересы цѣлаго общественнаго класса, къ которому принадлежали. Мы не говоримъ, что это было сознательное сословное единодушіе; мы только утверждаемъ, что не было никакого раздѣлявшаго бояръ элемента.

Намъ кажется, что такое объясненіе дѣйствій галицкаго боярства имѣетъ за себя болѣе всего данныхъ.

Большинство современныхъ ученыхъ (Н. И. Костомаровъ, И. Д. Бѣляевъ, М. Смирновъ и др.), напротивъ, важною и коренною отличительною чертою галицкаго боярства считаютъ постоянное раздѣленіе на партіи, изъ которыхъ каждая выставляла и поддерживала своего

---

[1]) Ип., 487.
[2]) См. Ип., 489.
[3]) Ип., 525.

претендента, при торжествѣ котораго могла разсчитывать на преобладаніе въ странѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на обогащеніе; каждая изъ нихъ старалась при этомъ изгнать изъ Галича князя другой партіи; такимъ образомъ, по мнѣнію этихъ ученыхъ, въ дѣйствіяхъ галицкихъ бояръ вовсе не видно сословнаго единодушія, а на первомъ планѣ у нихъ были всегда частные интересы; каждая отдѣльная кучка стремилась подняться выше остальныхъ, и въ Галичѣ происходила только борьба разныхъ боярскихъ партій.

Но, изучая внимательно весь періодъ времени отъ смерти Ярослава Осмомысла до окончательнаго утвержденія Даніила въ Галичѣ, нельзя не видѣть, что въ большинствѣ случаевъ не было подобнаго раздѣленія, и князья были вводимы въ Галичъ, или изгоняемы изъ него не отдѣльными партіями, но всѣмъ боярствомъ. Отъ всего, напр., боярства исходила смѣна князей въ Галичѣ послѣ Романа. У его дѣтей въ Галичѣ не было сторонниковъ, и потому ихъ бѣгство не было результатомъ борьбы партій [1]). Съ удаленіемъ Романовичей изъ Галича, для бояръ, если только они дѣлились на партіи, открывался полный просторъ: всякій могъ выставлять своего кандидата. Но на самомъ дѣлѣ они поступали не такъ: мы не видимъ, чтобы одни изъ нихъ звали одного князя, а другіе другаго. Напротивъ, *сначала*, по иниціативѣ венгерскаго короля [2]), они пригласили Ярослава Всеволодовича Переяславскаго, а *потомъ*, *послѣ общаго совѣщанія*, послали за Игоревичами [3]). Съ возвращеніемъ послѣднихъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ

---

[1]) Лѣтописи не упоминаютъ о томъ, чтобы съ ними бѣжалъ кто-нибудь изъ Галича; объ этомъ говоритъ крайне неопредѣленно только Татищевъ; да и послѣ не замѣтно и съ партіи среди галицкихъ бояръ.

[2]) О ней говорятъ всѣ упоминающіе объ этомъ событіи источники.

[3]) Что послѣдніе были призваны такъ, объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ мѣстная лѣтопись: «... и приведоша кормиличича, иже бѣ загналъ великый князь Романъ, ревѣры ради: славяху бо Игоревича. *Послушавше же ихъ Галичкыи бояре, и послаша по нихъ и посадиша и...*« (Ип., 481). И. И. Шараневичъ (стр. 68) представляетъ дѣло такъ, что въ Галичѣ были различныя партіи, и одна изъ нихъ отправила посольство къ Ярославу, а другая къ своимъ кандидатамъ Игоревичамъ. Но источники не даютъ права такъ думать. Такъ какъ всѣ они (Лавр. спис., лѣт. Ник. и Воскрес., Тат.) передаютъ дѣло согласно, нисколько не противорѣча умалчивающей о многихъ подробностяхъ событій этого времени мѣстной лѣтописи, то мы приведемъ разсказъ одного какого-нибудь изъ нихъ. Вотъ что говорится, напр., въ Лаврент.

противъ нихъ не было никого. А вѣдь, еслибы какіе бояре захотѣли посадить другихъ князей, то не встрѣтили-бы къ тому особенныхъ препятствій. Игоревичи ссорились даже между собою, при чемъ одинъ изгналъ другаго,—знакъ, что они чувствовали себя на твердой почвѣ. Потомъ самъ Романъ былъ изгнанъ Венграми при участіи бояръ [1]). Только поверхностный наблюдатель можетъ сказать, что въ Галичѣ существовала партія, думавшая возвыситься съ помощію Мстислава Пересопницкаго [2]). Не слѣдя изъ года въ годъ за смѣной галицкихъ князей, мы скажемъ, что въ лѣтописи прямо иногда говорится о совокупномъ дѣйствіи *всѣхъ* бояръ [3]), и затѣмъ разсмотримъ еще въ этомъ

евскомъ спискѣ (П. с. р. л., I, 180): »*Галичане* же видѣвше короля идуща прочь, *убоящася полковъ Рускыхъ, еда възвратятся на нь опять*, и князя у нихъ нѣту, сдумавше, *послашася по Володимера Игоревича* тай, Володимеръ же вѣсть пріимъ отъ Галичанъ, украдься изъ полковъ отъ своее братьи, гна объ нощь въ Галичь; *бяху бо стояща полци отъ Галича за 2 дни, бяше бо король съ Галичаны сдумавъ переже, послалъ въ Переяславль по Ярослава Всеволодича, и ждаша его 2 недѣли*«. О раздѣленіи на партіи говорится только у одного Длугоша (col. 604), но онъ весьма бѣгло проходитъ это время, общей своей замѣтки не подтверждаетъ фактами, которые были-бы намъ неизвѣстны, равно и извѣстныя событія не представляетъ совершившимися иначе и вообще наклоняетъ все къ тому, что утомленные, наконецъ, распрями бояре рѣшились обратиться къ иноземцамъ, между тѣмъ какъ извѣстно, что о послѣднихъ они стали думать гораздо позже.

[1]) Приглашая погомъ опять Игоревичей, они говорили: »сгрѣшихомъ к вамъ....« (Ип., 484). Дѣйствительно, еслибы бояре не помогали Венграмъ, то было-бы непонятно, какимъ образомъ послѣдніе захватили Романа совершенно врасплохъ—»в бани мыющася« (Ип., 483).

[2]) И. И. Шараневичъ, вопреки своему обыкновенію тщательно относиться къ изслѣдуемому предмету, и здѣсь позволилъ себѣ поступить иначе. Онъ (стр. 70) говоритъ: »*одна часть* бояръ задумала была прогнати Романа за угорьскою помочью«. Но историкъ долженъ быть далекъ отъ категорическаго тона въ тѣхъ случаяхъ, когда высказываетъ собственное предположеніе, не подтверждаемое прямо источниками. Можетъ быть, Романъ вооружилъ противъ себя боярскую массу, какъ и послѣ всѣ Игоревичи, своимъ неуживчивымъ характеромъ, которымъ, кажется, онъ отличался.

[3]) Ип., 1208, 486: »Тогда же бояре Володимьрьстии и Галичкыи, и Вячеславъ Володимерьскый, и Володиславъ Галицкій, и *вси бояре* Володимерьстии и *Галичкыи*, и воеводы Угорьскыя, и посадиша князя Данила на столѣ отца своего великаго князя Романа«... Вопреки этому свидѣтельству лѣтописи о томъ, что *всѣ* галицкіе бояре были на сторонѣ Даніила, Татищевъ (III, 371) упоминаетъ о какихъ-то пріятеляхъ

отношеніи время, спеціально насъ занимающее, т. е. время борьбы Даніила за Галичъ.

Можетъ быть, хоть тогда видны враждующія между собою боярскія партіи?—Нѣкоторые ученые [1]) замѣчаютъ между галицкими боярами и партію Даніила. Но изъ лѣтописи этого не видно. Послѣ того какъ въ борьбѣ Даніила съ Судиславомъ перевѣсъ видимо сталъ оказываться на сторонѣ перваго (1230), къ нему явились *вси бояре* [2]); если среди нихъ были искреннія его сторонники, отчего они не присоединились къ нему раньше? Нѣсколько времени спустя, Даніилу остаются вѣрными только 18 отроковъ [3]), которыхъ лѣтописецъ отличаетъ отъ бояръ. Являются Венгры (1231), и что же? »И пришедъ король Ярославль, и пойде к Галичю. Климята же с Голыхъ горъ убѣжа отъ князя Данила ко королеви, и по немь *вси бояре Галичькыи предашася* [4])«. Послѣ этого нельзя думать, чтобы говорили въ пользу существованія особенной Даніиловой партіи [5]) слѣдующія слова лѣтописи: »Володимеру же ятому бывшу в Торцькомъ и Мирославу, с(ъ)вѣтомъ безбожьнаго Григоря Василевича и Молибоговичевь, инѣмь боляромъ многимъ ятымъ бывшимъ ... Узрѣвше же бояре Галичьстии Василка отшедша с полономъ, воздвигоша крамолу [6])«. Эти »многіе бояре« вовсе не галицкіе сторонники Даніила, которыхъ не могло быть много, какъ о томъ ясно свидѣтельствуютъ вышеприведенныя мѣста лѣтописи; это *могли быть волынскіе бояре*, каковымъ и былъ Мирославъ. Такимъ же волынскимъ боярином былъ, по всей вѣроятности, и Василій Гавриловичъ, сопротивлявшійся сдачѣ Перемышля Венграмъ [7]). Изъ галиц-

---

Игоревичей; впрочемъ, неизвѣстно были-ли это бояре; въ другомъ мѣстѣ они названы »служителями«. Ип., 1212, 489: »*Галичани* же *вси* и Судиславъ послашася по Данила«.

[1]) Напр., П. И. Шараневичъ (стр. 84).

[2]) Ип., 506: »и приде же Дьмьянъ *со всѣми бояры Галичкыми*, со Мирославомъ и со Володиславомъ, и со многими бояры Галичкыми«.

[3]) Ип., 509: »Самому же Даніилу созвавшу вѣче, *оставьшуся* въ 18 отрокъ вѣрныхъ, и съ Дѣмьяномъ тысяцкымъ своимъ«...

[4]) Ип., 510.

[5]) Какъ думаетъ, повидимому, И. И. Шараневичъ.

[6]) Ип., 515—516.

[7]) Въ лѣтописи два раза прямо обозначенъ волынскимъ боярин этого имени (Ип., 490 и 497). Даніилъ могъ посадить въ Перемышлѣ волынскаго боярина, не слишкомъ полагаясь на галицкихъ воеводъ. Въ 1229 по Ип. сп. въ Галичѣ былъ оставленъ Даніиломъ Демьянъ

ихъ бояръ остается еще Судиславъ Ильичъ, заявившій свою преданность Даніилу, но мы думаемъ, что едвали можно придавать особенную цѣну подобной преданности [1]). Болѣе нѣтъ въ лѣтописи намековъ на Даніиловыхъ сторонниковъ. Но если даже допустимъ, что у Даніила было еще нѣсколько ихъ, то, во всякомъ случаѣ, по крайней своей малочисленности, они не составляли партіи. Въ отсутствіе Даніила, въ Галичѣ стоялъ съ полкомъ его братъ на случай возмущенія, и послѣднее началось немедленно послѣ его удаленія [2]).—Но, можетъ быть, галицкіе бояре, сходясь во враждѣ къ Даніилу, дѣлились и составляли различныя партіи въ отношеніи къ другимъ претендентамъ? Но мы видимъ, что эти другіе претенденты выступали не одновременно, а послѣдовательно: первыми были Венгры; когда же они потерпѣли рѣшительное пораженіе, ихъ смѣнилъ на короткое время Александръ Всеволодовичъ Белзскій; за нимъ слѣдовали черниговскіе князья. Одни и тѣже особы составляли партіи всѣхъ этихъ лицъ, и »новая Михаилова партія«, какъ называетъ ее Н. И. Костомаровъ [3]), или »партія князей Черниговскихъ«, какъ говоритъ И. И. Шараневичъ [4]), явившаяся только послѣ окончательнаго оставленія Венграми притязаній на Галичъ, очевидно, заняла мѣсто и превратилась въ эту партію изъ партіи венгерской. Есть-ли основаніе причислять сторонниковъ всѣхъ этихъ лицъ къ враждующимъ между собою партіямъ, можно видѣть изъ того, что всѣ они дружатъ. Очевидно, все боярство преслѣдовало дилемму: или Даніилъ, или одинъ какой-нибудь боярскій кандидатъ изъ перечисленныхъ нами.

Конечно, мы не доказываемъ, что бояре *всегда* дѣйствовали дружно въ отношеніи къ князьямъ; мы только думаемъ, что такъ было *въ большинствѣ случаевъ*, между прочимъ—и въ разсматриваемое нами время.

(Ип., 507), бывшій, подобно Мирославу, въ теченіе долгаго времени правою рукою Даніила (см. Ип., 485, 488, 498, 502, 506—507, 511—512).

[1]) Вотъ слова лѣтописи: »Узрѣвше же бояре Галичьстіи Василка отшедша с полономъ, воздвигоша крамолу. Судиславу же Ильичю рекшу: »княже! льстивъ глаголъ имѣю(ть) Галичанѣ; не погубисе, пойди прочь« (Ип., 516). Можетъ быть, онъ хотѣлъ поскорѣе выпроводить Даніила изъ Галича.

[2]) Ип., 515—516.

[3]) »Моногр.«, I, 214.

[4]) »Исторія«, 84.

Но и въ тѣ моменты, когда мы замѣчаемъ отдѣльныя партіи, дѣло шло вовсе не о преобладаніи одной кучки бояръ надъ другими. Возьмемъ, напр., фактъ изгнанія Владиміра Ярославича, изъ разсказа лѣтописи о которомъ [1]) ясно видно, что одна часть бояръ держалась стороны этого князя, другая возстала противъ него. Какими соображеніями руководилась послѣдняя? Лѣтопись прямо говоритъ, что возстаніе возникло вслѣдствіе насилій князя; но не видно, чтобы въ этихъ насиліяхъ принимали участіе сторонники князя въ средѣ бояръ; самое насиліе состояло въ томъ, что Владиміръ »улюбивъ жену, или чью дочерь, поиманеть насильемъ«, и, очевидно, съ подобнымъ характеромъ могло принадлежать только князю; что оно этимъ и ограничивалось, а не распространялось на имѣніе и общественныя преимущества недовольныхъ, явствуетъ изъ того, что послѣдніе сохраняли свое значеніе: у нихъ были полки. Вѣроятно, возстали именно обиженные такимъ образомъ [2]). Вотъ поводъ возстанія. Взглянемъ теперь на то, чего добивались возставшіе. »Восташа на князь свой«, говорится въ одномъ мѣстѣ лѣтописи; не разсчитывая изгнать его открыто, они заявили ему намѣреніе убить его жену—попадью [3]); »и се рѣкоша, говоритъ лѣтописецъ, вѣдающи, аже ему не пустити попадьи, по абы имъ како *прогнати его*, и сими ему пригрозиша-: о какихъ-нибудь боярахъ, которыхъ они хотѣли изгнать вмѣстѣ съ нимъ,—ни слова. И въ концѣ концовъ мы видимъ, что съ княземъ, кромѣ жены и сыновей, бѣжала только »*дружина*«, которую нѣтъ основаній считать, что дѣлаетъ И. И Шараневичъ [4]), тѣми боярами, которые были преданы Владиміру: стали-ли бы они бѣжать, если прежде ихъ боялись грозившіе [5])? По

---

[1]) См. Ип., 444.

[2]) Такъ понимаетъ возстаніе и Татищевъ (III, 285): Романъ »увѣдавъ, что Галичане ненавидѣли Владиміра за его непотребства, что насильно бралъ женъ и дочерей къ себѣ, а притомъ болѣе въ пьянствѣ упражнялся, послалъ вѣрныхъ отъ себя въ Галичь уговаривать, чтобъ Владимира изгнали, а его самаго на княженіе приняли. На сіе многіе *оскорбленные Вельможи Галицкіе* не трудно согласились«...

[3]) Относительно убійства попадьи были согласны, если вѣрить Татищеву (III, 285), всѣ: фактъ, показывающій, какъ развито было у бояръ чувство гордости.

[4]) »Исторія«, 57.

[5]) »Восташа на князь свой, и не смѣша его изымати, ни убити, зане не вси бяхуть в думѣ той, *болхубося приятелевъ Володимьревыхъ*« (Ип., 444).

Татищеву [1]), пріятели Владиміра продолжали жить въ Галичѣ послѣ его отхода.—Когда въ Галичѣ утвердились Венгры, мы видимъ опять двѣ партіи: одна держалась ихъ, другая послала за Ростиславомъ [2]). Поищемъ причины раздѣленія. Бояре вообще желали русскаго князя [3]); только »чіи бяхуть сынове и братья у короля, то ти держахуться крѣпко по королевичи«: такимъ образомъ, на поддержку съ ихъ стороны Венгровъ вліялъ страхъ [4]). Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что, если мы видимъ иногда раздѣленіе боляръ, то это бывало просто разногласіе, исходившее изъ того, что одни считали лучшимъ одного князя, другіе другого, но это еще не приводило партій къ вооруженной борьбѣ [5]), и торжество князя одной партіи не влекло за собою преслѣдованія и бѣгства другой. Вообще мы видимъ полное отсутствіе явленій, неразлучныхъ съ борьбою партій и столь часто упоминаемыхъ въ новгородскихъ лѣтописяхъ. Бѣгая изъ страны, галицкіе бояре ожидали преслѣдованія не отъ своей же братіи, а отъ князей, и не думавшихъ опираться на какую-нибудь боярскую партію. Такъ было при первомъ возвращеніи въ Галичъ Владиміра Ярославича [6]), при Романѣ [7]) и при

---

[1]) III, 287: »Романъ услыша, что король со Владимиромъ идетъ, и вѣдая, что *въ Галичанехъ еще много Владимиру пріятелей*, не смѣлъ онаго ожидать«...

[2]) Ип., 446—447.

[3]) »Угре же вѣдаюче есть Галичькую, аже Галичане ищють собѣ князя Рускаго, и почаша паспье дѣяти во всемь«....

[4]) Нельзя думать, что »бывшіе у короля« служили ему и пользовались какими-нибудь выгодами; они были въ залогѣ у него.

[5]) Лучшимъ подтвержденіемъ этого можетъ служить разсказъ Татищева (III, 327—328) о галицкихъ событіяхъ послѣ смерти Владиміра Ярославича.

[6]) »И слышавъ Романъ, аже король за Горою уже, и бѣжа... и бѣжа изъ Галича во Володимерь *с Галичаны*... иде к Рюрикови ко цтю своему в Бѣлъгородъ, и *с мужи тьми, которіи же его ввели бяхуть в Галичь*« (Ип., 445). Бояре боялись возмездія не со стороны Владиміровой партіи (которая съ нимъ не возвращалась, потому что и не уходила изъ Галича: съ Владиміромъ шли, по лѣтописи, одни Венгры), а со стороны *одного Владиміра*.

[7]) Н. И. Костомаровъ (»Монографіи«, I, 208—212) утверждаетъ, что и Романъ Мст., и Игоревичи, въ своихъ тирапствахъ, опирались на извѣстное количество боляръ. О Романѣ онъ говоритъ, что иначе его господство было-бы немыслимо. У Романа, при первомъ занятіи имъ Галича, дѣйствительно, была партія. Но мы уже знаемъ, что она не думала избивать свою братью. Еслибы онъ, послѣ втораго занятія

Игоревичахъ. Вообще же всѣ бояре оставались въ странѣ, хотя бы въ Галичѣ садился и такой князь, которому нѣкоторые изъ нихъ не сочувствовали. Они покорялись необходимости, и мы не видимъ, чтобы одна партія шла на другую. Напримѣръ, въ 1189 г. Ростиславъ явился подъ Галичемъ съ малою дружиною въ надеждѣ на то, что бояре исполнятъ свое обѣщаніе: »ему обѣщалѣ, узрѣвше полкъ его отступити отъ королевича. Бяшеть же и во его полку неколко мужь Галичкыхъ приѣхало; и си же *узрѣвше лесть братья своея, подъпоустивъше и подъ полкъ свой и отступиша отъ него* [1])«. Не замѣчаемъ мы и убіенія однихъ бояръ другими и грабежей [2]). Владиславъ, Судиславъ, пѣть сомнѣнія, были первенствующими лицами въ боярствѣ. Если были партіи, то отчего не видно другихъ такихъ же въ параллель имъ выдававшихся личностей, враждовавшихъ съ ними? отчего, если власть всегда

Галича, съ нею разошелся, что̀ легко могло статься, потому что Романъ уже не нуждался въ ней и вообще не любилъ галицкихъ бояръ, то у него была опора во внѣшней силѣ: онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи силы Владимірскія и др. южнорусскихъ удѣловъ, могъ получить помощь отъ Поляковъ, помогшихъ ему утвердиться въ Галичѣ, и отъ Венгровъ, съ королемъ которыхъ вошелъ въ тѣсную дружбу послѣ удачной съ нимъ борьбы (объ этой дружбѣ см. въ Ип., 480—482; о борьбѣ съ нимъ см. 300-ю стр. »Лѣтописи по Кенигсбергскому списку« (Спб. 1767) и Тат. III, 348); быть можетъ, онъ разсчитывалъ также на поддержку со стороны народа, который стоялъ и за Игоревичей, какъ видно изъ разсказа объ осадѣ Звенигорода (Ип., 486; сл. невѣрное соображеніе у В. Ильницкаго: »Стародавныи Галицкіе городы. Ч. I. Стародавный Звенигородъ«, Львовъ 1861, стр. 17); для народа избіеніе утѣснявшихъ его бояръ было безразлично. Игоревичи также опирались, вѣроятно, на значительную внѣшнюю силу, потому что иначе не прогнали-бы Венгровъ Бояръ, сидѣвшихъ въ Перемышлѣ, нельзя причислять къ ревностнымъ ихъ сторонникамъ и врагамъ остальнаго боярства. Сталъ ли бы Владиславъ обращаться къ врагамъ съ такою рѣчью, съ какою обратился къ нимъ, и отстали ли бы враги его, а друзья Игоревичей, такъ легко отъ послѣднихъ?

[1]) Ип., 447.

[2]) Н. И. Костомаровъ (»Моногр.«, I, 215) приписываетъ разграбленіе двора Судислава въ 1229 г. по Ип. сп (истинную дату мы предложимъ читателю ниже, а теперь все ссылаемся на хронологію Ип. сп., чтобы не оставлять читателя безъ хронологическихъ указаній) (см. Ип. сп., 506) озлобленію враждебной ему партіи; но вѣдь въ то время, когда разграбленъ былъ дворъ Судислава, на сторонѣ Даніила не было ни одного еще галицкаго боярина!

захватывала одна кучка, мы никогда не встрѣчаемъ оппозиціи имъ въ средѣ боярства въ пору ихъ могущества [1])? Эти предводители идутъ преемственно по одиночкѣ: сначала Владиславъ (по Ип. сп., отъ 1202 по 1211), затѣмъ Судиславъ (по Ип.: 1208—1234 [2]), Глѣбъ Зеремѣевичъ (по Ип. 1226—1234 [3]), Владиславъ (1231? 1241—49 по Ип.). Единственный случай вражды между боярами изъ-за властвованія разсказанъ въ Ипатскомъ спискѣ галицко-волынской лѣтописи подъ 1240 г. [4]). Въ заключеніе упомянемъ еще о томъ, что лѣтописецъ рѣдко говоритъ о раздѣленіи бояръ, а постоянно выражается: »Галичкыи бояре«; еслибы въ послѣднемъ случаѣ онъ разумѣлъ не всѣхъ, или вообще не имѣлъ въ виду большинства, онъ далъ-бы о томъ знать.

Мы остановились на вопросѣ о единодушіи галицкаго боярства потому, что намъ хотѣлось обстоятельнѣе выяснить причины нашего несогласія съ мнѣніемъ многихъ почтенныхъ нашихъ ученыхъ.

---

[1]) Владиславъ княжилъ два раза въ Галичѣ (Ип., 487 и 488) и въ оба раза лишился своего значенія не по боярскимъ происканъ. Н. И. Костомаровъ говоритъ, что въ 1229 г. Даніила призвала партія, враждебная Судиславу (»Ист. мон. и изсл.«, I, 215). Дѣйствительно, сразу можетъ показаться, что бояре пристали къ Даніилу изъ-за вражды къ Судиславу. Но чрезъ нѣсколько времени, когда король венг. пришелъ съ Судиславомъ, послѣднее обстоятельство не помѣшало имъ отпасть отъ Даніила (Ип., 510). Вообще Н. И. Костомаровъ видитъ борьбу партій въ Галичѣ на каждомъ шагу. Насколько справедливы его объясненія, покажутъ слѣдующія его слова (»Моногр.«, I, 217) о послѣднемъ утвержденіи Даніила въ Галичѣ передъ татарскимъ нашествіемъ: »Даніилъ объявилъ противникамъ своимъ примиреніе и не сталъ никого преслѣдовать. Прежніе князья, да и самъ Даніилъ, едвали могли бы рѣшиться не послѣдовать здѣсь голосу своей партіи, и всякая партія всегда требовала мести, но цѣль ея была занять мѣсто тѣхъ, которые ей враждовали. Но на этотъ разъ не партія, а большинство народа было на сторонѣ Даніила«. Какъ будто прежде на сторонѣ Даніила не было большинства народа и такая сила, какую приписываетъ Даніилу на этотъ разъ Н. И. Костомаровъ, могла отвратить его партію отъ преслѣдованія ненавистныхъ противниковъ!

[2]) Первенствовалъ съ 1219 г (по Ип. съ 1212): »Галичани же вси *и Судиславъ* послашася по Данила« (Ип., 489).

[3]) Выступилъ на сцену по Ип. сп. еще въ 1211 г. (правильнѣе: въ 1213 г.) (Ип., 488).

[4]) Ип., 525.—Можетъ быть, и Глѣбъ Зеремѣевичъ, являющійся впослѣдствіи постоянно въ числѣ галицкихъ бояръ, въ 1213 г. изъ-за несогласія съ Владиславомъ воевалъ противъ него (Ип., 488), но это только догадка

Безспорно, боярство было главнымъ врагомъ Даніила въ борьбѣ его за Галичъ и виновникомъ того, что онъ не удержался тамъ послѣ перваго его занятія. Оно не могло успокоиться, а постоянно подыскивало ему враговъ извнѣ, которые охотно вступали въ союзъ съ боярами и начинали борьбу за Галичъ, потому что это была одна изъ богатѣйшихъ и населеннѣйшихъ русскихъ областей и владѣніе ею было привлекательно для всякаго. Эти другіе враги Даніила по Галичу дѣйствовали всегда по приглашенію боярства, разсчитывая и опираясь на его поддержку, и безъ него едвали-бы пошли на Даніила [1]). Такъ, послѣ перваго утвержденія Даніила въ Галичѣ, Венгры возвратились вслѣдствіе уговариваній со стороны Судислава: »Андрѣеви же пришедшу ко отцю си и брату, и *Судиславу глаголющу непрестанно:* »изыдѣте на Галичь и приимете землю Рускую; аще не поидеши, укрѣпяться на ны [2])«. Въ 1231 г. по Ип. сп. [3]) *Судиславъ* же поимася, прииде королеви Андрѣеви, и *возведе короля Угорьского* Андрѣи [4])«. Александръ, замышляя возстаніе на Даніила, условливался съ боярами [5]). Михаилъ Черниговскій говорилъ Даніилу: »...аще коли хотяхъ любовь имѣти с тобою, невѣрнии Галичанѣ не вдадяхуть ми [6])« и т. п.

Такіе союзники боярства и претенденты на Галичъ при Даніилѣ, какъ и до него, были и между русскими князьями и между сосѣдившими съ галицкою землею иностранцами.

Первоначально за Галичъ съ Даніиломъ боролись Венгры, притязанія которыхъ, впервые обнаружившіяся въ концѣ XII стол., не прекращались съ 1213 г. [7]). Съ 1219 г. [8]) имъ усердно начало помогать

---

[1]) Г. Смирновъ напрасно укладываетъ борьбу Ольговичей съ Даніиломъ въ рамки изстари тянувшейся борьбы между ними и Мономаховичами за Кіевъ (»Судьбы Червонной или Галицкой Руси«, Спб. 1860, стр. 28). Галичъ въ глазахъ Ольговичей не замѣнялъ Кіева, но отчего, думали они, не попытать счастья среди смуть? авось, думали они, удастся овладѣть и Галичемъ.

[2]) Тогда возбуждали Венгровъ, по нашему мнѣнію, кромѣ Судислава, и другіе бояре. См. выше. Ип., 507.

[3]) Правильнѣе: въ 1232 г.

[4]) Ип., 509.

[5]) Ibid., 508.

[6]) Ibid., 521.

[7]) Мы думаемъ, что поворотъ въ политикѣ Венгровъ относительно Галича обнаружился одновременно съ вокняженіемъ тамъ Владислава. Идя на сидѣвшаго въ Галичѣ Мстислава Берестовицкаго, король осво-

боярство, потому что Венгры оставили свой прежній образъ дѣйствій въ отношеніи къ нему и сдѣлали бояръ участниками въ верховномъ управленіи страною. Когда Галичъ достался Андрею, то власть вполнѣ перешла въ руки бояръ и фактическимъ государемъ Галича былъ Судиславъ [9]). Но, встрѣчая постоянный отпоръ, потерпѣвъ много неудачъ и пораженій, со смертію въ Галичѣ королевича Андрея въ 1234 г. [10]),

---

бодилъ боярина Владислава, котораго до тѣхъ поръ держалъ въ заключеніи, какъ главнаго врага Романовичей [до того времени онъ безкорыстно ихъ поддерживалъ] и отправился вмѣстѣ съ нимъ (Ип., 487—488). Это первый, бросающійся въ глаза фактъ, указывающій на перемѣну. Затѣмъ: король венг. не воевалъ съ Володиславомъ, когда тотъ занялъ престолъ. Въ 3-хъ, Даніилъ съ матерью удалился съ того времени отъ королевскаго двора (Ип., 488). Въ 4-хъ, король объявилъ войну Лешку и, сколько можно замѣтить изъ лѣтописи, вслѣдствіе того, что тотъ сталъ очень усердно покровительствовать Даніилу и, помимо короля, добывать ему Галичъ (Лѣтопись говоритъ: »...король пойде на Лестька, *Данилови же у Лестка сущю*«... Ип., 488). Поэтому намъ кажется весьма правдоподобною догадка Карамзина (т. III, стр. 100 по изд. Эйнерлинга), что Владиславъ управлялъ Галичемъ съ согласія и вѣдома Андрея и въ нѣкоторой зависимости отъ него.—Что касается титула венгерскихъ королей, то, сколько намъ извѣстно, »Galicia« и »Lodomeria« были включены въ него послѣ 1190 г. впервые въ 1209 г. См. грамоту Андрея II, приведенную на стр. 15 »Imago novae Hungariae«.

[8]) По Ип. съ 1213. См Ип., 490—491. Судиславъ успѣлъ войти въ соглашеніе съ Венграми еще прежде: »Бенедиктъ Лысы бѣжа во Угры *со Судиславомъ*, а Мьстиславъ седе в Галичи« (ib., 489).

[9]) Ип., 503: »*Бѣ* бо *королевичь въ Галичѣ и Судиславъ* с нимъ«.—Ип., 506: »...присланна Галичанѣ, рекуще: »яко Судиславъ шелъ есть во Поляхъ, а королевичъ в Галичи осталъ; а пойди борже« и т. п. По мнѣнію В. В. Пассека (цитир. статья, стр. 54), боярство прибѣгало къ венгерскому владычеству на время и не думало на немъ успокоиться. Мы, напротивъ, думаемъ, что съ 1219 г. оно благопріятствовало этому владычеству болѣе, нежели всякому другому. Худо-ли было боярамъ при Мстиславѣ? и однако они предпочли Венгровъ; это потому, что послѣднимъ они постоянно могли грозить русскими князьями и, так. обр., могли держать ихъ нѣсколько въ своихъ рукахъ, а русскіе князья не привыкли и не согласились-бы играть при боярахъ второстепенную роль; они воспитаны были въ другихъ понятіяхъ. Уже у Кадлубка (II, 124—125) въ уста бояръ вложены слова такого рода: »non possumus ferre nostrae Terrae Principum fastus, seditiones, invidiam«.

[10]) На этотъ разъ случайно годъ выставленъ въ Ипатскомъ спискѣ вѣрно. Андрей, дѣйствительно, умеръ въ 1234 г. Доказательства этого см. въ »Geschichte Ungarns« von L. v. Szalay; II-ter B. (Pest, 1869), S. 32—33, Anm. 3 und Anm. des Uebers.

Венгры отстали, наконецъ, отъ своихъ претензій [1]). Но и послѣ, несмотря на то, что Даніилъ считался другомъ Белы [2]), котораго былъ сверстникомъ и съ которымъ вмѣстѣ выросъ, и находилъ у него иногда пріютъ [3]), Венгры вмѣшивались въ галицкія дѣла не въ его пользу. Они помогали замѣнившимъ ихъ Михаилу и Ростиславу Черниговскимъ, какъ прежде Михаилъ благопріятствовалъ имъ, когда они сидѣли въ Галичѣ [4]). Венгры дѣйствовали теперь, очевидно, въ тѣхъ видахъ, ко-

---

[1]) У Татищева сохранилось извѣстіе, что король формально даже отрекся отъ Галича. Подъ 1233 г. онъ говоритъ (III, 460): »Даніилъ Романовичь имѣя о Галичѣ съ королемъ Венгерскимъ войну тяжкую, и побѣдя Венгровъ въ горахъ, учинилъ съ нимъ миръ, отрекся король по грамотѣ Мстиславлей Галича«.

[2]) Въ качествѣ друга онъ былъ приглашенъ на его коронацію [такъ именно смотритъ на это наша лѣтоп., которая говоритъ: »Даніилъ же в то время шелъ бяше со братомъ своимъ во Угры ко королеви: *бѣ* бо *звалъ его на честь*« Ип., 517) въ 1235 г. (см. Szalay, »Geschichte Ungarns, II, S. 33) и принималъ въ ней участіе. Это участіе, по словамъ Турока, стояло въ слѣдующемъ: »Rex Bela — — coronatus est — — in cathedrali ecclesia beati Petri, Albae, quam ipse consecrari fecit, Colomano duce, fratre eiusdem, ensem regalem, ad latus ipsius, honorifice lenente, Daniele vero, duce Ruthenorum, equum eius, ante ipsum, summa cum reuerentia ducente« [»Scriptores rerum Hungaricarum. Cura et studio J. C. Schwandtneri. MDCCXLVI. T. I.« P. 149]. Венгерскіе историки (между пр. и Szalay *) заключаютъ на основаніи этихъ словъ Турока (который, компилируя извѣстія древнѣйшихъ лѣтописей, самъ, вѣроятно, прибавилъ слова »summa cum reuerentia«—изъ патріотической гордости), что Даніилъ призналъ себя вассаломъ Белы. Въ такомъ случаѣ, также должно смотрѣть и на Коломаново участіе въ коронаціи брата. Венгерскіе историки и Карамзинъ думаютъ, что Даніилъ отправился къ Белѣ просить помощи. Это несогласно съ свидѣтельствомъ нашей лѣтописи и съ Даніиловымъ характеромъ: Даніилъ никогда бы не унизился до того, чтобы признать себя вассаломъ венг. короля; притомъ мы нигдѣ не замѣчаемъ слѣдовъ подобнаго подчиненія Даніила. Въ дополненіе къ этому совѣтуемъ прочесть еще сказанное у Д. И. Зубрицкаго (»Ист. др. Гал.-р. княж.«, III, 124—125).

[3]) См., напр., Ип., 516.—Бела IV род. въ 1205. Отсюда видно, какъ невѣрно извѣстіе галицко-вол. лѣтоп. подъ 1206 (вм. 1209): »Даніилови сущю во Угрѣхъ, король же Андрѣй, и болрѣ Угорьстѣи и вся земля, хотяше дати дщерь свою за князя Данила, обѣима дѣтьскома бывшима: зане сына у него не бѣ« (Ип., 484).

[4]) Михаилъ былъ женатъ на Даніиловой сестрѣ (Ип., 521), но это его не останавливало. О союзѣ его съ королев. Андреемъ въ Ип. сп. говорится подъ 1228 (Ип., 503).

*) Съ ними согласенъ и Карамзинъ (III, прим. 348).

горые имѣли еще въ прошломъ вѣкѣ, до восьмидесятыхъ его годовъ [1]). Покровительство Ростиславу со стороны Белы было тѣмъ усерднѣе, что первый былъ помолвленъ съ его дочерью Анною [2]). Что Бела не безкорыстно помогалъ Ростиславу, это доказывается тѣмъ, что, когда незадолго до татарскаго нашествія Ростислава постигла въ Галичѣ рѣшительная неудача [3]), то онъ не хотѣлъ выдать за него дочь: онъ желалъ видѣть своего зятя на галицкомъ престолѣ [4]). Онъ согласился породниться съ бездомнымъ Ростиславомъ только послѣ Батыева похода, когда значительно присмирѣлъ [5]). Съ этого времени Ростиславъ дѣй-

---

[1]) Они не желали образованія сильнаго государства въ ихъ сосѣдствѣ. По словамъ Татищева (III, 64—65), въ 1152 г. венгерскіе вельможи и архіепископъ говорили королю слѣдующее: »лучше намъ, что Русскихъ князей больше, а не единъ, и они въ несогласіи другъ друга воюя намъ не вредятъ, и намъ ихъ бояться не будетъ причины, ежели Владимирка отдать въ руки Изяславу, стыдъ тебѣ предъ всѣми государи«.

[2]) Первое упоминаніе объ этой помолвкѣ С. Н. Палаузовъ (въ топогр.: »Ростиславъ Михаиловичь, русскій удѣльный князь на Дунаѣ«, Спб. 1851, стр. 11) относитъ къ 1234 г., предпочитая мнѣніямъ венгерскихъ историковъ хронологію нашей лѣтописи. Онъ говоритъ, что послѣ помолвки Ростиславъ находился въ войскѣ Белы IV подъ Ярославлемъ, а въ Ипат. лѣтописи »Ярославль, а за нимъ Владимиръ Волынскій были взяты Белой въ 1234«. 1234-й годъ не поставленъ ли имъ ошибочно вм. 1231, подъ которымъ именно стоятъ въ нашей лѣтописи упомянутыя С. Н. Палаузовымъ событія (см. Ип., 510). Въ нашей лѣтописи не говорится прямо объ этомъ сватовствѣ. Но и въ ней можно найти подтвержденіе венгерскихъ извѣстій. Подъ 1243 г. въ ней говорится о Ростиславѣ: »и вдасть за нь *паки* король Угорьскый дочѣрь свою«... (Ип., 528).

[3]) Ип., 518 и 521.

[4]) Онъ отказалъ и Даніилу, желавшему отбить невѣсту у соперника для своего сына и нарочно для этого пріѣзжавшему въ Венгрію передъ самымъ татарскимъ нашествіемъ (Ип., 523: »...ѣхалъ бѣ Данило князь ко королеви во Угры, хотя имѣти с нимъ любовь сватьства; и не бы любови межи има«; сл. стр. 537).

[5]) Онъ считалъ это униженіемъ для себя, равно какъ и то, что послѣ выдалъ дочь за Льва Даниловича. При болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ онъ искалъ бы лучшей партіи для дочерей. Вотъ что онъ писалъ къ папѣ Иннокентію IV: »Nos.... propter bonum christianitatis, *majestatem regiam humiliando*, duas filias nostras ducibus Ruthenorum et tertiam duci Poloniae dedimus in uxorem.... *Amplius*.... filio nostro primogenito Cumanam *quandam* conjunximus, ut per hoc vitaremus deterius«. Szalay, II, S. 71, Anmerk. 2.

ствовалъ противъ Даніила уже не заодно съ отцомъ, съ которымъ по-ссорился [1]), а совершенно независимо отъ него Этотъ Ростиславъ отличался чрезвычайно безпокойнымъ характеромъ, свойственнымъ всей черниговской линіи князей, и, по справедливому замѣчанію писавшаго о немъ С. Н. Палаузова [2]), былъ »рѣзкимъ выраженіемъ удѣльнаго періода [3])«.

Венгры и Ольговичи были главными соперниками Даніила по Галичу. Но въ промежуткѣ между попытками тѣхъ и другихъ, равно какъ и до полнаго еще отреченія Венгровъ отъ видовъ на Галичъ, когда бояре не надѣялись найти поддержку у послѣднихъ, они обращались къ двоюродному брату Даніила—Александру Всеволодовичу Бѣлзскому человѣку довольно неправственному [4]). Впрочемъ, онъ всегда готовъ былъ приставать и приставалъ къ Даніиловымъ врагамъ и помимо разсчетовъ на галицкій столъ. Онъ былъ издавна недоброжелателемъ Романовичей, потому что съ самаго ихъ малолѣтства имѣлъ замыслы на принадлежавшій имъ по праву наслѣдства владимірскій удѣлъ [5]). Онъ былъ склоненъ поддерживать Романовичей въ ихъ стремленіи подчинить себѣ Галичъ [6]), но съ крайнею неохотою уступалъ имъ что-нибудь изъ Волыни. Со времени утраты Владиміра Вол., онъ присоединялся къ непріятелямъ ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ, но это ни разу не доставило ему особенной выгоды.

Также не имѣли притязаній на Галичъ, но всегда поддерживали Даніиловыхъ враговъ еще какіе-то Болоховскіе князья, мѣсто жительства

---

[1]) Ип., 528.

[2]) »Ростиславъ Михаиловичъ«, 26.

[3]) Другой отзывъ о немъ С. Н. Палаузова (ib., 6), что »лицо это едва ли не изъ замѣчательнѣйшихъ характеровъ XIII вѣка«, былъ сдѣланъ подъ вліяніемъ увлеченія героемъ изслѣдованія, иногда довольно замѣтнымъ (см., напр., натяжку въ объясненіи неудовольствія Михаила на сына).

[4]) Ип., 508 и 514 О немъ есть особенная статья, принадлежащая В. Ильницкому—подъ заглавіемъ: »Александръ князь Бѣлзскій« помѣщенная въ »Зорѣ Галицкой на годъ 1860«. Впрочемъ, въ ней нѣтъ ничего замѣчательнаго.

[5]) Онъ сталъ помышлять о Владимірѣ съ тѣхъ поръ, какъ изъ него былъ изгнанъ Святославъ Игоревичъ.

[6]) Это обнаруживается изъ того, что въ 1208 г. по Ип. сп. онъ присоединился къ ополченію, шедшему добывать Галичъ для Даніила (Ип., 485).

ства и происхожденіе которыхъ до сихъ поръ еще удовлетворительно не выяснены [1]). Не подлежитъ сомнѣнію только то, что они боялись

---

[1]) Большинство современныхъ ученыхъ (И. И. Шараневичъ: »Исторія«, 83 и 104; А. С. Петрушевичъ: »Гал. ист. сб.«, II, 110; Д. И. Зубрицкій: »Исторія«, III, пр. 112-е; С. М. Соловьевъ: »Исторія«, III, пр. 261-е; Н. П. Барсовъ: »Матеріалы для историко-географическаго словаря Россіи«, В. 1865, стр. 11) полагаютъ, что города Болоховскихъ князей находились въ Подоліи. Но этотъ вопросъ едвали можетъ считаться рѣшеннымъ. Ученые прежде всего основываются на показаніяхъ извѣстнаго изслѣдователя русской географіи З. Д. Ходаковскаго, писавшаго въ двадцатыхъ годахъ. Онъ категорически заявилъ, что города Болоховскихъ князей находились въ Подоліи (Карамзинъ IV, пр. 20, стр. 10). Странно однако, что, имѣя обыкновеніе обстоятельно указывать положеніе различныхъ мѣстностей, онъ отступилъ на этотъ разъ отъ своей привычки и упомянулъ только о томъ, что на мѣстѣ древняго Кудина находится Кудинка, которую мы, дѣйствительно, нашли въ Подольской губерніи, невдалекѣ отъ Новокопстантинова (см. 17-й л. спец. карты европ. Россіи, изд. Воен. Топ. отд. Главн. Штаба. 1868). Это подрываетъ довѣріе къ основательности его свидѣтельства: не на основаніи ли одной Кудинки оно построено? Какъ нужно относиться въ настоящемъ вопросѣ къ Ходаковскому, показываетъ также то, что Бѣлобережье онъ причислилъ къ землѣ Болоховскихъ князей и, вмѣстѣ съ послѣднею, помѣстилъ въ Подоліи (о Бѣлобережьи см. ниже). Съ своей стороны, мы обращаемъ вниманіе на то, что въ средней полосѣ Волыни тянется рядъ селъ, названія которыхъ или одинаковы, или похожи на названія городовъ Болоховскихъ князей, занесенныя въ лѣтопись (см. Ип. подъ 1241, 526); къ первымъ мы относимъ: с. Деревичи (въ Новоградвол. у.; сл. мѣстное преданіе у Барсова на стр. 61. Въ томъ же уѣздѣ, вблизи слоб. »Деревичъ« и м. Черторіи мы встрѣтили »Деревичку«), »Губино« [въ Новоградвол. у.; въ Луцкомъ у. есть »Губинъ«; др. селеніе подобнаго же названія находится во Владимірскомъ у.; Н. П. Барсовъ указываетъ на с. Губкинъ, Под. губ., лежащее на южномъ Бугѣ (стр. 61), но это излишне, если есть »Губино«], Городецъ (въ Луцкомъ у., невдалекѣ отъ Болоховичъ), Дядьковичи (въ Ров. у. 2 сел. этого имени; въ лѣт. находимъ »Дядьковъ«) и Кудиновичи (въ Новоградвол. у., по р. Цѣрему, вблизи м. Яруня *); села съ похожими названіями: Кобга (въ Луцк. у.; въ лѣтописи есть »Кобудь«), Божковичи (въ Дубенскомъ у.) и Божевъ (въ Владимірскомъ уѣздѣ; тамъ же есть »Божанка«; въ лѣтописи читаемъ: »Божьскый«). Мы нашли даже селеніе, весьма напоминающее по своему названію древній Болоховъ; это — Болоховичи, въ Луцкомъ уѣздѣ, въ приходѣ Полицъ, невдалекѣ отъ р. Стыри и м. Черторійска. Можетъ быть, у

*) »Кудина« мы не нашли. Карамзинъ указывалъ на Кодень, лежащій къ югу отъ Берестья (IV, пр. 20, стр. 10). Мы укажемъ на Кодню, м. Житомирскаго уѣзда.

утвержденія Даніила въ Галичѣ изъ опасенія подпасть его вліянію пр чрезвычайномъ его усиленіи.

нынѣшнихъ Болоховичъ проходила сѣверная граница древней Болохов свой земли. Въ связи съ этимъ считаемъ нелишнимъ указать на т что въ Хлѣбниковскомъ и Погодинскомъ спискахъ Кіевской лѣтопис упоминается Болоховъ, лежавшій на дорогѣ изъ Кіева во Владимір [»И пойде Мьстиславъ отъ Киева второе недѣли по велицѣ дни в по недѣлникъ. И бысть вѣсть Давыдови, оже Мьстиславъ пошелъ, и посл Вододислава Ляха съ Половци по нѣмъ, и постигоша я *у Болохова* и ту стрѣлявшеся с ними възъвратишася«. Ип., 376, вар. 1. Въ Ип. сп. вм. »Болохова« поставлено »Борохова«; если чтеніе Ипатскаго списк предпочтительнѣе, то подъ »Бороховымъ« должно разумѣть теперешній »Боруховъ«, находящійся въ Луцкомъ уѣздѣ]; находимъ также весьм интересный варіантъ у Татищева; подъ 1158 г. въ кіевской лѣтоп. го ворится: »Сий бо Ярополкъ вда всю жизнь свою (Кіевопечерскому мо настырю), Небльскую волость и Дерьвскую и Лучьскую, и около Кіева (Ип., 338); у Татищева читаемъ: »отдалъ всѣ волости свои, *Болоховскую* Деревскую и Луцкую« (III, 106).—Кромѣ показанія Ходаковскаго, уче ные обращаютъ вниманіе на мѣстности, вблизи которыхъ являются Бо лоховскіе князья. Мы позволяемъ себѣ замѣтить, что эти мѣстност также не даютъ права исключительно Подоліи присвоивать Болоховских князей. Вмѣстѣ съ Болоховскими князьями Галичане приходили однажд на принадлежавшій Даніилу Каменецъ (Ип., 516); ученые полагаютъ что подъ этимъ Каменцемъ нужно разумѣть Каменецъ-Подольскі (Д. И. Зубрицкій, »Исторія« III, 137; Н. П. Барсовъ, »Матеріалы«, 87); н несомнѣнно, что лѣтописный Каменецъ находился на мѣстѣ нынѣшне »Каменки«, села Новоградвол. у., стоящаго у самой Случи, невдалек отъ Колодежна; въ томъ же уѣздѣ къ сѣверу (вблизи м. Корца) встрѣ чаемъ другую »Каменку«, а къ востоку отъ Колодежна—»Камень«. В лѣтописи читаемъ: »Придоша Галичане на Каменець и вси Болоховьскіе князи с ними, и *повоеваша по Хомору, и поидоша ко Каменцю*«, Хоморъ—теперешняя Хомора (Хомура), лѣвый притокъ южной Случ и течетъ въ Волынской губ.; на то, что Каменецъ, о которомъ гово ритъ лѣтопись, находился въ Новоградвол. у., указываетъ еще слѣ мѣсто лѣтописи о Батыѣ: »поиде самъ Володимерю (Вол.) и приде городу Колодяжьну (о послѣднемъ см. въ II-й главѣ нашего труда). И *приде Каменцю, Изяславлю, взятъ я;* видивъ же Кремянѣць и гра Даниловъ«... и т. д. (Ип., 523): Каменецъ здѣсь поставленъ рядомъ с Изяславлемъ, теперешнимъ Заславлемъ, уѣзднымъ город. Вол. губ. Жи вя вблизи этого Каменца, Болоховскіе князья могли безъ особеннаг труда пробираться къ Бакотѣ (Бакота—селеніе на Днѣстрѣ межд Ушицею и Каменцомъ Под. Барсовъ, »Мат.«, 3), что мы видимъ однажд (Ип., 526). Далѣе, мѣсто лѣтописи, находящееся въ Ип. сп. подъ 125 г., даетъ основаніе думать, что Болоховскихъ князей нужно искат именно въ средней полосѣ Волыни. Изъ него видно, что Межибожи

Всѣ перечисленные нами враги Даніила въ борьбѣ его за Галичъ постоянно дѣйствовали дружно.

не принадлежало къ Болоховской землѣ, *равно какъ и Побожье* [»*воевахуть* людье Данилови же и Василкови *Болоховъ*, а Львови *Побожье* и люди Татарьскыя« Ип., 555),—что Болоховская земля находилась къ сѣверу отъ Побожья [противъ нея были отправлены силы Даніила и Василька, княжившихъ на Волыни, а противъ Побожья воевали люди Льва, княжившаго въ Галицкой области] и была смежна съ областью Бѣлобережцевъ и Чарнятинцевъ (»Шварно же приде поимавъ городы вся, и по немь *придоша Бѣлобережцы и Чарнятинци и вси Болоховци* къ Данилу«) (о Бѣлобережцахъ и Чарнятинцахъ см. въ наст. главѣ ниже). По словамъ лѣтописи (Ип., 527), Болоховскіе князья вторглись однажды въ Мазовецкую землю съ цѣлью грабежа (они воевали ее: »не суть *вои* твои«, говорилъ Болеславъ Даніилу) и князь Мазовецкій »хотяше *разъграбити* е«; на основаніи слова »разграбить« мы заключаемъ, что онъ хотѣлъ, въ отместку, опустошить ихъ землю [трудно допустить, чтобы оно было употреблено въ томъ значеніи, что онъ хотѣлъ забрать все находившееся при нихъ въ Польшѣ имущество); а это показываетъ, что она находилась не на особенно далекомъ разстояніи отъ его владѣній; этого же нельзя сказать о верховьяхъ Бога (ю. Буга); вѣроятнѣе отнести землю Болох. князей въ среднюю Волынь, откуда имъ легче было проникнуть въ Мазовію (обратите вниманіе на послѣднее обстоят.: Болоховскіе князья грабили не Краковскую область, на которую имъ естественнѣе было напасть, еслибы они шли съ юга, а Мазовецкую). Наконецъ, городъ Болоховскихъ князей »Божьскый«, по всей вѣроятности, былъ тождественнымъ съ »Божьскымъ«, о которомъ лѣтописи упоминаютъ еще въ XII ст. Послѣдній же въ одномъ мѣстѣ лѣтописи поставленъ рядомъ съ Острогомъ, Дубномъ и Чертороыйскомъ (П. с. р. л., I, 116—117, г. 1106), а въ двухъ другихъ мѣстахъ рядомъ съ Межибожьемъ и Котельницею (Ип., 243 и 257; Котельница—Котельня Жит. у. на р. Гуйвѣ); С. М. Соловьевъ (»Исторія«, II, пр. 242) говоритъ, что этотъ городъ долженъ былъ находиться на берегахъ Божка или Бужка, впадающаго въ восточный Бугъ у Межибожья; но его названіе могло происходить и не отъ корня »Богъ« въ смыслѣ рѣки Бога (ю. Буга). Въ Кременецкомъ у. Вол. губ. есть гора Бужья или *Божья*. См. »Вол. Губ Вѣд.« 1868, № 121. Одно только насъ нѣсколько смущаетъ: Владимірко *Галицкій, идя къ Кіеву*, шелъ на Болохово (изъ лѣтописи можно заключать, что такъ называлась цѣлая мѣстность), которое, по нашему предположенію, высказанному выше, лежало на одной широтѣ съ Кіевомъ, а потомъ мимо Мунарева прошелъ къ Володареву (Ип., 278); послѣднія же мѣстности находились въ южной части теперешней Кіевской губ. [о Володаревѣ см. у Барсова стр. 38; о Мунаревѣ можно судить только приблизительно; напр., онъ въ одномъ мѣстѣ лѣтописи упоминается невдалекѣ отъ Ярополча (Ип., 346), а Ярополчь—Яроповцы, сел. въ Сквирскомъ у. Кіевской

Вѣрнымъ союзникомъ Даніила является кіевскій князь Владиміръ Рюриковичъ, которому онъ помогалъ противъ Черниговскихъ князей [1]);

губ. Барсовъ, 219; на картѣ Главн. Шт.—»Яроповичи«; еще упоминается онъ въ Ип. сп. на стр. 343]; так. обр., если принять наше мнѣніе о Болоховѣ, то придется думать, что Владимірко шелъ къ Кіеву не прямымъ путемъ, а круто повернулъ съ сѣвера на югъ, для чего, повидимому, онъ не имѣлъ основаній. Впрочемъ, Яроповцы не особенно южнѣе Кіева. Еще менѣе покажется извилистымъ путь Владимірка, если допустить, что Мупаревъ—теперешній Мухаровъ, Новоградв. у., который, по шротѣ, немного выше Яроповецъ и не слишкомъ отдаленъ отъ нихъ.—Переходимъ къ вопросу о происхожденіи Болоховскихъ князей. Оно также загадочно, какъ и мѣсто ихъ жительства. П. И. Костомаровъ (»Моногр.«, I, 218) считаетъ ихъ обособившимися отъ князей боярами; С. М. Соловьевъ склоняется къ тому, чтобы признать ихъ Ольговичами, поселившимися въ Подоліи [»Исторія«, III, прим. 261—на основаніи слѣд. мѣста лѣтописи: »...нача посылати Михаилъ и Изяславъ, грозяча: »дай нашу братью (рѣчь идетъ о Болох. кн.), или прідемь на тя войною«. Ип., 516],—вмѣстѣ съ Карамзинымъ (III, прим. 346, стр. 127) и Арцыбашевымъ; Д. П. Зубрицкій полагаетъ (»Исторія« III, 138), что это—крестившіеся и породнившіеся съ Черниговскими князьями Половцы, П. И. Шараневичъ (»Исторія«, 83 и 104) высказываетъ подобное же мнѣніе Мы замѣтимъ отъ себя, что, если это были чисто русскіе князья, существовавшіе съ древнѣйшихъ временъ, то не могло быть, чтобы они не принадлежали къ роду Рюриковичей. Рюриковичи, владѣвшіе русскою землею и признававшіе только за собою право на это, не допустили бы, чтобы какая-нибудь частица русскихъ земель подчинялась иному роду. Болохово въ 1150 г., повидимому, принадлежало къ землямъ, признававшимъ власть Рюриковичей (Ип., 278); »Божскій« въ XII стол. также подчинялся послѣднимъ; если его считать тождественнымъ съ Бозкомъ вм. съ авторомъ указателя къ »Лѣтоп. по Ип. сп.«, то это можно сказать и о началѣ XIII в. (см. Ип., 487); но, кажется, что Бозкъ лежалъ западнѣе гдѣ-то, въ галицкой области. Болоховскіе князья могли быть и не Рюриковичи, но въ такомъ случаѣ они явились въ періодъ смутъ въ югозападной Руси въ первой четверти XIII стол. Не бросаетъ ли нѣкотораго проблеска на ихъ происхожденіе слѣд. обстоятельство: въ Ип. сп. подъ 1231 г. говорится: »бѣ бо с королевичемъ Олександръ и *Глѣбъ Еремиевичь*, инии князи Болоховьсции и Угоръ множество« (Ип., 511); для чего употреблено слово »инии« рядомъ съ словами »Глѣбъ Еремиевичь«? Обратимъ вниманіе на то, что въ началѣ XIII стол. Глѣбъ Еремѣевичъ находился въ какой-то связи съ княземъ восточной Волыни, Мстиславомъ Пересопницкимъ (см. Ип., 488).—Что касается названій городовъ Болоховскихъ князей, то они—славянскаго корня, и подобныя имъ иногда встрѣчаются и въ другихъ мѣстностяхъ русской земли (»Белехово поле« Ип., 407; »Кобудь« есть въ Черниг. губ.; »Кудново«. Ип., 264 и т. п.)

[1]) Ип., 511, 513, 514, 516.

весьма часто содѣйствовали Даніилу также Половцы [1]), часть которыхъ со времени татарскаго нашествія находилась у него на постоянной службѣ и была, вѣроятно, поселена въ его земляхъ [2]) Въ случаѣ надобности Даніилъ просилъ и получалъ помощь отъ Литовцевъ [3]).

---

[1]) Въ 1230 г. (по Ип. въ 1229) у Даніила были Котяновы Половцы, у короля—Бѣсоварсовы (Ип., 507); въ 1233 г. по Ип. сп. опять помогали Даніилу Котяновы половцы (Ип., 513—514); въ 1236 г. (въ 1235 по Ип. сп., 516) они не захотѣли воевать противъ Даніила; это объясняется тѣмъ, что послѣдній былъ женатъ на внукѣ Котяна (см. Ип., 498 и 489).

[2]) См. Ип. 528, 533, 538, 542, 543 Даніилъ породнился даже съ однимъ изъ хановъ, именно съ Тѣгакомъ (Ип., 543), который называется его свекромъ. У Длугоша подъ 1259 г. говорится: »Boleslaus Calissiensis... cum Boleslao Pudico Cracoviensi et Sandomiriensi Duce patruele, *Ruthenorum et Cumanorum* habente auxilia...« (col. 756). Можетъ быть, эти Половцы были поселены на сѣверной окраинѣ Даніиловыхъ земель. Ярошевичъ говоритъ объ южной части Ятвяжской земли: »są ślady że z najdawniejszymi Ruskimi kolonistami, musieli w te strony przybyć i Połowcy, których nazwisko dochowało się do dziś dnia w kilku wsiach pogranicznych Brzeskiego powiatu« (Obraz Litwy, I, str. 31). Въ примѣчаніи къ этому читаемъ: »Oprócz wsi i dworu Połowców, mieszkańcy wiosek Suchory, Stawiszcze, Piszczata, Hola czyli Hoła, Suchodoł i Wólka połowiecka, od okolicznych wieśniaków pospolicie nazywani są Połowcami, którzy jednak w niczém sie już dzisiaj od sąsiednych nie różnią Rusinów. Powtarzane dotąd między okolicznymi Rusinami przysłowie: *»Połowców siem sioł, a odin tolko woł«* nie nader korzystnie świadczy o ich przemyśle rolniczym lub zamożności wiejskiéj« (ibid., str. 206). На югѣ принадлежавшихъ нѣкогда Даніилу земель мы также встрѣчаемъ села, напоминающія Половцовъ; сюда относятся: »Половце« (въ австрійской Галиціи, невдалекѣ отъ Чорткова), »Кумаповo« (въ Проскуровскомъ у.), »Кумановцы« (въ Летичевскомъ у.) и »Кумановка« (въ Бердичевскомъ у., невдалекѣ отъ Махновки). Названіе Кумановъ встрѣчается и въ нашихъ лѣтописяхъ (см., напр., П. с. р. л., III, 39). Половцы сразу должны были измѣнить свой разбойническій характеръ: »Даниль же вооружився, поемь все свое, поиде рѣцѣ Слну. Броду же глубоку сущу, и приѣхаша Половцы напередъ, и приехавше видиша стада ихъ, не бѣ бо стражь ихъ у рѣки, *Половцем(ъ) же не смьющимъ разграбити ихъ бес повелѣния княжа*« (Ип., 523). И. Д Бѣляевъ (»Зап. Од. общ. ист. и древн., т. III, Од. 1853, ст: »О сѣверномъ берегѣ Черпаго моря и прилежащихъ къ нему степяхъ, до водворенія въ этомъ краѣ монголовъ«, стр. 45) думаетъ иначе объ отношеніяхъ ихъ къ Даніилу; по его словамъ, послѣ перваго татарскаго погрома »Половцы еще нѣсколько времени держались за Днѣстромъ на западъ до Дуная; они еще помогали въ разныхъ войнахъ Даніилу Романовичу до 1253 года«.

[3]) Подробнѣе о томъ см. въ III-й гл.

Вмѣшательство Поляковъ въ русскія дѣла ограничивалось теперь тѣмъ, что они давали восставшимъ вспомогательные отряды, когда о томъ ихъ просили. Въ политикѣ ихъ относительно Руси не видно единодушія [1]) и строго выдержаннаго направленія [2]).

Борьба Даніила за Галичъ началась весною 1230 г. [3]) На первыхъ порахъ ему было довольно трудно состязаться съ конкуррентами. Вотъ какъ описанъ въ галицко-волынской лѣтописи походъ Венгровъ вслѣдъ за первымъ занятіемъ Галича Даніиломъ. »Изыде же Бѣла рикъ, рекъмый король Угорьскый, *в силѣ тяжьцѣ*.... Даніилови же молящуся Богу, *избави и Богъ отъ руки силныхъ* [4])«. Романъ утвердился въ Галичѣ вслѣдствіе того, что одни изъ его сосѣдей боялись его, а другіе были съ нимъ въ союзѣ. Подобныя же обстоятельства доставили торжество и Даніилу. Сила галицкихъ бояръ была ему страшна въ то время, когда они получали поддержку извнѣ; равнымъ образомъ внѣшніе враги Даніила по Галичу не были для него опасны безъ боярской поддержки. Послѣ татарскаго нашествія бояре ни откуда не встрѣчали энергическаго вспомоществованія. Черниговскія волости Ростислава были опустошены; Венгрія — также; притомъ послѣдняя втянулась въ войну за австрійское герцогство [5]). Уменьшилось число самихъ крамольниковъ [6]).

---

[1]) Сынъ Лешка Бѣлаго, вмѣстѣ съ своею матерью, находился въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Даніилу, потому что послѣдній пребывалъ въ дружбѣ съ врагомъ его Конрадомъ Мазовецкимъ (Ип., 531 и 532).

[2]) Конрадъ вообще держалъ сторону Даніила [Ип. 507 и 532—534; неизвѣстно, какіе Ляхи помогали Василько въ 1234 г. по Ип. сп.: стр. 516], но помогалъ и Михаилу, которому приходился дядею, будучи женатымъ на русской княжнѣ Агафіи; на это родство указываетъ и наша лѣтопись (Ип., 521); Михаилъ и Ростиславъ нѣсколько разъ находили у него пристанище (Ип., 521).

[3]) По Ипатскому списку она началась въ 1229 г., послѣ помощи Даніила Конраду, »*времени минувшу*«, когда Василько отправился въ Суздаль на свадьбу своего шурина (Ип., 505); Всеволодъ же Юрьевичъ, по свидѣтельству мѣстной лѣтописи (П. с. р. л., I, 193), женился 14-го апрѣля 1230 г.

[4]) Ип., 507.

[5]) И изъ выраженій лѣтописи можно замѣтить, что Венгры охладѣли къ мысли подчинить себѣ Галичъ. Они помогали Ростиславу только по его просьбамъ. Ростиславъ же *умоливъ* Угоръ много, *просися* у тьстя, да выидеть на Перемышль« (Ип., 529). »*Ростиславъ молися* тьстеви своему королеви, да пошлеть ему вои на Данила...« (Ип., 531).

[6]) »Ростиславъ собра князѣ Болоховьскыѣ и *останокъ Галичанъ*, приде ко Бакотѣ«. Ип., 526.

И вотъ Даніилъ начинаетъ поступать рѣшительнѣе съ боярами: »Доброславу же и Григорію обоимъ ловящимъ на ся, слышавъ же Даніилъ рѣчи ихъ яко полны суть льсти, и не хотять по воли его ходити, и власть его иному предати, сомыслив(ъ) же со братомъ, понужи же видя безаконие ихъ, и повелѣ его (въ Хлѣбн. и Погод.: я) изоимати [1])«. Ярославская битва (въ 1245 г.) [2]) окончательно утвердила Даніила на Галицкомъ столѣ. Замѣчательно, что въ галицко-волынской лѣтописи, на сторонѣ Ростислава въ эту послѣднюю его попытку, указывается одинъ Володиславъ, и изъ русскихъ бояръ его одного лѣтопись называетъ убитымъ по приказанію Даніила [3]). Была еще одна попытка отнять у Даніила Галичъ—около 1254 года, но она была предпринята не по зову бояръ, а по старой памяти—въ надеждѣ найти въ Галичѣ пособниковъ противъ Даніила, и подавленіе ея не стоило послѣднему большаго труда [4]).

Побѣда Даніила надъ галицкимъ боярствомъ была весьма важна: для Галича—въ томъ отношеніи, что онъ не подпалъ чужеземной власти

---

[1]) Ип., 525—526.

[2]) Ипатскій списокъ, по своему обыкновенію, относитъ ее невѣрно къ 1249 г.; невѣрность эту замѣтилъ еще С. М. Соловьевъ (III, пр. 322); къ сожалѣнію, писавшіе послѣ него изслѣдователи не обратили на это вниманія. По разсказу лѣтописи, эта битва случилась незадолго до путешествія Даніила въ орду; путешествіе же это совершилось въ концѣ 1245 и началѣ 1246 г. (см. ниже, въ III-й гл.). Въ 1246 г. Даніилъ, повидимому, помогалъ уже Венгерскому королю, примирившись съ нимъ. Въ Chronicon Salisburgense подъ этимъ годомъ говорится слѣд.: »Rex Ungariae collecta magna multitudine pugnatorum, simulque Bruscie et *Ruscie* regibus, confinia Austrie invasit« (Pertz, Monumenta Germaniae historica, IX, p. 789); что̀ замѣчательно, подобное же извѣстіе находимъ подъ тѣмъ же годомъ въ Густынской лѣтописи: »Беля, король Угорскій, имѣя рать со Фридрихомъ Ракускимъ княземъ, призва себѣ Даніила въ помощь; Даніило же прійде со Рускими и Татарскими полки, крѣпко біяшеся со Нѣмци, донелѣ же побѣди ихъ и Фридриха уби (П. с. р. л., II, 341). Не разумѣется ли здѣсь подъ русскимъ царемъ Ростиславъ Михайловичъ, получившій удѣлъ въ Венгріи послѣ Ярославской битвы?

[3]) Ип., 534. Лѣтопись говоритъ еще о взятіи многихъ »отъ вьсихъ«, т. е. сельчанъ. Густынская лѣтопись, напротивъ, говоритъ: (Даніилъ) »потре его (Ростислава) воя, идѣже многихъ бояръ Галицкихъ непріязненныхъ Даніилу тамо побиша, а другихъ живыхъ яша, но единаче тыхъ всѣхъ повелѣ Даніилъ побити« (П. с. р. л., II, 340).

[4]) Ип., 550.

и не сдѣлался добычею Венгровъ, короли которыхъ и послѣ Ярославской битвы титуловались »reges Galliciae Lodomeriaeque [1])«; для южной Руси вообще это событіе было весьма благодѣтельно потому, что, съ выходомъ изъ ея системы Галича, она сдѣлалась бы весьма слабою.

Помимо этого, нельзя не сочувствовать Даніилу въ его *борьбѣ* съ боярствомъ. Оно крайне несимпатично. Выше всего ставило оно свой произволъ и самовластіе. Неуваженіе къ личности оно распространяло и на особу князя, которому не стѣснялось заливать лицо чашею. Народъ, по мнѣнію бояръ, долженъ былъ быть покорнымъ орудіемъ ихъ власти и источникомъ, изъ котораго они могли бы почерпать богатства. Н. И. Костомаровъ такъ говоритъ о преобладаніи боярства въ галицкой землѣ: »Здѣсь уже прорывались начала того *панства*, которое подъ польскимъ владычествомъ охватило страну и, противопоставивъ себя массѣ народа, вызвало наконецъ ее въ лицѣ козаковъ [2])«. Вмѣстѣ съ галицкимъ боярствомъ пала и единственная въ древнѣйшей нашей исторіи попытка образовать аристократію въ западномъ смыслѣ слова,—аристократію, какъ полную владычицу массы вслѣдствіе правъ, передаваемыхъ по наслѣдству. Эта попытка была близка къ осуществленію и не удалась потому, что въ Галичѣ цѣною крайне энергическаго напряженія успѣлъ восторжествовать и вновь утвердиться строй остальной Руси; г. Смирновъ приписываетъ эту неудачу отсутствію единодушія въ дѣйствіяхъ галицкаго боярства [3]), но мы показали уже, какъ неосновательно это мнѣніе: боярство ни въ чемъ не повредило своему дѣлу.

---

[1]) См. стр. 26 ст. Сума: »Историческое разсужденіе о Галиціи и Лодомиріи«, помѣщ. въ »Чт. въ И. Общ. ист. и др. р.« 1847, № 6. Впрочемъ, Бела IV не отказывалъ Даніилу въ титулѣ короля. См. выше цит. письмо перваго: »Imago novae Hungariae a S. Timon, Viennae Austriae MDCCLIV«, p. 80. Впервые Венгерскіе короли употребили этотъ титулъ въ извѣстныхъ намъ актахъ въ 1124 г. (Fejer, Codex diplom. Hungariae, II, стр. 67). Г. Бѣлёвскій относитъ это къ Галичу Словацкой Руси (у Мадьяръ-Гачу), находящемуся надъ р. Тугрою (въ особ. ст. »królestwo Galicyi« и въ »Monumenta Pol. Hist.« Lwów. T. I, str. 514—515, прим. 57—58). Опроверженіе этого см. въ ст. А. С. Петрушевича: »Было ли два Галича, княжескіи города, одинъ въ Угорскословацкой области, а другій по сю сторону карпатъ надъ Днѣстромъ, или нѣтъ«? помѣщ. въ »Науков. Сборн., изд. литер. общ. Галицко-Русской Матицы« 1865, вып. I.

[2]) »Ист. мон. изсл.«, т. I, 242.

[3]) »Судьбы Черв. или Гал. Руси«, 32.

Рядомъ съ борьбою за Галичъ происходило присоединеніе къ Даніиловымъ владѣніямъ и нѣкоторыхъ не отчинныхъ его земель. Въ первую половину своего княженія Даніилъ былъ далекъ отъ стремленія къ полному преобладанію въ югозападной Руси и отнятію удѣловъ у родственниковъ и вообще не имѣлъ сильнаго желанія сдѣлать возможно большею свою территорію. Получивши однажды въ Русской (т. е. кіевской) землѣ г. Торцькій, Даніилъ отдалъ его дѣтямъ Мстислава Удалаго [1]). Въ другой разъ, кромѣ Кіева, онъ готовъ былъ разстаться съ Луцкомъ [2]). Если нѣкоторые князья лишились своихъ владѣній, то были виноваты въ томъ сами. Такимъ былъ постоянно крамольничавшій противъ Даніила Александръ Белзскій. Даніилъ нѣсколько разъ прощалъ ему и отдавалъ ему его Белзъ и Червень [3]), но, наконецъ, вышелъ вѣроятно, изъ терпѣнія. Съ 1234 г., когда Александръ былъ пойманъ Даніиломъ во время бѣгства въ Кіевъ, лѣтопись болѣе не упоминаетъ о немъ, а Белзъ и Червень мы видимъ послѣ того во власти Даніила [4]).

Утвердившись послѣ многолѣтней борьбы въ наслѣдственномъ галицко-волынскомъ удѣлѣ, Даніилъ не остановился. Подъ вліяніемъ обстоятельствъ, главнымъ образомъ вѣроятно, подъ вліяніемъ татаръ, въ его головѣ созрѣла новая идея. Онъ началъ понимать, что старый порядокъ вещей былъ вреденъ для югозападной Руси и могъ привести ее къ потерѣ самобытности; ей нужно было быть посильнѣе, а это могло статься только при сосредоточеніи ея въ рукахъ возможно меньшаго количества лицъ и при подчиненіи одному роду всѣхъ другихъ. И Даніилъ началъ стремиться къ покоренію себѣ и своему брату всей югозападной Руси. Потому-то онъ былъ такъ недоволенъ на Волоховскихъ князей за то, что они подчинялись татарамъ: »Даніилъ же на нѣ большую вражьду (держа), яко отъ татаръ болшую надежду имѣаху [5])«; по его мысли, они должны были примкнуть къ тому большому политическому союзу, который онъ готовился создать изъ всей югозападной Руси. О подобныхъ его замыслахъ извѣщаетъ также одна папская булла,

---

[1]) Ип., 511. Торцкій былъ уступленъ Даніилу Владиміромъ Рюриковичемъ.

[2]) Ип., 521.

[3]) Ibid., 494, 498, 510, 513.

[4]) Ibid., 557 и 516.

[5]) Ип., 526—527.

въ которой Даніилу и Василько разрѣшалось, *согласно ихъ просьбѣ*, подчинять себѣ владѣнія и земли другихъ князей, не признававшихъ церковнымъ главою Римскаго первосвященника [1]).

Даніилъ желалъ распространить свою власть на сѣверѣ до собственно-литовскихъ границъ, а на востокѣ—до Днѣпра [2]).

Неудачный исходъ его попытокъ овладѣть западною частію русскихъ земель, прилегавшихъ къ сѣвернымъ окраинамъ его княжества, мы увидимъ, когда будетъ говорить о борьбѣ его съ Литвою. Нѣсколько иной конецъ имѣли его притязанія на находившіяся къ востоку отъ Черной Руси Пинскія княжества. Передъ тѣмъ Пинскіе князья покушались отхватить часть лежавшихъ по сосѣдству съ ихъ территоріею земель югозападной Руси. Оттуда ихъ борьба съ Луцкими и Пересопницкими князьями [3]), а потомъ съ Даніиломъ, противъ котораго они возбудили однажды цѣлую коалицію, не имѣвшую, впрочемъ, успѣха [4]). Окончилось тѣмъ, что они подпали вліянію Даніила [5]), отъ котораго старались освободиться, но напрасно [6]). Они сохраняли однакожъ значительную долю самостоятельности.

---

[1]) II. R. M., I, № LXVII: »vestris justis precibus inclinati, *recuperandi* possessiones, *terras*, et alia bona ad vos *hereditario*, *vel alio jure* spectantia, *que alii Reges*, qui in Ecclesie devotione non permanent, contra justitiam detinent, et injurias seculari potentia propulsandi liberam vobis concedimus auctoritate predicta facultatem«. Сл. № LXXIV: »...familia, possessiones, et alia omnia bona vestra tam mobilia quam immobilia quae in presentiarium rationabiliter possidetis, aut *in futurum* justis modis prestante Domino *poteritis adipisci* sub B. Petri et nostra protectione suscipimus«....

[2]) Доказательствомъ послѣдняго могутъ служить слова Миндовга: »пришлю к тобѣ Романа и Новогородцѣ, абы шолъ ко Возвягію, *оттуда и к Кыеву*« (Ип., 555).

[3]) Ип., 482: »тогда же яша Володимера Пиньскаго, бѣ бо Пиньчаръ с Ляхы и Мьстиславъ«.

[4]) Ип., 502—503.

[5]) Уже около 1229 г. одного изъ нихъ мы видимъ какъ-бы на службѣ у Даніила: »...остависта же в Берестии Володимера Пиньскаго и Угровьчапы и Берестьяны, стерегчи землѣ отъ Ятьвязь« (Ип., 503). Даніилъ и Василько ѣздили въ Пинскъ, какъ въ свой собственный городъ (Ип., 530).

[6]) Ип., 530 (подъ 1247): »во Пиньски Михаилъ далъ бѣ Литѣ вѣсть«, что идетъ Даніилъ. Ип., 543: »Даніло же пойде с братомъ Василкомъ и со сыномъ Львомъ, и с Половци, со сватомъ своимъ Тѣ гакомъ, и приде к Пиньску; князи же Пиньсцѣи имѣяху лесть, и поя ѣ со собою неволею на войну«.

Точно также и на востокѣ, рядомъ съ удачею, Даніила постигла неудача. Тутъ мы замѣчаемъ такое же стремленіе къ самостоятельности, какое видѣли въ Пинскихъ князьяхъ, но оно заслуживаетъ гораздо бо́льшаго вниманія. Жители земель, прилегавшихъ къ восточнымъ окраинамъ Даніиловыхъ владѣній и простиравшихся до Днѣпра, не имѣютъ и не желаютъ имѣть князей—Рюриковичей, а предпочитаютъ подчиняться прямо татарамъ, подъ владычествомъ которыхъ они могли вести чисто общинную жизнь, и вступаютъ для охраны себя въ союзы. Таковы были жители Бѣлобережья [1]), Возвягля [2]), Чарнятинцы [3]), жи-

---

[1]) Мнѣнія о мѣстѣ Бѣлобережья см. на стр. 20-й книги Н. П. Барсова. Мы согласны съ предположеніемъ М. П. Погодина, что подъ древнимъ Бѣлобережьемъ нужно разумѣть теперешнее м. Бѣлобережье Дубенскаго у. Вол. губ. Мы не видимъ, чтобы это какъ-нибудь противорѣчило лѣтописи, что̀ утверждаетъ г. Барсовъ. Лѣтопись того не говоритъ, что Бѣлобережье находилось возлѣ самой Случи. Вотъ ея слова: Даніиловъ воевода »стрѣте рать во Бѣлобережьи, и бившимся имъ о рѣку Случь, и гониша до рѣкы Деревное, изъ лѣса Чертова«. Кого гонили, спрашивается?—отрядъ Даніила; это видно изъ словъ его самого: »идуть наю« и изъ того, что, когда Даніилъ пошелъ на Венгровъ, они »увѣдавше *возратившася* къ Галичу« (Ип., 511); это ясно и изъ направленія, въ которомъ удалялись преслѣдуемые: они отступали на востокъ, потому что Чертовъ лѣсъ находился къ востоку отъ Случи (Ип., 285). Понятно послѣ этого, что Бѣлобережье *могло находиться* къ западу отъ Случи; противники встрѣтились въ немъ, Даніиловъ Владиславъ отступилъ тотчасъ къ Случи, тутъ завязалась битва, Владиславъ перешелъ Случь обратно и уходилъ на востокъ.—Въ лѣтописяхъ встрѣчается еще Днѣпровское Бѣлобережье (П. с. р. л., I. 22 и 31). Бѣлобережьемъ же называются берега Луги въ предмѣстіи Владиміра Вол.

[2]) Простонародье и теперь называетъ Новоградволынскъ Звягелемъ.

[3]) Чарнятиновъ есть нѣсколько. Изъ извѣстныхъ намъ одинъ находится въ Заславскомъ у. Вол. губ., на р. Икопоти, въ 10 в. отъ Староконстантинова; другой (»Б. Чернятинъ«) и третій (просто »Чернятинъ«)—вблизи Самгородки въ Бердичевскомъ у. Кіевской губ.; затѣмъ: невдалекѣ отъ Староконстантинова есть »Чернятинокъ« и »Б. Чарнятина«; невдалекѣ отъ Улапова въ Под. губ.—»Чернятинцы«; на р. Ровкѣ въ той-же губ.—»Чернятинъ« Мы не можемъ сказать, которое изъ этихъ поселеній древнѣе; намъ извѣстно только о Чернятинѣ Заславскаго у., что онъ существовалъ уже въ XVI в. (см. 6-й № »Вол. Губ. Вѣд.« 1868). Значительное количество селъ съ этимъ именемъ не свидѣтельствуетъ-ли объ обширности территоріи лѣтописныхъ »Чарнятинцовъ«?

тели Сѣмоця [1]), городовъ по Тетереву, Городка [2]), Межибожья и вообще всего Побожья и Приднѣпровья [3]). Понятно, что Даніилъ, обнаруживъ желаніе подчинить ихъ своей власти, долженъ былъ встрѣтить отъ нихъ сопротивленіе, какъ и отъ извѣстныхъ уже намъ Болоховскихъ князей. Конечно, оно бы ихъ не спасло, при значительности силъ Даніила въ сравненіи съ ихъ силами. Возвягляне спачала смѣялись, когда увидѣли, что у Шварна только 500 человѣкъ. »Наутрѣя же приде Даніилъ со многомъ множьствомъ полкомъ, со братомъ си и со сыномъ Львомъ; видивъше же гражанѣ, и ужасъ бысть в нихъ, и не стерпѣша и вдашася [4])«. Оттого-то поддались Даніилу между 1254 и 1258 гг. и остальные противившіеся ему: Бѣлобережцы, Чарнятинцы, жители притетеревскихъ городовъ, Побожья и даже столько разъ крамольничавшіе Болоховцы [5]). Но, къ несчастію, онъ долженъ былъ остановиться на этомъ, потому что татары не позволили двинуться далѣе. Послѣ Батыева нашествія Даніилъ не владѣлъ уже Кіевомъ, который, съ удаленіемъ изъ него Михаила, былъ отданъ татарами суздальскимъ князьямъ [6]).

---

[1]) Сѣмоць, по словамъ Н. П. Барсова (стр. 194, 184, 164),—сел. Симаки, находящееся въ Заславскомъ у., къ сѣверовостоку отъ м. Полоннаго Новоградвол. у.; на картѣ »Семаки« лежатъ къ сѣверозападу отъ этого мѣстечка. Тоже названіе носятъ еще два селенія: »Симаки« въ Подольской губ., невдалекѣ отъ Хмѣльника, и »Семаки« въ Жит. уѣздѣ, къ сѣверу отъ Бердичева.

[2]) По мнѣнію Н. П. Барсова, едвали, впрочемъ, вѣрному, это—Райгородокъ, мѣст. Вол. губ., Жит. у., на дорогѣ изъ Бердичева въ Хмѣльникъ.

[3]) О послѣднихъ находимъ извѣстіе у Плано-Карпини. По его словамъ (»Собраніе путешествій къ Татарамъ«, Спб. 1825, стр. 10), Каневъ (villa Canona) зависѣлъ непосредственно отъ татаръ, равно какъ и другое какое-то селеніе (Плано-Карпини его не называетъ); они были управляемы начальниками, которые у Плано-Карпини названы praefecti.

[4]) Ип., 556.

[5]) Ibid., 555.

[6]) По словамъ Никоновской лѣтописи (III, 8), Батый, послѣ взятія Кіева, оставилъ въ немъ своего воеводу; это извѣстіе, вѣроятно, также несправедливо, какъ и то (ibid., 9), что онъ посадилъ своихъ воеводъ по другимъ городамъ югозападной Руси. По крайней мѣрѣ, послѣ татарскаго нашествія Михаилъ Черниговскій возвратился къ Кіеву и, повидимому, владѣлъ имъ, потому что, по словамъ галицковол. лѣт. (Ип., 524), онъ жилъ подъ нимъ на островѣ. Ближе къ истинѣ сказаніе Воскресенской лѣтоп. (II. с. р. л., VII, 153): въ моментъ на-

Такимъ образомъ, дѣло Романа не было вполнѣ возстановлено Даніиломъ, хотя послѣдній и называлъ себя, по словамъ Стрыйковскаго [1]), государемъ всей Руси; господство линіи Романовичей во всей юго-западной Руси и единеніе послѣдней длились одинъ только, такъ сказать, моментъ (передъ татарскимъ нашествіемъ). Къ тому именно времени относится сказанное въ Ипатскомъ спискѣ о Даніилѣ подъ 1250

паденія татаръ »инін затворишася во градѣхъ: то тѣ со слезами и покаяніемъ Богу молящуся, ти тако отъ поганыхъ немилостиво избіены быша, а иже крыяхуся въ пещерахъ, и въ горахъ и въ лѣсахъ, мало тѣхъ остася, тѣхъ же не по колицѣхъ временехъ оставиша во градѣ, сочташа а въ число, и нача на нихъ дань имати«... Жизнь въ разоренномъ Кіевѣ не могла показаться пріятною Михаилу, и онъ »много плакавъ и слезы испустивъ, иде въ Черниговъ на великое княженіе« (Ник. III, 20). Это случилось, вѣроятно, вскорѣ послѣ его прибытія въ Кіевъ. Въ 1246 г. (доказательство этой даты см. ниже, въ III гл.) въ Кіевѣ сидѣлъ подъ татарскимъ надзоромъ намѣстникъ Ярослава Всеволодовича (Всеволодовичемъ называетъ Ярослава и Густынская лѣтопись: П. с. р. л., II, 341) Дмитро Еиковичъ (Ип., 535), и его-то, вѣроятно, исказивши его имя, Плано-Карпини называетъ Монгротомъ (стр. 214 »Собр. пут. къ тат.«, гдѣ говорится, что Монгротъ »avec tous les siens *au païs de Corrensa*)«; Кіевъ достался Ярославу, думаемъ, въ 1243 г., когда онъ былъ утвержденъ Батыемъ въ старѣйшинствѣ [Ник. III, 18; Густ. лѣт., описывая путешествіе въ орду Михаила Черниговскаго, называетъ его также »Кіевскимъ« П. с. р. л., II, 342]. И. И. Шараневичъ предполагаетъ, что упоминаемый галицко-вол. лѣт. Ярославовъ намѣстникъ былъ посаженъ не Ярославомъ Суздальскимъ, а Ярославомъ Ингваревичемъ (»Исторія«, 92—93, 104, 120); но, еслибы Кіевъ принадлежалъ Ярославу Ингваревичу, то онъ самъ бы въ немъ сидѣлъ: Ярославъ Ингвар. принадлежалъ къ числу второстепенныхъ князей и не имѣлъ хорошаго удѣла; притомъ въ нашу пользу говоритъ слѣдующее извѣстіе. Въ 1249 г. *Батый* отдалъ Кіевъ и всю русскую землю Александру Невскому, а Владиміръ на Клязьмѣ его брату [Ник. III, 31. Татищ. (IV, 22) прибавляетъ: »по завѣту отца ихъ«. Соображенія о послѣдней фразѣ см. въ »Исторіи« С. М. Соловьева III, 191—192 (по изд. 1862)]. Александръ хотѣлъ было отправиться въ свое новое княжество, но новгородцы отсовѣтовали ему (Тат., IV, 22). Затѣмъ до конца XIII стол. извѣстія о Кіевѣ крайне скудны. Говоря подъ 1263 г. о смерти Александра Невскаго, Густынская лѣтопись называетъ его, между прочимъ, кіевскимъ княземъ (П. с. р. л., II, 343), а подъ 1271 г. она такъ называетъ Ярослава Ярославича (ibid., 344). Потомъ Кіевъ нѣсколько разъ упоминается только какъ резиденція митрополитовъ (см., напр., Ник., III, 58).

[1]) I, 286.

г., что онъ »былъ великъ, обладалъ Русскою землею, Кіевомъ и Володимеромъ и Галичемъ, со братомъ сыновѣми странами [1]«. Романовичи принуждены были довольствоваться Галичемъ и Волынью, какъ главными своими владѣніями. Къ этому основному ядру притягивались и вокругъ него группировались по сѣвернымъ и восточнымъ окраинамъ и другія земли, но вообще внѣ этихъ двухъ составныхъ частей границы нерѣдко мѣнялись.

Оставались неизмѣнными только югозападные и западные рубежи.

Здѣсь при Даніилѣ Русь соприкасалась съ Венгріею и Польшею, какъ и прежде, въ слѣдующихъ пунктахъ.

Съ Венгріею она граничила на всемъ протяженіи по Карпатскимъ горамъ [2]), которыя назывались или просто *Горою* [3]), или горами *Угорскими* [4]), или горами *Кавкасійскими* [5]); нѣкоторыя ихъ части носили отдѣльныя названія; такъ, для одной изъ нихъ находимъ прозвище *Борсуковъ дѣлъ* [6]). Русскія поселенія находились въ самыхъ горахъ [7]).

---

[1]) Ип., 536. И. И. Шараневичъ думаетъ, что Даніилъ владѣлъ всѣми этими землями и во время путешествія въ орду; но въ лѣтописи говорится о прошедшемъ времени: »Данилови Романовичю князю *бывшу* велику, *обладавшу* (а не »обладающу«) Русскою землею... странами: *нынѣ* сѣдить на колѣну и холопомъ называеться«... Ип., 536.

[2]) Слова Богуфала (Соммерсберга, II, 27): »Cui [i. e. Boleslao] Salomon, Rex Hungarorum, cum suo exercitu *in montanis* Russie et Hungarie ad suum Regnum volens prohibere ingressum, occurrit«; Болеславъ шелъ изъ Россіи.

[3]) Ип., 282, 300, 373, 495, 518.

[4]) П. с. р. л., I, 2, 10—вар. V, 60. Ип., 499, 507.

[5]) П. с. р. л. I, 2; Ип., 499. Интересныя соображенія объ этомъ названіи см. въ »Kritische Blicke in die Geschichte der Karpaten Völker im Alterthum und im Mittelalter von Dr. Isidor Szaraniewicz« (Lemberg, 1871).

[6]) Ип., 518; теперь—*Borszek*: М. П. Погодина »Изслѣд.«, IV, 206. Дѣлъ—раздѣлъ; см. 13-ю стр. книги И. И. Барсова.

[7]) Позднѣйшее извѣстіе называетъ слѣдующіе города въ Карпатскихъ горахъ: Корочюновъ камень, Сочаву, Сереть, Баню, Нечюнь (П. с. р. л. VII, 240).—Близъ источниковъ Прута, недалеко отъ Черной горы, читаемъ урочище, называемое Городкомъ и т. п. »Изслѣдованіе на поли Отечественной географіи и исторіи Д-ра Ісидора Шараневича«. Львовъ, 1869. Стр. 80.—Здѣсь едвали слѣдуетъ пользоваться выраженіемъ »Сл. о п. Иг.« объ Ярославѣ Осмомыслѣ: »подперъ горы Угорьскыя своими желѣзными плъки«; по смыслу этой фразы, русскіе не проникали въ горы.

Въ горныхъ ущеліяхъ нерѣдко основывались монастыри; туда по преимуществу стремились благочестивые люди, потому что могли тамъ наслаждаться уединеніемъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Намъ извѣстно три такихъ монастыря: Лелесовь [1]), Спиеводскій [2]) и Полонинскій [3]). Горы были покрыты большими лѣсами [4]). Было немало проходовъ [5]).

У истоковъ Розы въ Карпатскихъ горахъ начиналась граница Руси съ Польшею. Здѣсь она была съ древнѣйшихъ временъ [6]); тутъ же, по не подлежащему никакому сомнѣнію историческому свидѣтельству, она находилась и нѣсколько позже Даніила [7]); не можемъ не думать, что

---

[1]) Ип., 487. Лелуховъ? см. »Изслѣд.« Шараневича, стр. 72.

[2]) Ип., 523. Спиноводскъ—при впаденіи р. Опора въ Стрый. »Изслѣд.« Шараневича, 72. Сл. »Гал. ист сборникъ«, вып. I (Львовъ, 1854), стр. 82—83, прим. 24.

[3]) Полонинами и теперь наз часть горнаго Карпатскаго хребта въ Галичинѣ. О монастыряхъ въ горахъ и вообще о слѣдахъ поселеній см. въ »Изслѣд.« Шараневича, 72—73.

[4]) Швандтнера »Scriptores rerum Hungaricarum«, I. M Rogerius de destruct. Hung. per Tartaros, cap. XX: »Rex Cadan - - *per silvas* iter trium dierum habens, pervenit ad civitem Rodanum«... Анонимъ нотарій Белы (ibid), писавшій въ XIII стол. о проходѣ Венгровъ въ Паннонію чрезъ Владимірскую и Галицкую землю на основаніи современнаго ему положенія послѣднихъ странъ (такъ смотрятъ на его сказаніе всѣ почти ученые) упоминаетъ о *silua Hoios*, находившемся въ горахъ съ русской стороны; для того, чтобы Венгры могли пройти чрезъ этотъ лѣсъ, Галицкій князь »duo millia sagittariorum et tria millia rusticorum anteire precepit, qui eis - - viam praepararent«.

[5]) О нихъ см. »Изслѣд.« Шараневича, 72—73, гдѣ указано ихъ до шести. Важнѣйшіе проходы были укрѣплены какъ съ русской стороны, такъ и съ венгерской (ibid., 75—77, 49).

[6]) Съ начала XI стол. См. Anonymi gesta Hungarorum. Сл. выдержку изъ Vita S. Stephani въ »Geschichte Polens von Dr. Richard Roepell«, I-ter Th. (Hamburg, 1840), V-te Beilage, S. 653; ст. также str. XXII—XXIII прим. къ I-му т. соч. Казиміра Стадницкаго »Synowie Gedymina« (Lwów, 1849). Тутъ-то, вѣроятно, сосѣдилъ Владиміръ Св. съ Чехами. О немъ говорится: »и бѣ жива *съ князи околчими* миромъ, съ Болеславомъ Лядьскымъ, и съ Стефаномъ Угрьскымъ, *и съ Андрихомъ Чешьскымъ*, и бѣ миръ межю ими и любы« (П. с. р. л., I, 54). Границы Чехіи въ самое цвѣтущее ея время доходили до Татръ. Monum. Pol. hist., I, str. 856.

[7]) При его сынѣ Львѣ Длугошъ говоритъ (lib. I, col. 35): »*Bieszczad*, mons prope castrum *Sobiense* terras *Polonicales a Pannonicis* disterminans. In illius enim vertice situatus est lapis *Ruthenicis* inscriptus

она имѣла тамъ мѣсто и въ самое цвѣтущее время югозападной Руси, т. е. при Даніилѣ. Нѣкоторыя названія тамошнихъ мѣстностей также наводятъ на то, что тамъ была постоянно граница [1]). При Даніилѣ упоминается въ тѣхъ краяхъ г. Теличъ [2]), но безъ прямаго обозначенія, кому онъ принадлежалъ [3]); по нашему мнѣнію, больше основаній предполагать, что онъ составлялъ достояніе русскихъ. Тамъ же былъ, кажется, только нѣсколько южнѣе, Делесовъ монастырь [4]). И въ настоящее время въ тѣхъ мѣстностяхъ живетъ русское племя [5]), искони населявшее тѣ страны [6]). Передовыя поселенія его на западѣ доходятъ даже до р. Дунайца [7]) и отстоятъ въ 10 всего миляхъ отъ Кракова [8]);

---

litteris, et à Leone quondam duce *Russiae* locatus limites Regnorum *Poloniae et Hungariae* demonstrans». Названіе Бескидъ прилагается въ Карпатскихъ горахъ ко многимъ мѣстностямъ. См. »Изслѣд.« Шараневича, 7, прим. 4. Здѣсь же Длугошъ разумѣлъ Бескидъ указаннаго нами выше мѣста. Мы находимъ »Sobniow« ниже »Jasło« (см карту, прилож. къ »Изсл.« Шараневича). Подобныя названія въ др. мѣстностяхъ см. у И. П. Шараневича на стр. 91 (онъ, впрочемъ, пишетъ »castrum Sobiense« Длугоша на основаніи словъ послѣдняго, слѣдующихъ непосредственно за приведеннымъ мѣстомъ, у источниковъ Сяна и Днѣстра; см. стр. 82; у Длугоша говорится вотъ что: »Ex hoc monte (т. е. Bieszczad, et ad ejus verticem bi fluvii insignes et memorabiles, orti consurgunt, videlicet *Dniestr*, *San*, *Styr*, *et Cissa*, et in subiectas regiones, videlicet *Poloniam*, *Russiam* et *Pannoniam*, diverso itinere ex ipsa montis summitate decurrentes franguntur»). На западъ отъ Petny находимъ Przysłup (Шараневича »Изслѣд.«, 90).

[1]) »Изслѣд.« Шараневича, 90.

[2]) Теперь—Тыличъ, село въ Сандецкихъ горахъ. »Исторія« Шараневича, 102, прим. 59.

[3]) Ип., 566.

[4]) См. »Изслѣд.« Шараневича, 72. Если такъ, то возлѣ Теличя пролегалъ одинъ изъ самыхъ употребительныхъ въ то время путей изъ Руси въ Венгрію: въ 1213 г. возлѣ Делесова монастыря проходилъ венгерскій король (Ип., 487); въ 1240 г. тою дорогою шелъ въ Польшу Даніилъ (Ип., 523), а въ 1260-хъ годахъ мы видимъ его на томъ пути отправляющимся въ Венгрію (Ип., 566). По словамъ Анон. Нотарія, тою дорогою шли Венгры.

[5]) »Gränze zwischen der russinischen und polnischen Nation in Galizien. Von D. Zubrzycki. Lemberg, 1849«, S. 23—24.

[6]) Ibid., 26—39.

[7]) Ibid., 23. См. также ст. »Русины-Лемки« въ »Зорѣ Галицкой« 1860.

[8]) Ibid., 25. Герберштейнъ (»Записки о Московіи«, перев. Анопимова, Спб. 1866, стр. 8) говоритъ: »Руссія граничитъ съ сармат-

по отодвигать туда границы юго-западной Руси при Данилѣ мы не имѣемъ основаній и думаемъ вмѣстѣ съ Д. И. Зубрицкимъ [1]), что жители этихъ странъ спокойно признавали власть краковскихъ князей [2]). Съ окончаніемъ р. Роны, русская граница шла по лѣвую сторону Вислока [3]), въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—по р. Вислокѣ [4]). Отъ нижняго те-

---

скими горами недалеко отъ Кракова«. Такъ было и въ XVII в.; см. показаніе Красинскаго (»Gränzen« 18, Anm. c). И при Мечиславѣ I (970—990) простирались »fines Russiae usq. in Cracoa«; ib., 21. Приведемъ еще слова Длугоша о Тынцѣ, весьма сюда подходящія: »Pulchrum patriae c'enodium et fortis contra hostias insidias munimen, locus vetustus, et in quo etiam in prioribus aetatibus, propter eminentiam collis, nusquam arx deerat«.

[1]) Ibid., 28. Безпристрастный польскій историкъ г. Стадницкій (»Syn. Geo.«, I, przyp. 97, str. XXIII) говоритъ: »Po dziś dzień zaś osady rusko-polskie rozciągają się wzdłuż Karpat aż po nad rzekę Poprad, której przeciwne brzegi zajęte są przez ich pobratymców węgierskich Rusinów. Dopóki więc dowiedzionem nie będzie współczesnemi dokumentami, że te osady rusko-polskie (sic) jeszcze przed zaborem Kazimierza wielkiego do Polski należały, przyjąć wypada, iż stanowiły część ziemi sanockiej, a przez to samo Rusi czerwonej, przez tegoż króla zawojowanej«.

[2]) Не мѣшаетъ вспомнить при опредѣленіи русскихъ границъ въ тѣхъ мѣстахъ, что Володарь былъ захваченъ въ плѣнъ, по словамъ Длугоша (lib. IV, col. 418) подъ *Wissokie*, а Владимірко простиралъ свои набѣги »usque versus *Biecz*« (ibid., col. 423).

[3]) Дер. Роги, находящаяся въ разстояніи одной мили отъ Вислока, по лѣвую его сторону, и лежащая неподалеку отъ Кросно, въ грамотѣ Казиміра В., выданной въ 1348 г., называется состоящею »in terra Russiae«. »Gränzen«, S. 6—7. См. тамъ же (S. 15) еще документъ 1434 г.—Длугошъ (ad a. 1126, col. 425) говоритъ о Владиміркѣ и Ростиславѣ Володаревичахъ: » ...collecto autem qualicunque exercitu, illum (Duces soli ire parum ausi) ad vastandum Poloniam transmittunt. *Qui* et ipse pavore perculsus, *vix fines Poloniae attingens*, aliquot *villis circa Wisloka* (обращаемъ вниманіе на то, что упоминается не Вислокъ, а Вислока) *crematis*, redit.

[4]) »Наслѣдіе« Шараневича, 90, прим. 88: »Осады: Słup'ec на полночь отъ Pilzna надъ Вислокою, Słupiec Wielki i Mały коло Dąbrowy, Słupia коло Limanowa, Słup Maziarza коло Nisła i Jeżowa, Столпы заразъ за границею, все то въ тѣхъ сторонахъ Надвисляскихъ, где два словянскіи народы стикалися«.—Польскіе историки, за исключеніемъ г. Стадницкаго, напротивъ, отодвигаютъ границы на востокъ. Не то мы видимъ въ польскихъ сочиненіяхъ прежнихъ вѣковъ, когда писали безъ задней мысли. Д. И. Зубрицкій приводитъ изъ нихъ нѣсколько такихъ мѣстъ. Прибавимъ отъ себя пропущенныя имъ слова Бѣльскаго, жившаго еще въ XVI в. (Зубрицкій выбралъ слова писателей XVII в.),

ченія послѣдней [1]) граница тянулась, по всей вѣроятности, поперечною (отъ запада къ востоку) линіею до р. Вислока [2]), можетъ быть,—до того мѣста, гдѣ при немъ находится Ruska wieś [3]), затѣмъ поднималась по Вислоку до впаденія его въ Сянъ [4]). Русскія земли этихъ мѣстностей, расположенныя по плоской возвышенности, прилегавшей къ Карпатскимъ горамъ, носили названіе Горной страны и Подгорья [5]); также

который говоритъ о своихъ предкахъ: »na on czas będą w posrzodku nieprzyiaciół, w ciasnym mieyscu, jako w ogrodku zamknieni, oganiali się w małym poczcie wielom nieprzyiaciół możnym, i zdobywali pod nimi wiele krain żyznych, zwłaszcza Ruskich, Pruskich, y innych: bo *na ten czas tylko samey Polski było od rzeki Odry aż do Wisłoka:* od wschodu słońca Rusacy szeroko panowali, od zachodu Niemcy, na północy Mazowsze z Prusy«. »Zbiór pisarzow polskich, cz. IV. T. XI. Kronika Polska M. Bielskiego«. Warsz. 1829. Посвященіе Сигизмунду III, str. XIII. Здѣсь граница указывается все-таки ближе къ истинѣ, чѣмъ въ теперешнихъ сочиненіяхъ. Какъ вообще мала была польская территорія въ разсматриваемое нами время, видно изъ слѣдующихъ выраженій письма Краковскаго еп. Матѳея къ Бернарду Клервосскому (1143 или 1144 г.): »Gens illa Ruthenica multitudine innumerabili seu sideribus adaequata... Nec modo in Ruthenia, quae quasi est alter orbis« ...

[1]) Сл. слѣдующія слова Д. И. Зубрицкаго: »...der Fluss Wisłoka, von seinen Quellen angefangen, wenn nicht bis zur Mündung in die Weichsel, so doch wenigstens bis zur Gegend der Stadt Brzostek die natürliche Gränze zwischen dem halizisch—russinischen Königreiche einerseits, und dem Herzogthume Krakau und Sandomir, oder dem später so genannten klein-Polen andererseits bildete« (Gränzen, S. 22).

[2]) Въ грамотѣ 1354 г. Казиміръ В. даетъ Іоанну Пакославу *opidum Rzeschouiense cum suo toto districtu, in terra Russiae situm*, secundum quod *antiquitus per* Serenissimos *duces Russie extitit limitatum* (изъ послѣдующихъ словъ видно, что эта земля была завоевана только Казиміромъ; именно) *quibus* divina clemencia legitimus *successor extitimus et eiusdem terre* Russie dominus principalis, cum omni jure et pleno dominio prout *soli jus nacti sumus*«.... См. также обозначеніе границъ даннаго участка въ той грамотѣ: villa Dambrowa (Г. Стадницкій въ »Syn. Ged.«, I, przyp 97, str. XXII говоритъ: »według tych słów była to Dąbrowa dziś przyległość dóbr Wrzawa, nad ujściem Sanu do Wisły w rzeszowskim obwodzie«) называется принадлежащею къ Сандомирской землѣ; Лежайскъ былъ пограничнымъ русскимъ городомъ. Русскіе живутъ тамъ и теперь (»Gränzen«, S. 10—12).

[3]) См. карту, приложенную къ »Изслѣдованію« Шараневича.

[4]) Переворскъ, лежащій къ востоку отъ Вислока, подъ 1281 г. упоминается въ Ип. сп. (стр. 522), какъ принадлежащій Льву.—Также въ актахъ XV-го стол. онъ является городомъ русскаго воеводства.

[5]) Ип., 525 и 516.

назывались смежныя польскія земли [1]. Отъ впаденія Висюка въ Сянъ [2]) граница тянулась полями къ Вепрю мимо какихъ-то »Воротъ [3])«, Щекарева, Сутѣйска [4]) и Терпава [5]) и на нѣкоторомъ разстояніи шла по теченію этой рѣки [6]). Извѣстны изъ лѣтописи слѣдующія пограничныя мѣстности Руси съ этой стороны: Грабовецъ [7]), Орельскъ [8]), Грубешовъ [9]), Верещинъ [10]), Ухани [11]), Комовь [12]), Холмъ, Столпье, Угровескъ [13]),

---

[1]) Ип. подъ 1244 (стр 529): »самъ Данило воева .. дворьскый ке Ондрѣй по Сяну, а Вышата воева *Подгорье*«.

[2]) Нижнее теченіе Сяна принадлежало Полякамъ: въ 1244 г. по Ипатскому списку (стр. 529) Даніиловы войска опустошали его побережья (см. пред. прим.).

[3]) Ип , 572.—Соображенія о мѣстѣ ихъ нахожденія см. въ »Изсл.« Пареневича (стр. 77); по всей вѣроятности, лѣтописныя »Ворота« нужно искать на мѣстѣ нынѣшняго поселенія »Worotny«.

[4]) Ип., 492 и 585.—По словамъ соч. »Starożytna polska« (przez F. Bahńskiego i T. Lipinskiego, t. II, Warsz. 1845, str. 783), повторенным у Д. И. Зубрицкаго (»Исторія«, III, стр. 78), Щекаревь былъ близъ нынѣшняго г. Красностава, надъ Вепремъ. Можетъ быть, онъ находился за Вепремъ. См. »Гал. ист. сборн.«, II, 131.—О Сутѣйскѣ см. П. с. р. л., I, 103 и 115.

[5]) Ип., 567 и 571.—Терпавъ не теперешнее-ли мѣстечко Терпо въ окрестностяхъ Белза? см. »Русскій ист. сб.«, VII, 310. Ср. 196-ю стр. книги Барсова.

[6]) По словамъ Д. И. Зубрицкаго (»Исторія«, III, пр. 76), упоминаемая въ Ип. сп. подъ 1225 г. Лысая гора (стр. 498)—теперешній Тарногора надъ р. Вепремъ. Цѣлый рядъ Лысыхъ Горъ приведенъ Одаковскимъ въ »Русск. ист. сборн.« VII, 237—238 У Длугоша читаемъ: »Łysa góra, mons altus civitati Leopoli imminens in terra Russiae, quo arx est magna et regia, quae alta consuevit appellari, sita est.«—теперь названъ пограничною русскою рѣкою и въ сочиненіяхъ Старовольскаго и Цеглярія (»Gränzen«, S. 17 und 21). Опроверженіе мнѣнія томъ, что во время Болеслава Храбраго границею между Польшею и Русью служила р. Бугъ, см. въ »Gesch. Pol.« Репелія (5-te Beilage, 651—652).

[7]) Ип., 572.

[8]) Ibid., 482.—Опредѣленіе положенія его см. въ »Изслѣд.« М. И. Богодина (IV, 197).

[9]) Ип., 550.

[10]) Ibid., 483 и 490.

[11]) Ibid., 483.

[12]) Ibid., 483 и 490.

[13]) Ibid.—Бѣлый не принадлежалъ русскимъ (Ип., 529 и 571); неизвѣстно, на какомъ основаніи П. И. Барсовъ (стр. 21) считаетъ его русскимъ городомъ.

Владава [1]). Полоса между Бугомъ и Вепремъ называлась Украиною [2]). Впрочемъ, и за Вепремъ живо родственное намъ населеніе, исповѣдывавшее по мѣстамъ православіе, которое уцѣлѣло тамъ съ древнѣйшихъ временъ [3]). Нѣкоторые, основываясь на польскихъ историкахъ, полагаютъ, что при Даніилѣ русскія владѣнія перешагнули за Вепрь, именно былъ взятъ Люблинъ, но это—басня [4]). Въ одномъ мѣстѣ Русь граничила съ Краковскою областію возлѣ Лукова [5]). Сѣверпѣе перечисленныхъ

---

[1]) Ип., 528.

[2]) Ibid., 490 и 586.

[3]) См. »Критико-истор. пов.« Д. И. Зубрицкаго, стр. 55—61 (прим. 35), и его же »Gränzen«, S 18—20, Anm. c. См. также »Науч. сборн., изд. лит. общ. Галицко-русской Матицы« 1865, вып. IV, стр. 269, тотъ же сборникъ за 1866 г., вып. III и IV [ст. А. С. Петрушевича: »Краткое извѣстіе о Холмской епархіи и святителяхъ ея«] и Холмскій мѣсяцесловъ 1866 [ст. архим. Амвросія: »Начало и распространеніе Христовой вѣры въ предѣлахъ нынѣшняго царства польскаго«]. Укажемъ тутъ читателю на то, что, когда Поляки вскорѣ послѣ смерти Даніила отправились воевать Холмскую землю, »не взяша ничто же, избѣгли бо ся бяхуть в городъ, зане *вѣсть бяхуть подали имъ Ляхове украинянъ*« (Ип., 571).

[4]) Обстоятельный разборъ этого извѣстія желающіе могутъ найти въ сочиненіи г. Стадницкаго »Syn. Ged.«, t. II (Dodatki, nota 13, str. 219—224). Съ своей стороны прибавимъ, что не только наша лѣтопись, но и польскіе анналы, упоминающіе подъ 1244 г. (въ нѣкоторыхъ это извѣстіе помѣщено подъ 1243) объ опустошеніи русскими Люблинской земли, не говорятъ о взятіи Люблина [Pertz, XIX, pp. 598, 634—635 (гдѣ вм. »Rutheni« поставлено »Prutheni«), 666]. Какъ же можно объяснить разсказъ Длугоша? Не передалъ ли онъ по своему слѣд. слова одной лѣтописи (Pertz, XIX, Annales s. Crucis Polonici, p. 681): »1243 Rutini per diversos insultus Lublin et totum territorium devastant et succendunt et *castrum* pro se *edificare ceperunt* (значитъ, не выстроили вполнѣ, только *ceperunt?*) et turrim muratam fecerunt«. Въ той же лѣтописи подъ 1253 г. читаемъ: »....Boleslaus dux Cracoviensis filius Leskonis condam (вѣр., quondam) ducis Cracoviensis post mortem Henrici patrui sui ducatum ex integro obtinuit et Lublin a Rutinis rehabuit«. Люблинскій кастелланъ упоминается въ актахъ подъ 1252 г. Roepell »Gesch. Polens«, 527, Anm. 79. Стрыйковскій упоминаетъ о занятіи русскими Люблина подъ 1255 г. (I, 292). О времени дѣйствительнаго занятія Люблина, кромѣ г. Стадницкаго, говоритъ И. И. Шараневичъ (»Исторія«, 119 и 122; »Изслѣд.«, 69). Въ XIV стол. Люблинъ въ теченіе долгаго времени былъ польскимъ пограничнымъ городомъ со стороны Литвы. Еще въ 1602 г. въ немъ была таможня для русскихъ.

[5]) См. папскія буллы о Луковѣ въ »Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae, deprompta ab A. Theiner«, t. I (Romae 1860), №№ CXIX

ми упоминаемыхъ въ лѣтописи пунктовъ Руси принадлежало с. Воинъ, ходящееся недалеко отъ устья Тисмяницы въ Вепрь [1]), потомъ Андѣевъ [2]). Изъ области Вепря граница поворачивала на востокъ и лизи Берестья приходила къ Бугу [3]), по которому поднималась вверхъ. рестье и Дорогичинъ упоминаются нерѣдко, какъ пограничные года. Послѣдній мы можемъ разсматривать, какъ самый крайній сѣвезападный пунктъ Даніиловыхъ владѣній [4]).

Округъ Дорогичина простирался до Нура [5]). За Нуромъ жили вяги, отъ которыхъ Русь отдѣлялась болотами [6]). Во времена Романа

LIII. Луковъ—мѣст. въ 7 миляхъ отъ Люблина. Ср. »Staroż. pol ska« II, str. 1159—1161.

[1]) Ип., 586.—»Исторія« Шараневича, стр. 102.

[2]) По словамъ Н. П. Барсова (стр. 2), это—Андреево, м. Плоцкой б. близь границы съ Августовскою.

[3]) Ип., 586: »Ляховѣ воеваша у Берестья по Кроснѣ, и взяша ь десять и поидоша назадъ«.

[4]) Возвращаясь изъ Польши, Даніилъ пришелъ прежде всего къ рогичину. (Ип., 524). Изъ Дорогичина, какъ изъ пограничнаго года, предпринималъ онъ походы на Ятвяговъ (ibid., 538 и 549). Идя земли Ятвяговъ, татары проходили мимо Дорогичина (Ип., 561). тва ходила воевать Польшу мимо того-же города (ibid., 571).—Пока рогичинъ не былъ отнятъ Даніиломъ у Нѣмцевъ, такимъ пограничмъ городомъ было Берестье: »остависта же в Берестии Володимера ньского, и Угровьчаны и Берестьяны, стеречи землѣ отъ Ятьвязь« , 503); »веснѣ же бывши, поидоста на Ятвезѣ и приидоста Берестью; камъ наводнившимся, и не возмогоста ити на Ятвязѣ«.—По мнѣнію которыхъ (см. »Учебный атласъ по русской исторіи« Е. Е. Замыовскаго (2-е изд. Спб. 1869), Руси принадлежала и Визна, находивяся при сліяніи Бобра съ Наревомъ (»Матеріалы« Барсова, стр. 30) уступленная Руси Полянами въ 1145 г. (Ип., 227). Но это несправдливо: Русскіе владѣли ею недолго. Въ лѣтописи читаемъ: »приде аніилъ) ко Визьнѣ *и прейде рѣку Наровь*, и многи крестьяны отъ енения избависта.... *и придоста со славою на землю свою*«... (Ип., 0); изъ этого мѣста видимъ, что въ Визнѣ Даніилъ находился не своей еще землѣ. М. П. Погодинъ также признаетъ Нуръ пограинымъ пунктомъ (»Изслѣд.«, IV, 214).

[5]) См. цитиров. нами выше грамоту Конрада 1237 г.

[6]) Ип., 538: »и преидоша болота и наидоша на страну ихъ«.—ѣсь мы укажемъ на требующій разъясненія разсказъ Дюсбурга объ дѣ до прихода Нѣмецкаго ордена въ Пруссію русскими въ теченіе яти лѣтъ одного замка Скаловитовъ (Dusburg. Jena MDCXXIX). Въ зи съ этимъ обратимъ вниманіе на извѣстіе западныхъ лѣтописей . »Skarbiec«, str. 36) о томъ, что Брунонъ, отправившійся пропо-

русскія поселенія находились далеко сѣвернѣе [1]) и доходили до Райгорода [2]), но потомъ эти земли опустѣли.

Гдѣ граничила югозападная Русь съ собственною Литвою, мы увидимъ ниже.—За Литвою къ территоріи югозападной Руси примыкала область Пинскихъ князей.

Какъ далеко простирались владѣнія Даніила, въ послѣднее время его жизни, на востокѣ и югѣ?

Неизвѣстно, удержалъ-ли онъ за собою земли, завоеванныя на восточной окраинѣ между 1254 и 1258 годами [3]). Во всякомъ случаѣ, границы Даніилова княжества съ этой стороны не доходили до Овруча, не переходили за Тетеревъ, не спускались ниже верховьевъ Бога. Самымъ крайнимъ пунктомъ съ этой стороны въ лѣтописи является Межибожье [4]).

По Днѣстру Даніилова область доходила до Каліуса [5]). Западнѣе

вѣдывать къ Пруссамъ въ началѣ XI в., былъ убитъ на границахъ Руси и Литвы. Мы не знаемъ, гдѣ тогда Русь граничила съ Пруссіею. Дюсбургъ подъ 1326 г. (стр. 68) также говоритъ что Пруссія граничила, между прочимъ, съ Россіею.—Приведемъ здѣсь еще найденныя нами въ одной Богемской хроникѣ (Chronicon Bohemiae Auctore Neplachone Abbate Opatoviense во II-мъ т. Пеца, col. 1031) слѣдующія слова: »Anno Domini MCCXX. Poloni a Prutenis et a *Rutenis* occisi, et a fossoribus aur. mactati miserabiliter interierunt«; дѣло идетъ, вѣроятно, о русскихъ, жившихъ на южной границѣ Польши.

[1]) Владиміръ Васильковичъ »нача собѣ думати, абы кде за Берестьемъ поставити городъ.... нача искати мѣста подобна, абы кдѣ поставить городъ. Си же земля опустѣла по 80 лѣтѣхъ по Романѣ.... и посла Володимеръ съ тозѣмьци в челнохъ, возверхъ рѣкы Лосны, абы кдѣ изнай и таково мѣсто городъ поставити«... (Ип., 577—578).

[2]) »... Данило король повелѣ воевати землю Ятвяжьскую, и домъ Стѣкинтовъ весь погубленъ бысть, еже и донынѣ пусто стоять. Данилъ же королеви идущу ему по езеру, и видѣ при берегѣ гору красну и градъ бывшій на ней преже, именемь Рай; оттуда же приде въ домъ свой« (Ип., 549). По словамъ Н. П. Барсова (стр. 172), это—Райгородъ м. въ окрестности Бѣлостока, надъ озеромъ того же имени, иначе называемомъ Лыкъ (Łyk).

[3]) Очень можетъ быть, что онѣ остались за нимъ. Подъ 1229 г. въ галицко-вол. лѣт. читаемъ: »Мьстиславъ вборзѣ посла гонцѣ и Юрьѣ князи Пороскомъ, веля воротити и назадъ, послалъ бо бяшетъ возводить Татаръ на сыновця своего; тогда бо *Юрьи Пороский* служаше Мьстиславу, а первое *служилъ Володимиру*« (Ип., 612).

[4]) Ип., 555.

[5]) Каліусъ — м. Калюсъ Подольской губ., Ушицкаго уѣзда (Зубриц

южная граница шла, по всей вѣроятности, по верхнему теченію Прута и по Черемошу. Коломыя [1]), Онутъ [2]) и Бакота [3]) —самые южные изъ городовъ, упоминаемыхъ въ лѣтописи.

Въ прежнее время земли, лежавшія къ югу отъ проведенной нами черты [4]),—вплоть до Дуная, находились въ большей или меньшей зависимости отъ галицкихъ князей [5]). Теперь онѣ были заняты татарами,

---

кій, »Исторія др. Гал. р кп.«, III, 139. Барсовъ, 86). Въ лѣтописи говорится: »Данилъ же хотя уставити землю, и ѣха до Бакоты и Калиуса« (Ип., 527).

[1]) Ип., 525.

[2]) Ип., 491. Онутъ находился на Днѣстрѣ у самой теперешней нашей границы. »Изслѣд.« М. П. Погодина, IV, 201.

[3]) См. Ип., 525 и 527; Ростиславъ и татары входили въ Даніиловы владѣнія у Бакоты (Ип., 526 и 549).

[4]) Собственно Галицкое княжество на югѣ простиралось (до татарскаго нашествія), быть можетъ, до истоковъ Молдавы. Рогерій (см. выше прим 4 на стр. 65) полагаетъ границу около этого мѣста Руси: »rex Cadan *inter Russiam et Comaniam* per silvas iter trium dierum habens, *pervenit ad divitem Rodanum*«... Вѣроятно, этимъ путемъ ходили и Галичане: »Ростиславъ бѣжа во Угры путемь, *имъ же идяше* на Боръсуковъ дѣлъ, и приде к бани рекомѣй Родна«... (Ип., 518). *Покутье* не переходило за Черемошъ; это также указываетъ на то, что тутъ оканчивалась галицкая земля (см. Рѣчь Шараневича: »Zaczątki słowiańskie i stoków Karpat«. We Lwowie 1870. Str. 5—8) Приведемъ, наконецъ, слова И. И. Шараневича: »Подобно и оныи названія осадъ русская Поляна, межи источниками Солинки а Чероки—и Рускій путь межи источниками Ляторчи и Любогорки—рускій дѣлъ межи Черемошемъ а Визомъ, Rous pe boul межи Молдавою а Сочавою свѣдчатъ, що Галицкая Русь стыкалася тамъ съ землями не рускими, або по крайней мѣрѣ съ землями, которыи до иного панства и народа принадлежали«.... Можно-бы допустить, говоритъ онъ въ др. мѣстѣ, что названіе Угорскихъ горъ Holica и Galacz на Угрѣ и на источникахъ Быстрицы, Визо и Черемоша произошло отъ того, что возлѣ нихъ пролегали пути, ведшіе къ Галичу и Галицкому княжеству (»Изслѣдованіе«, 78 и 79).—По лѣтописямъ (Ип., 341; П. с. р. л., IX, 167; I, 135; ср. Ип., 226), на южной окраинѣ Галицкаго княж. находились Ушица, Кучельминъ и Микулинъ. Греческіе писатели на границѣ его упоминаютъ какую-то гору Тенуормъ (см. ихъ извѣстія въ собраніи Стриттера: »Memoriae populorum olim ad Danubium, Pontum Euxinum, Paludem Maeotidem, Caucasum, mare Caspium et inde magis ad septentriones incolentium. T. I—IV. 1771—1779).

[5]) Есть немало отрывочныхъ указаній на эту зависимость. Уже въ извѣстной рѣчи Василька (П. с. р. л., I, 113) Дунайскіе Болгаре являются въ числѣ пограничныхъ народовъ. Въ одно время нынѣшняя

ходившими чрезъ эти земли на Константинополь и Болгарію [1]), и прямое сообщеніе съ югомъ прекратилось [2]), хотя происходили иногда сношенія съ Болгаріею [3]).

Румынія составляла даже одинъ изъ удѣловъ Галицкой земли, тянувшій къ Галичу [см. грамоту Иванка Ростиславича 1134 г., помѣщ. въ 1-мъ вып. »Наук. сб.« 1865; отвергать ея подлинность нѣтъ основаній: счисленіе лѣтъ отъ Рождества Христова, а не отъ сотворенія міра употреблялось, кажется, тогда въ юго-славянскихъ земляхъ. Содержаніе этого документа подтверждается и тѣмъ прозвищемъ »Берладника«, которое было дано Ивану Ростиславичу]. Но мы не думаемъ, чтобы эта зависимость была постоянною и полною. Во 1-хъ, въ лѣтописяхъ эти земли ни разу почти не являются театромъ какихъ-нибудь событій галицкаго княж., а вѣдь съ начала XIII в. у насъ есть очень подробная лѣтопись галицкой земли. Во 2-хъ, мы видимъ частые проходы чрезъ эти земли Половцевъ, отправлявшихся воевать съ Венгріею (Schwandtner, I, p. 116, 130, 131, 132, 133, 141: извѣстія Туроча; см. также p. 141), Болгарами и Греками (см. у Стриттера и въ нашихъ лѣтописяхъ); едвали-бы они могли такъ легко пробираться чрезъ эту область, еслибы она составляла полное достояніе галицкихъ князей: послѣдніе старались-бы не пропускать Половцевъ. Какъ страдали придунайскія земли отъ Половцевъ, видно изъ словъ, сказанныхъ въ 1190 г. Черными Клобуками: »се Половцѣ сеѣ зимы воюють ны часто, а не вѣдаемъ Подунайци ли есмъ что ли« (Ип., 451). Несомнѣнно однако, что преобладающимъ населеніемъ въ этой странѣ было русское, родственное жителямъ галицкаго княжества и оттуда прибывавшее, быть можетъ: въ XII в. въ придунайскихъ земляхъ извѣстенъ Малый Галичъ (теперь Галачъ), о которомъ упоминаетъ арабскій географъ Эдризи (См. ст. А. С. Петрушевича въ I-мъ вып. »Наук. сборн.« 1865 г., стр. 37 и 40). Древнѣйшее славянское населеніе этого края, извѣстное составителю первыхъ страницъ нашей начальной лѣтописи (П. с. р. л., I, 3 и 5; прибавимъ упоминаніе Ник. и Тв. лѣт. о какихъ-то »Дунаяхъ«) было вытѣснено напоромъ разныхъ кочевыхъ народовъ, изъ которыхъ Печенѣги проникали даже въ нынѣшнюю Галицію (»Наук. сборн.« 1865, I, 39; »Изслѣд.« Шараневича, стр. 91). Кіевская Русь, группировавшая вокругъ себя окрестныя племена, вслѣдствіе отдаленности этихъ земель, должна была мало заботиться о нихъ; гораздо важнѣе были онѣ для основавшагося галицкаго княжества. Чрезъ эти мѣстности издавна двигались разные народы, и потому, кромѣ русскихъ, здѣсь были, остатки и другихъ племенъ. Оттого-то, вѣроятно, эти страны названы Куманіею у Плано-Карпини [стр. 24: »Haec terra Comania... *a meridie habet* Alanos, Circassos, Gazaros, *Graeciam et Constantinopolin*, ac terram Iberorum, Cathos, Brutachios, qui dicuntur esse Judaei... *Ab occidente autem Hungariam habet atque Russiam*«], Рюбрюквиса [»Voyage en Tartarie« p. 9. c. 14. p. 50. c. 15 p. 51 въ la Relation des Voyage en Tartar, par Bergeron; онъ говоритъ о команіи сходно съ Плано-Карпини] и Роге

Жизнь югозападной Руси билась теперь, главнымъ образомъ, въ политическомъ организмѣ, заключенномъ въ очерченныхъ нами предѣлахъ. Приднѣпровье надолго сошло со сцены исторіи.

Исторія сосредоточенія югозападной Руси при Даніилѣ наглядно показываетъ, какъ далекъ еще былъ русскій народъ отъ идеи единой жизни. Съ половины XI в. наше отечество, послѣ кратковременнаго сліянія, распалось вновь на отдѣльныя *области*, иногда находившіяся, а иногда и не находившіяся въ предѣлахъ прежнихъ племенъ; въ каж-

---

рія (см. выше). Греческіе писатели упоминаютъ нерѣдко о кочевыхъ народахъ, жившихъ къ сѣверу отъ Дуная (см. у Стриттера). Одно изъ преданій упоминаетъ о Румунахъ, жившихъ здѣсь во время Батыева нашествія (»Записки одесскаго общества исторіи и древностей«, т. II, отд. 2-е и 3-е, Одесса 1850, стр. 811), а Киннамъ и Веніаминъ Тудельскій говорятъ о Влахахъ, обитавшихъ въ XII в. въ земляхъ, прилегавшихъ къ Черному морю (см. также Dlug., lib. III, col. 265). Народонаселеніе здѣсь носило на себѣ печать удальства (Берладники); можетъ быть, въ составѣ его было немало бѣглецовъ: Андрей Боголюбскій говорилъ одному князю: »а ты пойди въ Берладь, а въ Руськой земли не велю ти быти« (Ип., 390).—Есть основанія думать, что эти мѣстности были не особенно заселены. Въ 1144 г. Иванъ Ростиславичъ отъ Звенигорода »пробѣже сквозѣ полкъ къ Дунаю и оттуда полемъ прибѣже ко Всеволоду Кіеву«. (Ип., 226). Даніилъ и его спутники однажды »придоша в Онутъ и идоша в *поле*« (Ип., 491; подъ »полемъ« лѣтопись разумѣетъ обыкновенно степь); »Льстивому Ярославу рекшю къ бояромъ Галичькимъ: »яко идеть Мьстиславъ в поле, и хощеть вы предати тестеви своему Котяню на избитье« (Ип., 498); »шедшю же Ростиславу во поле«... (Ип., 517).—Замѣтимъ, что почтенный А. С. Петрушевичъ не оставилъ безъ изслѣдованія и вопроса о наддунайской Руси (см. его ст. »Радовецко-Черновецкая епархія и святители ея. Съ краткимъ очеркомъ Запрутской и Наддунайской Руси«, помѣщ. въ »Зорѣ Буковинской« 1870), но мы, къ сожалѣнію, не могли воспользоваться его трудомъ. Въ нашей литературѣ этого предмета касались И. Д. Бѣляевъ (см. ст. его, цитир. выше—во 2 прим. на стр. 55) и отчасти Д. И. Иловайскій (»О мнимомъ призваніи Варяговъ«. »Русскій Вѣстникъ« 1871, № 12). Трудъ перваго написанъ по русскимъ лишь извѣстіямъ, впрочемъ—далеко не по всѣмъ, при чемъ иногда допущены неправильныя толкованія лѣтописей.

[1]) Шарапевичъ, »Ист. гал.-вол. Руси«, стр. 140, прим. 75.

[2]) Отправлясь въ Грецію, митр. Кириллъ шелъ на Венгрію. Ип., 537.—Войшелкъ »просися ити во Святую Гору; и найде ему король путь у короля Угорьского, и не може дойти Святое Горы и воротися в Болгарѣхъ« ib., 551.

[3]) Карамзинъ, IV, пр. 144.

дой области были *города* и *пригороды;* раздѣленіе вытекало изъ стремленія областныхъ общинъ къ самобытности. Князья своимъ семейнымъ взглядомъ на русскую землю довершили ея раздробленіе, подѣливши каждую *область* на *множество мелкихъ княжествъ;* стремленіе къ самостоятельности развилось даже въ незначительныхъ городахъ. Да Данилу сопротивлялся даже какой-нибудь Черторыйскъ желая имѣть собственнаго князя. Мы встрѣтились потомъ съ цѣлымъ рядомъ городовъ, пытавшихся удержать самобытность. Вездѣ Даніила ожидало противодѣйствіе; только родовой его городъ Владиміръ Вол. всегда обнаруживалъ горячую преданность ему и ни разу не позволилъ себѣ сдѣлать что-нибудь неугодное своему князю. Нельзя не замѣтить также того, что тогда разшаталась нѣсколько связь съ Рюриковымъ домомъ: на галицкомъ престолѣ, при содѣйствіи бояръ, нѣсколько разъ сидѣли иностранцы; нѣкоторыя другія земли готовы были признать непосредственно—не черезъ князей—татарскую власть. Такимъ образомъ, сплоченіе югозападной Руси въ половинѣ XIII в. было дѣломъ *одного* князя, а не плодомъ народнаго къ тому расположенія, и осуществилось, благодаря необычайной энергіи, постепенности въ дѣйствіяхъ и умной осторожности его: онъ умѣлъ такъ устроять и группировать окружавшія его силы, что сопротивленіе никогда не могло довести до разрушенія его дѣло.

Въ указанныхъ нами предѣлахъ Романовичи пользовались исключительнымъ господствомъ. Несомнѣнно, что въ ихъ земляхъ продолжали существовать и другія княжескія линіи. Въ лѣтописи упоминаются: Владиміръ [1]) и Ярославъ [2]) Ингваревичи и Всеволодъ Александровичъ [3]). Но представители этихъ линій стали служебными князьями [4] другаго значенія и особенной силы не имѣли.

Полнаго политическаго объединенія разсмотрѣнное нами сосред

---

[1]) Ип., 506.
[2]) Ibid., 501 и 521.
[3]) Ibid., 529 и 533.
[4]) Это названіе встрѣчаемъ въ лѣтописи подъ 1258 (Ип., 556 И. И. Шараневичъ къ такимъ князьямъ причисляетъ упоминаемыхъ въ лѣтописи Василька и Мстислава Глѣбовичей, которыхъ считаетъ бѣжавшими Черниговскими князьями; причисляетъ къ нимъ также и кого то упоминаемаго въ Кременцѣ Андрея (Ип., 550), но послѣдн едвали основательно.—Мы видимъ служебныхъ князей еще въ 1229 (Владиміръ Пинскій. Ип., 503).

точеніе не принесло. Даніилъ работалъ не въ пользу единодержавія, а въ пользу *владычества одной семьи*. Князья, по прежнему, дѣлились землями. Даніилъ съ перваго же раза уступалъ брату часть пріобрѣтеній [1]). Они съ дѣтства привыкли къ мысли, что Галичъ долженъ былъ принадлежать Даніилу, а Владиміръ Василько [2]). Потомъ раздѣлъ земель Даніила происходитъ еще при его жизни [3]). Вообще до половины XIII столѣтія не было въ русскомъ мірѣ идеи о политическомъ единствѣ Руси [4]).

Несмотря на то, а) князья были ближайшими родственниками; для югозападной Руси въ этомъ отношеніи возвратилось начало удѣльно-вѣчеваго періода, когда князья всѣхъ почти земель были въ ближайшемъ родствѣ между собою; b) Русь Романовичей обособилась отъ остальныхъ областей. Отдѣленіе ея было замѣтно уже со времени паденія Кіева. Теперь оно дошло до конца вслѣдствіе географическаго уединенія югозападной Руси и чуждой остальному русскому міру политики двухъ ея князей, которая навсегда столкнула ее съ дороги остальной Руси. Связь югозападной Руси съ послѣднею проявлялась теперь только въ брачныхъ союзахъ князей [5]). Всѣ части области Ро-

---

[1]) Ип., 501: »братъ же да Василкови Луческъ и Пересопницю, Берестий же ему бѣ преже далъ«.

[2]) Когда для Романовичей добывали Галичъ и Волынь, то въ первомъ садили Даніила, а на Волыни—Василька. См. Ип., 486—487.

[3]) Въ послѣдніе годы Даніилова княженія Левъ является самостоятельнымъ правителемъ галицкой области. Можетъ быть, она была дана ему около 1247 г., со времени его женитьбы; одна изъ папскихъ буллъ этого года обращена не только къ Даніилу и Василько, но и ко Льву (H. R. M., I, LXVII).

[4]) Такое мнѣніе высказываютъ И. И. Костомаровъ (въ ст. о единодержавіи) и В. В. Пассекъ.

[5]) Одну изъ своихъ дочерей Даніилъ выдалъ за Андрея Ярославича (въ 1250 г. П. с. р. л. I, 202), другую, по словамъ одного довольно стараго отрывка (онъ напечатанъ при лѣтописи Быховца, изд. Нарбуттомъ), онъ выдалъ за Витебскаго князя Андрея Ярославича, умершаго въ 1265 г. но такого князя, кажется, не было тамъ въ то время; вообще весь этотъ отрывокъ невѣренъ. О родствѣ Романовичей съ Черниговскими князьями см. Ип., 562 и 569. Василько Романовичъ былъ женатъ на дочери Юрія Всеволодовича (»Лѣтописецъ Руской«, ч. I, 100—подъ 1226 г. Сл. Ип., 505). Она называлась Еленою (Ип., 579); въ одной изъ папскихъ буллъ (H. R. M., I, LXXVI) она названа Дубравкой.

мановичей, по единству положенія, имѣли общую участь. Эти два обстоятельства: ближайшая родственность князей и единство положенія тѣсно связывали отдѣльныя части.

Такимъ образомъ, со времени Даніила, хотя югозападная Русь, по прежнему, дѣлилась на нѣсколько княжествъ, но послѣднія находились въ рукахъ одного рода и постоянно представляли съ тѣхъ поръ одинъ цѣльный организмъ, который И. И. Шараневичъ совершенно справедливо называетъ Галицко-Владимирскою Русью,—организмъ, отдѣльный отъ прочей Руси.

Таково было преобразованіе, внесенное княженіемъ Даніила Галицкаго въ политическую жизнь югозападной Руси.

II.

Не однѣ политическія перемѣны внесло въ жизнь югозападной Руси княженіе Даніила Галицкаго.

Югозападная Русь издавна была одною изъ самыхъ цвѣтущихъ странъ нашего отечества. Природныя ея условія весьма благопріятствовали прекрасной обстановкѣ населенія, которое въ изобиліи находило средства для пропитанія и могло снабжать хлѣбомъ сосѣднія земли [1]). Подобный случай занесенъ въ галицко-волынскую лѣтопись подъ 1279 г.: во время голода Ятвяги просили Владиміра Васильковича прислать имъ хлѣба, и онъ исполнилъ ихъ желаніе [2]). Развитію большей или меньшей образованности въ этой странѣ способствовало также постоянное торговое движеніе, при которомъ она являлась промежуточною, проходною областью. Слѣды его замѣчаютъ уже въ глу-

---

[1]) Г. Трубецкой (La Russie rouge. Par. 1860, p. 20) говоритъ о равнинѣ Червонной Руси, что она »a de tout temps été le grenier de pays environnants, qui tous cherchent à s'en rendre maîtres«. Симеонъ Старовольскій, польскій географъ XVII в., говоритъ: »Russia rubra—Nobilissima haec provincia, lacte et melle abundans«... (»Gränzen« Д. И. Зубрицкаго, S. 17). По словамъ Длугоша (lib. I, col 48), »Ruthenorum regio apud oram, quae hactenus *Podolia* nuncupatur, adeo agro perhibetur ferax, ut cum semel satae fruges fuerint, recidentibus subinde seminibus, segetem novantibus alterae messes sine satione proveniant«. Мы могли-бы привести немало подобныхъ отзывовъ.

[2]) Ип., 580.

окой древности [1]); въ средніе вѣка оно продолжалось. По розыскані-
ъ Даниловича, въ XII в. Регенсбургскіе купцы отправлялись въ Кіевъ
езъ Емсъ и Вѣну за покупкою мѣховыхъ товаровъ, которыхъ Кіевъ
итался тогда складочнымъ мѣстомъ. Ранѣе немного, у Мартина
ла, находимъ извѣстіе, что Польша дѣлалась извѣстною преимущест-
нно только потому, что чрезъ нее проѣзжали въ Русь иностранные
упцы. Наши лѣтописи также говорятъ объ этихъ иностранныхъ куп-
ахъ, называя ихъ Латиною. Въ половинѣ XIII столѣтія многіе Бре-
авльскіе, польскіе и австрійскіе торговцы, узнавъ отъ папскихъ пос-
овъ, что они ѣхали въ Татарію, отправились съ ними [2]). Южнѣе мы
ѣчаемъ оживленное торговое движеніе по судоходному еще тогда
нѣстру: ниже Кучелемина [3]) ходили лодьи къ Олешью, находивше-
уся на нижнемъ теченіи Днѣпра; на возвратномъ пути въ Галичъ
нѣ возили рыбу и вино [4]). Отъ устья Днѣстра, вѣроятно, русскія ку-

---

[1]) См. »Kritische Blicke« Шараневича, S. 23, 29—30. Не послѣд-
юю роль при этомъ играло обиліе водныхъ путей. По исчисленію Чац-
аго, на Волыни и Полѣсьѣ болѣе 4800 рѣкъ. См. »Вол. Губ. Вѣд.«.
862, ст. »О судоходныхъ и сплавныхъ рѣкахъ Вол. губ.«—О сообще-
іи съ Польшею по рѣкамъ, протекавшимъ по сѣверной окраинѣ Да-
иловыхъ земель, см. въ ст. Ходаковскаго: »Пути сообщенія въ древ-
ей Россіи« (»Русскій истор. сборн.«, т. I, М. 1837, стр. 11). Въ г.
ладимірѣ въ XII в. упоминается *увозъ* (мѣсто приставанія и выгрузки
удовъ), какъ и въ Кіевѣ (Ип., 206 и 207).

[2]) М. П. Погодина »Изслѣдованія«, VII, 306—308. »Собр. путеш.
ъ татар.«, стр. 217.—Прибавимъ, что, по словамъ Татищева (II, 241),
ъ 1129 г. Поляки ограбили ѣхавшихъ изъ Моравіи купцовъ. О нѣ-
ецкихъ и моравскихъ купцахъ въ Кіевѣ упоминаетъ и »Слово о полку
Игоревѣ«.

[3]) И. И. Шараневичъ указываетъ Кучермикъ, лежащій невдалекѣ
отъ Днѣстра на одномъ изъ притоковъ Прута. Находится еще, гово-
ритъ онъ, »осада подобнаго названія Кучурмаре на ростокахъ межи
Прутомъ а Серетомъ и Сочавою« (»Изслѣд.«, 83).

[4]) Ип., 491.—Олешье—тепер. гор. Алешки, расположенный на
лѣвомъ берегу Днѣпра, въ 103 верстахъ отъ впаденія его въ море.
»Зап. Од. общ. ист. и др.«, III, 217—220. Въ спискѣ русскихъ горо-
довъ, помѣщенномъ при Воскресенской лѣтописи, при устьѣ Днѣстра
упоминается Бѣлгородъ. (II. с. р. л., VII, 240). Онъ существовалъ уже
въ XII стол. Если Аклиба Эдризи—Бѣлгородъ, то владѣнія Половцевъ
въ полов. XII в. простирались до этого мѣста. »Зап. Од. общ.«, т. III,
стр. 45. Есть попытка пріурочить къ послѣднему и *ασπρο-καστρον*
Константина Порфирородпаго. Ibid., 452 и 453.

печескія лодьи направлялись къ Дунаю, гдѣ мы встрѣчаемъ ихъ во второй половинѣ XII в. [1]) и гдѣ первымъ городомъ отъ моря на лѣвой сторонѣ этой рѣки былъ Малый Галичъ (Галачъ) Тутъ они запасались греческими и болгарскими товарами. Туда-же прибывали и венгерскіе товары. Какъ извѣстно, Святославъ сильно плѣнялся такою центральностію придунайскихъ земель по отношенію къ торговлѣ: »то есть середа въ земли моей, говорилъ онъ, яко ту вся благая сходятся«. Какъ значительно была развита морская торговля Галичанъ, можно видѣть изъ того, что, при сборѣ на Днѣпрѣ противъ татаръ въ 1224 г., отъ Галичанъ явилось 1000 лодей съ выгонцами [2]). Въ этой торговлѣ галицкая Русь поставляла немало собственныхъ продуктовъ. Въ лѣтописи упоминаются хлѣбъ [3]) и соль, добываніе которой, сколько можно замѣтить, производилось въ обширныхъ размѣрахъ. Соляные промыслы около Коломыи князья держали для раздачи оружникамъ [4]). Въ началѣ XII столѣтія вся Русь получала соль изъ галицкой земли [5]). Кромѣ

---

[1]) Ип., 341.

[2]) Ib., 504. Слово »выгонцы« у Татищева (III, 435 и 437) замѣнено »пѣхотою«. Въ Никон. (II, 351): »ихъ гящше двою тысящь лодей«. Галицкая земля была извѣстна даже Скандинавамъ подъ именемъ Галлсеи или Галатіи (Orvar Odds Saga, с. 36, цит. у Сума въ его ст. о Галиціи и Лодомиріи, стр. 19) и христіанскому Нубійскому географу, писавшему въ половинѣ XII стол. (цит. ibid., стр. 2).

[3]) Ип., 491: »Бывъшу же гладу велику, поидоша возы к Плаву на канунъ святаго Димитрия вземше возы накормишася изобилно«.

[4]) Ип., 525. По мнѣнію Ѳ. И. Буслаева (»Историч. христ.«, М. 1861, столб. 580), »*оружники*—вѣроятно, тѣ, которые были на возахъ или колахъ (слич. *оружіе*—колесница)«. Впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ лѣтописи (Ип., 510) оружники изображаются стоящими на городскихъ стѣнахъ. А. С. Петрушевичъ сближаетъ это слово съ терминами: armatus, hastatus δορυφόρος и какъ-бы полагаетъ, что имъ обозначалась гвардія. »Наук. сборн.« 1865, III, 177. Еще упоминаются въ лѣтописи »Соли« (Ип., 550) и соляные промыслы въ Удечѣ (ib., 358); гдѣ находился послѣдній, намъ неизвѣстно (см. »Ист. др. Гал.-р. княж. Д. И. Зубрицкаго, II, стр. 106).

[5]) Въ Печерскомъ Патерикѣ, въ житіи св. Прохора, поставленнаго игуменомъ Печерской обители въ 1112 г., читаемъ: »не пустиша госте изъ Галича и Перемышля, и не бысть соли во всей русской земли«. М. П. Погодина »Изслѣд.«, VII, 308. »Гал. Наук. Сб.« 1865, стр. 42.

того, могло отпускаться значительное количество мѣховъ [1]) и меду [2]). Процвѣтало и скотоводство [3]). И вотъ мы видимъ, что эта часть Руси была обильно населена [4]) и покрыта множествомъ городовъ [5]). Обитатели

---

[1]) Анонимъ нотарій Белы передаетъ, что Альмъ былъ надѣленъ отъ Владимірскаго князя »pellibus et palliis non numeratis« (Schwandtner, I, 9). Звѣря водилось много въ то время. Мы нерѣдко встрѣчаемъ извѣстія объ охотѣ князей. Володарь былъ схваченъ на охотѣ (Pertz, Mon. g. h., XX. Herbordus). См. также Ип., 226, 550, 558, 596. Никита Хоніатъ говоритъ объ Андроникѣ (см. ниже), что, во время пребыванія у галицкаго князя, онъ занимался, главнымъ образомъ, охотою, бѣганіемъ въ запуски и убіеніемъ зубровъ. *Ζεμπρος διελαυνόμενος δόρατι, ζῶον δὲ οὗτος τι μέγεθος ὑπὲρ ἄρκτον μυθικὴν, καὶ πάρδαλιν σικτὴν, κατὰ τοὺς Ταυροσκύθας φυόμενον μάλισια καὶ τρεφόμενον.* Зубровъ было немало въ Подоліи еще въ Кромерово время (въ XVI в.), и въ »Polska Kromera« описывается даже особенная охота на нихъ.

[2]) »Исторія русской торговли медомъ идетъ отъ глубокой старины. Скиѳскіе купцы, по свидѣтельству Геродота, еще до Р. Х. высылали за границу медъ и воскъ. На памяти исторіи Русь сбывала медъ въ дунайскій Переяславль, въ Грецію, къ Хозарамъ и на дальній Западъ«. (Прыжовъ, Исторія кабаковъ въ Россіи, стр. 10).

[3]) Въ землѣ Белзской и Червенской Василько захватилъ однажды »многы плены, стада коньска и кобылья« (Ип., 498). См. также Ип., 533.—Владиміръ Васильковичъ »стада роздая убогымъ людемъ...« (Ип., 601). По словамъ упомянутаго нами Анонима, Владимірскій князь далъ Альму »tercentos equos cum sellis et frenis, et XXV camelos, et mille boues ad onera portanda;« въ Галиціи Альмъ получилъ decem farisimos optimos, et CCC equos cum sellis et frenis« (Schw., l. c.); потомъ галицкій князь ему еще »pecudes ad victum condonauit sine numero« (ib., 10).—По извѣстію, находящемуся у Татищева (III, 436), у Мстислава Удалаго, во время похода въ 1223 г. противъ татаръ, было 10000 человѣкъ конницы—цифра по тому времени довольно значительная.—Въ глубокой древности территорія галицкой Руси поставляла для торговли тѣ же продукты, что̀ и въ удѣльное время: пшеницу, рыбу, соль, воскъ, медъ, мѣха, кожи. »Зап. Од. Общ.,« т. II, ст. Беккера: »Тирасъ и Тириты,« стр. 446—447. Сл. т. III, стр. 186.

[4]) Въ лѣтописи нерѣдко упоминается взятіе »великаго полона«. См., напр., Ип., 516. У Перемышля въ 1150 г. были »села многа« (ib., 282). Кадлубекъ говоритъ о дѣтяхъ Казиміра (II, p. 110): »adest Parvulorum subsidio Ducis de Wladimir Romani pia miseratio *non cum parva Ruthenorum numerositate.*

[5]) Мы насчитали по галицко-вол. лѣтоп. въ періодъ отъ 1205 г. до татарскаго нашествія до 50 городовъ въ галицкой области и на Волыни. О Батыѣ говорится, что онъ взялъ, кромѣ Колодяжна, Изя-

ея отличались зажиточностію. О Даніилѣ и Василькѣ говорится, что они дали Михаилу Черниговскому »пшеницѣ много, и меду и говядъ и овѣць доволѣ [1])«. Здѣсь весьма кстати привести слѣдующія слова Шейнохи: »До разоренія русскихъ земель татарами, онѣ принадлежали къ богатѣйшимъ странамъ Европы. Въ то время, когда западныя страны находились еще въ далеко незавидномъ положеніи, жили въ варварствѣ и бѣдности, пространство между Днѣпромъ и Днѣстромъ славилось

славля, Каменца, Галича, Червна, Владиміра, »ними *грады* многи, *им(ъ) же нѣсть числа*« (Ип., 523; ср. под. же въ Никон. III, 9). »И жалишася... и о взятьи *градъ множества* отъ иноплеменьникъ (Ип., 524). —Не безъинтересно здѣсь привести еще одно свидѣтельство Татищева. Разсказывая о походѣ русскихъ въ 1223 г. противъ татаръ, онъ перечисляетъ по землямъ количество собравшихся войскъ (III, 436). Неизвѣстно, откуда онъ почерпнулъ о томъ свѣдѣнія, но несомнѣнно, что онъ не выдумывалъ: подводя итогъ, онъ добросовѣстно выставляетъ найденную имъ въ источникѣ цифру, а въ скобкахъ замѣчаетъ: »по моему же« столько-то. Вотъ его слова: »Князь Великій исчислилъ все войско, которыхъ съ нимъ было Кіевскихъ, Переяславскихъ, Городенскихъ, Черныхъ Клобуковъ и Поросянъ 22500, со Владиміромъ Рюриковичемъ Смольянъ и Туровцовъ 13800, съ княземъ Мстиславомъ Черниговскимъ и Сѣверскимъ 21300, да Вятичъ 2000, со княземъ Мстиславомъ Галичанъ, Владимирцовъ, Лучанъ и Подунайцовъ 23400, и прочіе младшіе князи, съ ними всего 103000 (по моему 89950), какаго русскаго войска давно вкупѣ не было«. По этому перечню, наибольшій отрядъ выставила занимающая насъ мѣстность. Лѣтописи почти не представляютъ данныхъ для повѣрки этого извѣстія Татищева. По словамъ Лаврентьевской (П. с. р. л. I, 189; ср. VII, 132), послѣ Калкской битвы »глаголаху же сице, яко единѣхъ Кіанъ изгибе тогда 10000«; въ Троицкомъ спискѣ читаемъ: »а изъ Смоленьска на Зарубъ 100 мужь« пришло (П. с. р. л., I, 217), но тамъ замѣтно искаженіе; по словамъ Карамзина (т. III, прим. 298), »въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано, что Владиміръ Рюриковичь привелъ изъ Смоленска 400 человѣкъ«.

[1]) Ип., 521. При этомъ Галичъ былъ богаче Волыни. По словамъ Анонима Нотарія, примѣнимымъ, какъ мы сказали въ I-й гл., къ XIII в., Альмъ получилъ отъ Владимірскаго князя, между прочимъ, 2000 марокъ серебра и 100 марокъ переплавленнаго (т. е чистаго) золота, а отъ галицкаго—3000 марокъ серебра и 200 марокъ золота и прекраснѣйшія одежды (Schwandtn., l. c.) — »Марка тоже, что древняя русская гривна, или полуфунтъ золота или серебра« (замѣчаніе переводчика ст. Сума, стр. 9). — Въ былинахъ Волынь и галицкая земля представляются странами несмѣтнаго богатства и роскоши »Р. Вѣстн.«, т. XXI, ст. Ѳ. И. Буслаева: »Русск. бог. эп.,« стр. 534, 536 — 537, 542—543.

богатствомъ и всякою роскошью, какая только была извѣстна въ тогдашнее время... какимъ великолѣпнымъ городомъ былъ этотъ Кіевъ, съ золотыми воротами, съ четырьмя стами церквей, съ осьмью торговыми площадями, безчисленными своими жителями, Кіевъ, сокровищами котораго Болеславъ Храбрый озолотилъ всю Польшу, и который своею роскошью и прелестями плѣнилъ и изнѣжилъ Болеслава Смѣлаго! Сколько золота, серебра, драгоцѣнностей предложилъ въ даръ Лешку Бѣлому Галичъ! Съ Кіевомъ и Галичемъ соперничали многія мѣста, отъ которыхъ, съ теченіемъ времени, остались одни имена или нѣмыя развалины. Даже въ позднѣйшее время, подъ убогими »стрѣхами« упавшаго и разореннаго Кіева, видѣлись предметы роскоши, какіе въ другихъ мѣстахъ можно было встрѣтить развѣ въ барскихъ палатахъ; шелковыя матеріи можно было встрѣтить чаще, чѣмъ льняныя издѣлія въ Вильнѣ (sic), а перецъ чаще, чѣмъ соль въ Польшѣ. Предъ паденіемъ Константинополя отъ турокъ и предъ нашествіемъ татаръ это, безспорно, были одинъ изъ богатѣйшихъ странъ Европы [1])«.

Споры между претендентами за обладаніе Галичемъ и Волынью въ первой четверти XIII столѣтія должны были значительно повліять на благосостояніе народонаселенія. Въ это время Половцы частенько начали заглядывать на югозападъ, куда ихъ приводили боровшіяся стороны [2]); вмѣстѣ съ Половцами, приглашаемы были иногда и другіе степные народы; не могли щадить русской земли и остальные иноземцы [3]). Прибавимъ сюда набѣги литовскаго племени, особенно усилившіеся послѣ смерти Романа, о которыхъ будетъ сказано ниже. Но все это было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что потерпѣла югозападная Русь отъ татаръ. Особенно гибельно было первое ихъ нашествіе (въ 1240 и 1241 гг. [4]), когда они двигались по русской землѣ *цѣлою* мас-

---

[1]) »Jadwiga i Jagiełło«, t. III, str. 74—75.

[2]) Ип., 480, 485, 493, 498, 503, 507, 513, 516.

[3]) См., напр., о Полякахъ Ип., 482, 488, 490, 492; несомнѣнно, что не обходилось безъ опустошеній и во время другихъ приходовъ Поляковъ въ русскую землю.

[4]) Кіевъ былъ взятъ 6 дек 1240 г., и въ праздникъ Рождества Хр о томъ знали уже въ Венгріи (Szalay, II, 42). Въ Польшу татары вторглись въ началѣ 1241 г.; Батый думалъ было оставаться въ югозападной Руси и дольше, но былъ отклоненъ Даніиловымъ тысяцкимъ, плѣненнымъ въ Кіевѣ. Ип., 523.

сою [1]), опустошили ее до Берестья [2]) и потомъ чрезъ нее возвращались нѣсколько разъ изъ Польши [3]). Картина страшнаго разоренія югозападной Руси во время татарскаго нашествія, мы думаемъ, рисуется въ головѣ читателя сама собою. Мы приведемъ нѣсколько словъ изъ лѣтописи. »Данилови же со братомъ пришедшу ко Берестью, и не возмогоша ити в поле, смрада ради множьства избьеныхъ: не бѣ бо на Володимѣрѣ не осталъ живый, церкви святой Богородици исполнена трупья, иныа церкви наполнены быша трупія и телесъ мертвыхъ [4])«. Когда Плано-Карпини проѣзжалъ по югозападной Руси, то видѣлъ по степи безчисленное множество череповъ и костей человѣческихъ [5]).—Въ 1243 г., на возвратномъ пути изъ Венгріи [6]), татары вновь »воеваша до Во-

---

[1]) См. слова Рогерія ap. Schwandtn. I, 299.—Главная масса шла на Житомиръ (»Вол. губ. вѣд.« 1847, цитир. въ »Очеркѣ исторіи правосл. ц. на Волыни, Спб. 1855,« стр. 10), затѣмъ на Колодяженъ, находящійся въ теперешнемъ Новоградвол. у. (опроверженіе довольно распространеннаго мнѣнія, что слѣд. читать »Ладыжинъ,« находящійся въ Подольской губ., см. въ »Историч. оч. Волыни« Л. Крушинскаго, помѣщенномъ въ I-мъ вып. »Трудовъ Вол. губ. статист. комит.« Житомиръ 1867. Стр. 43); прибавимъ, что послѣ Колодяжна татарами былъ взятъ Каменецъ (см. 1-ю гл.) и Изяславль; изъ Новоградволынска они направились къ Кременцу, затѣмъ ко Владиміру, послѣ чего опять повернули на югъ,—на Галичъ (Покутье осталось тогда не тронутымъ [Шараневича »Изслѣд.«, 50], а было разорено немного позже [ib., 53]). Самымъ западнымъ изъ русскихъ городовъ, разрушенныхъ татарами и названныхъ въ лѣтописи, былъ Червенцъ (Ник. III, 9; о Гадалищѣ, упоминаемомъ тамъ же, см. догадку у Барсова, стр. 48). Русскую границу Батый переступилъ надъ Вепремъ. Слѣды его шествія до сихъ поръ не изгладились на Волыни: одинъ изъ ключей вблизи с. Дермани (въ Дуб. у.) и теперь называется »Батыевкою«. См. »Волынь губ. вѣд.« 1867, № 1.

[2]) Дорогичина, повидимому, разрушеніе не коснулось. См. Ип., 524. — Подъ Холмомъ татары были, но »не возмогоша прияти« (ib., 558). — Не знаемъ, на чемъ основалъ свой разсказъ о взятіи Гродна г. Радзишевскій (см. стр. 4—5 его »Историч. описанія г. Гродно«).— По словамъ Плано-Карпини (см. 154 стр.), идя на западъ отъ Кіева, татары опустошили всю русскую землю; подобное говоритъ и наша лѣтопись (Ип., 558).

[3]) Dlug., lib. VII, col. 670, 672.

[4]) Ип., 524.

[5]) Стр. 154.

[6]) Ип., 527: »Данилови же и Василку женущу по немь (гово

лодавы и по озерамъ, много зла створше [1])«.—Затѣмъ, давши 10-лѣтній отдыхъ [2]), они начинаютъ опять тревожить югозападную Русь, сначала—юговосточныя только окраины ея [3]); потомъ небольшой отрядъ отъ Луцка проникъ было уже ко Владиміру [4]). Въ 1258 г. [5]) татары проходили черезъ Русь, идя на Литву [6]). Въ 1259 г. они прошли чрезъ значительную часть югозападной Руси и затѣмъ отправились на Польшу: изъ Люблина они двинулись къ Завихвосту, переправились

рится о Ростиславѣ), вѣсть приде ему, яко Татарове вышли суть и(зъ) землѣ Угорьскоѣ, идуть в землю Галичькую«.

[1]) Ип., 528.—Лѣтописецъ говоритъ о татарахъ, что они въ Венгріи »стояша по побѣдѣ три лѣта« ibid., 523. Къ 1243 же году отнесенъ отходъ татаръ изъ Венгріи и въ Chronicon Claustro-Neoburgense и др.

[2]) Въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ лѣтописей сохранилась легенда о второмъ походѣ Батыя въ Венгрію; см., напр., Ник. III, 27—30. Отзывъ о ней см. у Карамзина.

[3]) Подъ 1255 г. (вѣроятно, вм. 1254) лѣтопись (стр. 550) говоритъ о двукратномъ приходѣ Куремсы къ Бакотѣ и о воеваньи около Кременца.

[4]) Наша лѣтопись не говоритъ о томъ, что во время этихъ походовъ татары проникали до польскихъ границъ, равно какъ не говорятъ о набѣгахъ на Польшу въ то время и западные анналы. [Въ Annal. Polon. I, IV, въ XIX томѣ Пертца (стр. 634—635), набѣгъ татаръ на Польшу 1259 г. прямо названъ secundus adventus], но есть нѣсколько актовъ, упоминающихъ о татарскихъ опустошеніяхъ за этотъ періодъ; см. въ »Gesch. Pol.« Реппеля S. 525; въ одной папской буллѣ 1254 г. (H. R. M., I, XC) говорится о татарахъ, старающихся занять и опустошить Ливонію, Эстонію, Пруссію и др. земли Тевтонскихъ рыцарей.

[5]) Подъ этимъ годомъ татарскій походъ на Литву поставленъ въ лѣт. Новгор. (П. с. р. л., III, 56), Никоновской (III, 39) и Воскресенской (П. с. р. л., VII, 162) и въ Софійскомъ Временникѣ. Сохранились упоминающія о немъ папскія буллы того года.

[6]) Литовскія лѣтописи передаютъ три довольно сходныя между собою извѣстія о столкновеніяхъ литовцевъ съ татарами, при чемъ, по ихъ словамъ, татары потерпѣли пораженіе во всѣ три раза (Stryjk., I, 238—239, 247—248 и 249—251). Едвали-бы русскія лѣтописи преминули упомянуть о такомъ важномъ событіи. Въ чемъ состоитъ историческая основа этихъ сказаній, трудно рѣшить. Не изображаются ли въ нихъ позднѣйшія столкновенія съ монголами? По словамъ Стрыйковскаго, послѣ битвы съ татарами, Скирмунтъ завоевалъ Черниговскую и Сѣверскую земли; потомъ онъ раздѣлилъ земли такъ: Любарту дань

черезъ Вислу, взяли Сендомиръ и городъ Лысцъ [1]). Отъ литов-

---

княжество Карачевское и Черниговское, Писсимунту—Туровъ и Стародубъ, Троппату—землю Новогродскую, Подляхію и Новилійскую Литву. Разсуждая о баснях, изобрѣтенныхъ лит. лѣтописцами, Лелевель говоритъ: »Ce sont donc des faits imaginés à la ressemblance des événements postérieurs qui se sont réellement passés.... Skirmund est le conquérant des mêmes pays que, plus tard, Gédimin a conquis. Lubart, fils de Skirmund, possède Tchernigov et Starodoub, de la même manière que Lubart, fils de Gédimin, les a possédés encore du temps de Vitold«. (Франц. переводъ его соч. »Dzieje Litwy i Rusi«). Одинъ изъ »Заволжскихъ царей«, воевавшихъ съ Литвою, названъ Kurdaskierej; не скрывается-ли подъ нимъ какой-нибудь Крымскій ханъ (Гирей)? Мы думаемъ, что и разсказъ о битвѣ Скирмунта съ русскими князьями (Stryjk., I, 243—244) представляетъ искаженіе недошедшихъ до насъ извѣстій о борьбѣ Литвы съ Волынскимъ княземъ Мстиславомъ Даніловичемъ въ концѣ XIII в. или въ началѣ XIV. Тогда въ самомъ дѣлѣ Литвою могли быть взяты Туровъ и Пинскъ. Тоже мы думаемъ и о разсказѣ о битвѣ съ русскими князьями Рынгольта Альгимунтовича (ib., 251—252); Святославъ Кіевскій послѣдняго сказанія не Станиславъ ли, упоминаемый литовскими лѣтописями при взятіи Кіева; а Левъ Владимірскій не Левъ ли Даниловичъ?

[1]) Ип., 562—565. О Лысцѣ см. у Ходаковскаго (»Русскій ист. сб.«, VII, 237). Объ этомъ татарскомъ набѣгѣ на Польшу подъ 1259 г. упоминаютъ: Annales capituli Cracov. (Pertz, XIX, 600), Annal. Polon. I, IV (ibid., 634—635), Анонимъ (у Соммерсберга II, p. 82—83) и Башко (ibid., 73); послѣдній точно обозначаетъ время нашествія: »ante festum S-ti Andree«, и его показаніе повторилъ Длугошъ (lib. VII, col. 757), т. е., по ихъ мнѣнію, это случилось въ концѣ 1259 г.; при этомъ Башко говоритъ, что татары оставались въ Польшѣ »pluribus diebus«. Можетъ быть, послѣднее обстоятельство (что татары могли пробыть въ Польшѣ до начала 1260 г.) подало поводъ другимъ анналамъ отнести набѣгъ къ 1260 (Chronici Silesiae vetustissimi fragmentum — у Соммерсб. II, 17; Annales Wratislaw.—у Pertz'a XIX, 528; Annales Silesiae superiores—ib., 553; Annal. Polon. III—ibid., 635). О томъ, что это не былъ новый набѣгъ, свидѣтельствуетъ тождество подробностей съ тѣми, которыя находимъ въ описаніи нашествія 1259 г. Длугошъ не понялъ этой тождественности и принялъ второй набѣгъ татаръ на Польшу — въ 1260 — вслѣдъ за первымъ (lib III, col. 760 — 761). Кроммеръ полагаетъ взятіе Сандомира 2 іюня. Въ одной папской буллѣ (Pertz, XIX, 681—682) о татарахъ говорится, что они напали »in festo purificationis beate Marie sub anno Domini«. Репелль полагаетъ, что это случилось въ маѣ и іюнѣ 1259 г. (S. 526); см. разсужденіе о томъ

* Наша лѣтопись, равно какъ и всѣ польскіе анналы, говоритъ *объ одномъ* походѣ на Литву.

скихъ опустошеній югозападная Русь терпѣла также и въ это время [1]).

При всемъ томъ, въ княженіе Даніила Галицкаго она успѣваетъ оправиться и вновь достигнуть значительно цвѣтущаго состоянія. Она опять является сравнительно плотно населенною страною [2]). Дѣло въ томъ, что, хотя Плано-Карпини и говоритъ, что большая часть Русскихъ въ этихъ краяхъ была избита или уведена въ плѣнъ татарами [3]), вообще истребленіе здѣсь народонаселенія должно было быть гораздо меньшимъ, чѣмъ въ другихъ русскихъ краяхъ. Находившіяся по близости лѣсистыя Карпатскія горы представляли надежное убѣжище туземцамъ этихъ странъ уже во времена древнѣйшихъ народныхъ движеній [4]); такую же службу они сослужили и теперь. Возвращаясь домой отъ венгерскаго короля послѣ неудавшагося сватовства и остановившись ночевать въ Синеводскомъ монастырѣ, Даніилъ, проснувшись, »видѣ множество бѣжащихъ отъ безбожныхъ Татаръ [5])«; къ этому же

же у Нарушевича (t. V, ks. 1, nota 148). Польскіе анналы (Башко и др.) говорятъ, что Сендомиръ былъ взятъ вслѣдствіе вѣроломства русскихъ князей, бывшихъ съ татарами, именно: Василька, Льва и Романа, а Длугошъ, распространивши это, представляетъ довольно подробный разсказъ, который повторенъ и Репеллемъ (S. 526). Что касается Романа, то его тогда не было въ живыхъ (см. въ главѣ объ отношеніяхъ къ Литвѣ); а въ неблагородномъ поступкѣ Василька и Льва (особенно перваго) мы сомнѣваемся (лѣтопись ни словечка не говоритъ о какомъ-нибудь участіи русскихъ при взятіи Сендомира), хотя несомнѣнно, что Сендомиръ былъ взятъ какою-то хитростію: о ней упоминаютъ многіе анналы. Намъ кажется наиболѣе близкимъ къ истинѣ разсказъ анналовъ Sanctae crucis (P. XIX, 681), приписывающій хитрость однимъ татарамъ. — Нѣкоторыя нѣмецкія лѣтописи говорятъ о торженіи въ Польшу подъ 1259 г. (Pertz IX, 795; 560), а подъ 1260 поминаютъ о столкновеніи татаръ съ рыцарями въ Пруссіи и о пораженіи первыхъ (ibid., 644; 795).

[1]) См. ниже.

[2]) Говоря въ одномъ мѣстѣ объ »останкѣ Галичанъ« (Ип., 526), нѣмъ не менѣе въ другомъ мѣстѣ она упоминаетъ о взятіи Литвою великаго полона« (ib., 530); подъ 1249 г. (вм 1245) въ Ипатскомъ около Перемышля упоминаются »тъземьцѣ многы« (стр. 532).

[3]) Стр. 10.

[4]) Szaraniewicz, »Kritische Blicke...,« S. 115.

[5]) Ип., 523.—Не сюда-ли спасались изъ Кіева и тѣ, о которыхъ

времени относятъ основаніе извѣстной Почаевской лавры: говорят что удалившіеся изъ Кіева монахи укрылись въ находящихся вблизи е горахъ [1]). Кромѣ уцѣлѣвшаго стараго населенія, въ югозападную Рус явилось много новаго. Одни приходили по зову Даніила; таковы был Русскіе сосѣднихъ областей, Ляхи, Нѣмцы [2]); по словамъ лѣтописи, он шли въ Холмъ »день и бо день [3])«. Другіе прибывали, зная дружест венный характеръ князя, надѣясь подъ его покровомъ вести болѣ счастливую жизнь, чѣмъ какую вели въ своемъ отечествѣ; къ числ такого рода переселенцевъ принадлежали Ляхи, уходившіе въ Рус еще до татарскаго нашествія [4]) и послѣ него: незадолго до Ярославско битвы »нарочиты бояре и инии Ляховѣ избѣгли бяху изъ земли, хо тяще ити к Данилови [5])«; бѣжали многіе и изъ татарскихъ областей [6] Въ югозападной Руси въ то время было лучше, чѣмъ гдѣ-либо в иномъ мѣстѣ, и потому сюда устремились Черниговскіе бояре [7]) и за ходили князья изъ Рязани [8]). Были и насильно приведенные поселенц По взятіи и разрушеніи Возвягля, Даніилъ »люди изведе и вдасть на подѣлъ, ово брату си, ово же Львови, другия Шварнови [9])«. В

въ Воскресенской лѣтописи (П. с. р. л., VII, 153) сказано, что о »бѣжаша въ далныя страны«? Съ Михаиломъ возвратились въ Кіе »вси людіе«, и »еже бѣху разбѣглися на чюжеи земли пріидоша свою землю«.

[1]) »Волынскія епархіальныя вѣдомости« 1867, № 2, стр. 27—31. Сл. »Starož. polska«, t. II, str. 902.

[2]) Нѣмецкія ворота упоминаются въ Галичѣ еще до татарска нашествія (Ип., 518).

[3]) Ип., 558.

[4]) См. Hist. Russiae Monim., I, XXXV.—Въ грамотѣ вдовы Лев Бѣлаго, Гремиславы (1230 г.; у *Nakielski*, Miech. p. 152), читае »nobis et eisdem testibus ad colloquium procedentibus cum duce Conra et militibus per eum olim pulsis de Polonia tunc autem per filium ejus *Russia revocatis* secus pontem fluminis cui nomen Radomera pertractandum См. у Roepell'я. Есть нѣсколько поселеній, названіе которыхъ имѣ связь съ Мазовіею и Куявіею, но неизвѣстно, когда они основан

[5]) Ип., 531.

[6]) Не одного ли изъ такихъ бѣглецовъ надѣлилъ Левъ имѣнія Нарушевичъ (t. V, notab. do ks. II) говоритъ: Львовъ »przywiley na iący w Samborszczyźnie dobra niektóre Sienkowi *Tatarzynowiczowi* w r 1265. Widzieć w archivum koronnym«.

[7]) Ип., 525.

[8]) Ibid. 527.

[9]) Ibid., 556.

галицкой области есть нѣсколько мѣстностей, названія которыхъ указываютъ на то, что тамъ были посажены плѣнные, взятые у разныхъ литовскихъ племенъ [1]). Мы думаемъ, что бо̀льшая часть этихъ поселеній была основана при Даніилѣ, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которыя напоминаютъ Ятвяговъ и Пруссовъ; послѣ Даніила войнъ съ Ятвягами почти не было, а съ Пруссами югозападная Русь столкнулась во время Ятвяжскихъ войнъ также при этомъ князѣ [2]); описывая эти походы Даніила, лѣтопись нѣсколько разъ упоминаетъ о взятіи имъ плѣнныхъ [3]).—Послѣ татарскаго нашествія нѣкоторые города потеряли свое прежнее значеніе, напримѣръ старинные Звенигородъ [4]) и Теребовль, а нѣкоторые совсѣмъ, быть можетъ, исчезли. Взамѣнъ ихъ является цѣлый рядъ городовъ, построенныхъ Даніиломъ. Изъ словъ о томъ лѣтописи [5]) можно заключать, что этихъ городовъ было много, но намъ извѣстны очень немногіе. Несомнѣнно Даніиломъ основанъ, какъ на то указываетъ самое названіе, впервые являющійся при немъ городъ Даниловъ [6]); по всей вѣроятности, имъ же построенъ Исто-

---

[1]) Близь стариннаго села Райтаровичъ и близь Рудокъ есть села, называемыя Jadwięgi; есть еще третье село этого названія, находящееся на р. Бобркѣ; потомъ встрѣчаемъ нѣсколько поселеній съ названіемъ Прусы (около Кракова, Самбора, Львова), находимъ Прусье около Равы, Прусиновъ около Сокаля; около Подгаецъ есть Литвиновка, около Комарна — Литовка (Шараневичъ, »Изслѣд.«, 84, 87, 91). Въ одномъ документѣ XV стол. упоминается »Старый Литвиновъ« (»Rys wewnętrznych stosunków Gal. wschodniéj. Szaraniewicza. Lwów, 1869«, str. 53, n. 72). Въ Кременецкомъ уѣздѣ Волынской губ. видимъ (лѣсъ) Пруски, Литовища (»Русскій ист. сборн.«, VII, 70); въ Острожскомъ у. —»Пруски«, въ Ковельскомъ—»Жмудча«, въ Луцкомъ—»Литва« (см. выше цитиров. карту Главн. Штаба). По люстраціи 1616 г., къ Холмскому воеводству принадлежала дер. »Жмудь«.

[2]) См. въ главѣ объ отношеніи къ Литовцамъ.

[3]) Ип., 538, 539, 553.—Замѣтимъ при этомъ, что въ Кременецкомъ уѣздѣ мы нашли »Угорскъ«, въ австрійской Галиціи—»Угрикъ«, въ Минской губ. — »Угриничи« (цитиров. выше карта, 16 и 17), надъ р. Ливцемъ—»Венгровъ«.

[4]) Сл. »Старод. Гал. гор.«, ч. I, стр. 21.

[5]) Ип., 570: »созда городы многи«; 560: »бѣ бо грады иныя зиждай (кромѣ Холма) противу безбожнымъ татаромъ«.

[6]) Ип., 523; о немъ упоминаетъ и Плано-Карпини (стр. 10); потомъ Даниловъ былъ разметанъ (Ип., 562) О мѣстоположеніи его И. П. Шараневичъ (»Стародавныи Гал. городы, ч. II. Стародавный Львовъ«. Львовъ 1861. Стр. 10) говоритъ слѣдующее: »Даниловъ надъ Стры-

жекъ [1]); наконецъ, онъ извѣстенъ, какъ основатель Холма Лѣтопись говоритъ такъ объ устроеніи Холма: »Яздящу же ему по полю и ловы дѣющу, и видѣ мѣсто красно и лѣсно на горѣ, обьходящу округъ его полю, и вопраша тоземѣць: »како именуеться мѣсто се«? Они же рекоша: »Холмъ ему имя есть«. И возлюбивъ мѣсто то и помысли, да сожижеть на немь градець малъ; обѣщаея Богу и святому Ивану Златоусту, да створить во имя его церковь. И створи градѣць малъ, и видѣвъ же яко Богъ помощникъ ему и Іоаннъ снѣшникъ ему есть, и созда градъ иный, его же Татарове не возмогоша прияти [2])«.... Славянская натура плѣнилась этимъ прекраснымъ мѣстомъ такъ же, какъ нѣкогда была увлечена мѣстностію нынѣшняго Кіева. Нѣкоторые догадываются, что орелъ, изваянный на столбѣ вблизи города, былъ символомъ послѣдняго, находившагося на высотѣ [3]). Съ горы, на которой онъ располо-

---

новъ близь Озирной р.« Онъ же указываетъ другія поселенія, напоминающія Данила: Данилче (около Рогатына). Danila около Сучавы (»Изслѣд., 91—92). Сл. »Гал. истор. сб«, I, стр. 101, пр. 33 Прибавимъ двѣ Даниловки, найденныя нами въ Волынской губ.: одна изъ нихъ находится къ сѣверовостоку отъ Стожка, а другая — невдалекѣ отъ Теофиполя.

[1]) Упоминается въ Ип. подъ 1261 (стр. 562). Мнѣніе Ходаковскаго (Карамзинъ, IV, пр. 102, стр. 38) о томъ, что это теперешній *Стожекъ*, вѣрно; онъ ошибся только въ опредѣленіи разстоянія его отъ Кременца, отъ котораго онъ отстоитъ верстъ за 15—20. См. »Волынскія губ. вѣдомости« 1868, № 76.

[2]) Ип., 558.

[3]) Петрушевичъ объясняетъ иначе: »Изъ выраженія *съ головами* надо заключати, что выставленный каменный орелъ былъ *двуглавный*, яко знамя или гербъ Данилловой державы (государства), употребляемый византійскими императорами, въ послѣдствіи же во второй половинѣ XV вѣка былъ принятъ великимъ княземъ Іоанномъ III Васильевичемъ за гербъ всей Руси«. »Наук сборн.« 1866, вып. III и IV, стр. 179. —Впервые Холмъ упоминается въ галицко-волынской лѣтописи подъ 1223 г. (Ип., 494), но онъ не тогда былъ основанъ: его не было еще незадолго до Черниговской войны [»*Преже же войны Данилови Черниговьское*, сѣдящу ему в Галичѣ, а Василку в Володимерѣ (далѣе въ Ип. сп. слѣдуетъ означеніе года, которое выпускаемъ), воеваша Ятвязѣ около Охоже и Бусовна.... *еще бо Холму не поставлену бывшю Даниломъ*« Ип., 530—531] и—въ то время, когда Конрадъ помогалъ Михаилу Черниговскому противъ Данила [»Кондратови же ставшу кде нынѣ градъ Холмъ стоить..« (Ип., 516)]; былъ же онъ тогда, когда Даніилъ въ послѣдній разъ занималъ Галичъ предъ татарскимъ нашествіемъ [»приде вѣсть *Даниилу*, *во Холмѣ будущю ему*...« ibid.,

жень, открывался видъ на обширную низменность, тянувшуюся продольною полосою къ югу, и на противоположномъ концѣ этой долины, также на возвышеніи, красовался въ Даніилово же время основанный городъ Львовъ, находившійся въ 20 миляхъ отъ Холма. Пожаръ, бывшій въ Холмѣ при нашествіи Куремсы, былъ виденъ во Львовѣ [1]).

---

517); значитъ, онъ воздвигнутъ въ промежуткѣ между этими событіями, т. е. передъ 1240 г. Нѣкоторые — не знаемъ, на какомъ основаніи — называютъ Даніила не основателемъ, а только строителемъ Холма (»Кіевскія Еп. Вѣдом.« 1865, № 22. Рѣчь г. Лебединцева въ Холмѣ, стр. 847), и этому, повидимому, можетъ благопріятствовать упоминаніе Холма у Длугоша уже подъ 1073 (lib. III, col. 271 и 272) и въ Никоновской лѣтописи подъ 1072 г. [П. с. р. л., IX, 100; тутъ называется Холмскій епископъ Иванъ, пропущенный въ »Пов. врем. лѣтъ«; ср. цитируемое нами ниже свидѣтельство Суши о Холмскихъ епископахъ; въ латинскомъ каталогѣ Холмскихъ архіереевъ упоминается Іоаннъ I (Janusz) около 1070 и 1072 г.], а также преданіе о Холмѣ, записанное въ XVII в. уніатскимъ епископомъ Сушею (см. сочиненіе послѣдняго подъ заглавіемъ: »Phoenix tertiato redivivus, s. imago longe vetustissima Virginis Matris Chelmensis. Zamoscii. 1684. in-4«); но приведенныя нами въ текстѣ слова лѣтописи рѣшительно не говорятъ о томъ, чтобы здѣсь было какое-нибудь поселеніе до Даніила: было только »*мѣсто* красно и *лѣсно*« на горѣ (ужъ, конечно, »мѣсто« — не мѣстечко). Нѣкоторые (И. И. Шараневичъ: »Изслѣд.«, прим. 87, стр. 59 — 60) думаютъ, что было выстроено Даніиломъ два Холма, но лѣтопись ничего подобнаго не говоритъ (»созда градъ иный« въ томъ же смыслѣ употреблено, въ какомъ иногда въ новгородскихъ лѣтописяхъ говорится: »заложи Новгородъ...« въ то время, когда Новгородъ давно существовалъ). Холмъ находился въ украинной отъ Поляковъ, но тѣмъ не менѣе искони занятой русскимъ племенемъ землѣ. Даніилъ »вопраша *тоземьцы*«, говоритъ лѣтопись. До основанія Холма въ той мѣстности находились Охоже и Бусовно (Ип., 531). Наконецъ, вблизи Холма видны столбы глубочайшей древности, преданіе о которыхъ, записанное два съ лишнимъ вѣка назадъ, приписываетъ ихъ построеніе первымъ русскимъ князьямъ до-исторической эпохи (упомян. рѣчь г. Лебединцева, стр. 846—847).

[1]) Ип., 557. Тогда впервые упоминается Львовъ въ нашей лѣтописи. Основанъ онъ былъ нѣсколько раньше. Въ спеціальномъ своемъ изслѣдованіи, посвященномъ древнѣйшему Львову, И. И. Шараневичъ относилъ основаніе его къ гг. 1250—1255. Въ болѣе позднемъ сочиненіи (»Изслѣд.«, 60), онъ допускаетъ возможность существованія его уже вскорѣ послѣ татарскаго нашествія. Соглашаясь съ послѣднимъ предположеніемъ, не отвергая даже возможности основанія его Даніиломъ въ честь Льва еще до татарскаго нашествія, мы скажемъ, что несомнѣнно существованіе Львова около 1254 г.: въ этомъ году Левъ

Нѣкоторые города были приведены Даніиломъ въ лучшее состояніе, напр. Угровескъ [1]); вѣроятно, Даніилъ основалъ упоминаемый въ послѣднемъ нѣсколько позже монастырь св. Даніилія, въ которомъ пребывалъ въ послѣднее время своей жизни Войшелкъ [2]). Устроивъ новые города, Даніилъ большую часть ихъ хотѣлъ сдѣлать сильными военными пунктами, которые должны были служить убѣжищемъ для жителей—преимущественно во время татарскихъ нашествій; Холмъ, напримѣръ, онъ укрѣпилъ весьма высокою башнею, поставленною среди города [3]).

является *съ своими* слугами; около 1256 г. Даніилъ *совѣтуется* съ сыномъ; въ обоихъ этихъ случаяхъ Льва, очевидно, нужно считать самостоятельнымъ княземъ (ср. 3-е прим. на стр. 77), а въ такомъ случаѣ нужно принять, что онъ имѣлъ *свою* резиденцію, которою, вѣроятнѣе всего, былъ Львовъ. Странно, впрочемъ, слѣдующее извѣстіе галицко-волынской лѣтописи о Войшелкѣ: »И по семъ *иде*... *до Галича*... *тогда же*... *хрести* Юрья Львовича« (Ип., 567; значитъ, Левъ жилъ тогда въ Галичѣ?). По одному документу (»Гал. ист. сб.«, II, пр. 41, стр 125), Львовъ былъ уже въ 1183 г., но изслѣдователи считаютъ эту цифру ошибочно поставленною. Есть еще папская бумага 1232 г., говорящая о Львовѣ (H. R. M., I, XXXVII), но она, очевидно, ошибочно отнесена къ этому времени; по всей вѣроятности, она принадлежитъ не Григорію IX, а Григорію XI (въ XIV стол.). Не знаемъ на какомъ основаніи г Стадницкій (»Syn. Ged.«, t. II, str. 3) говоритъ »Tenże Leo Daniłowicz *znany* w dziejach jako *mniemany* założyciel Lwowa, czem był rzeczywiście w tem rozumieniu, że do tego *już dawniej istniejącego* grodu stolicę swą przeniosł i tak mu pierwszy znaczenie na dal...«

[1]) Въ одномъ мѣстѣ лѣтописи говорится: »Данилови бо княжащу в Володимѣрѣ, созда градъ Угорескъ« (Ип., 558). Но Угровскъ существовалъ еще до Даніила (Ип., 483); до основанія Холма онъ, кажется, былъ любимымъ мѣстопребываніемъ Даніила, которымъ была учреждена тамъ и епископія. Ип., 506: »Князю же Данилова будущу во Угровьсцѣ...«

[2]) Ип., 573.

[3]) По словамъ тамошнихъ жителей, остатки ея уцѣлѣли до настоящаго времени, но находятся въ незавидномъ положеніи: на мѣстѣ ея виденъ высокій бугоръ, покрытый отъ основанія до вершины мусоромъ и щебнемъ, съ углубленіемъ по срединѣ. Съ этой возвышенности и теперь, какъ и во время лѣтописца было, открывается видъ на городскія окрестности на далекомъ пространствѣ. Мѣстная народная молва знаетъ еще о назначеніи башни, но уже забыла славнаго ея основателя. Уцѣлѣлъ также вырытый при Даніилѣ и упоминаемый лѣтописью глубокій на горѣ колодезь. Онъ находится невдалекѣ отъ упомянутаго нами бугра и обложенъ извнутри, во всю глубину, тесовымъ

Даніилъ не ошибался въ своемъ предположеніи о важности подобныхъ укрѣпленій: это показываетъ долгая осада татарами Козельска [1]) и отступленіе ихъ во время Батыева нашествія отъ Кременца и Данилова; Колодяженъ былъ взятъ тогда только хитростію: Батый »приде ко городу Колодяжьну, и постави порока 12 и не може разбити стѣны, и начатъ перемолъвливати люди; они же, послушавше злого с(ъ)вѣта его, передашася и сами избиты быша [2])«. Отъ стѣнъ городовъ югозападной Руси нерѣдко отступали и Венгры [3]). Но устрояемые Даніиломъ города не были похожи на чисто военныя поселенія въ позднѣйшемъ Московскомъ государствѣ. Онъ заботился, чтобы они не уступали старымъ въ цвѣтущемъ видѣ. Лучшимъ образцомъ вновь сооруженныхъ тогда городовъ можетъ служить Холмъ, съ значительнымъ количествомъ его населенія, съ веселыми его садами и великолѣпными для того времени зданіями, отличавшимися »величествомъ и красотою [4])«. Подобныя зданія,—согласно съ духомъ того времени, главнымъ образомъ церковныя, воздвигались и въ другихъ мѣстахъ: Даніилъ »созда городы многи, и *церкви постави, и украси ѣ разноличными красотами* [5])«. О Дорогичинѣ лѣтопись говоритъ: »и вѣдасть (Богъ) и въ руцѣ Данилу; и обънови и созда церковь прекрасну святое Богородици [6])«. Даніилъ заботился также о развитіи въ этихъ городахъ промышленности. Къ нему бѣжало множество мастеровъ отъ татаръ, имѣвшихъ обыкновеніе щадить при набѣгахъ и брать въ плѣнъ ремесленниковъ [7]): »и уноты и мастерѣ всяции бѣжаху ис Татаръ, сѣдѣлници и лучници, и тулници,

---

камнемъ.—Вблизи города былъ поставленъ Даніиломъ каменный столпъ (Ип., 559). Не знаемъ точно, гдѣ онъ стоялъ: подъ Холмомъ, какъ мы уже говорили, два такихъ столпа: одинъ изъ нихъ находится у дер. Окшова, невдалекѣ отъ города, др. у дер. Столпье, нѣсколько дальше. О нихъ см. въ »Starożytna polska przez M. Balińskiego i T. Lipińskiego, t. II, Warsz. 1845«, str. 763—766, и въ 22 № »К. Е. В.«, стр. 846—847.

[1]) Ип., 520.

[2]) Ibid., 523. Вѣроятно, эти укрѣпленія были воздвигнуты Даніиломъ въ виду татарскаго нашествія.

[3]) См., напр., Ип., 532.

[4]) Ип., 558—560. Воздвигнутая Даніиломъ соборная церковь просуществовала до 1640 г.

[5]) Ibid., 570.

[6]) Ibid., 524.

[7]) Плано-Карпини, стр. 180, 192, 54.

и кузницѣ желѣзу и мѣди и сребру [1])«. Явились художники изъ русскихъ, можетъ быть — ученики иностранцевъ; они употребляли въ дѣло матеріалы, находившіеся въ предѣлахъ русской земли. Вотъ что говоритъ, между прочимъ, лѣтописецъ о Холмской церкви св. Ивана: »двѣри же еи двоя уксашены каменьемъ Галичкымъ бѣлымъ и зеленымъ Холмъскымъ, тесанымъ, изрыты некимъ *хытрьцемъ* Авдьсмъ [2])«. Въ Холмѣ лились также колокола. Вообще онъ былъ центромъ тогдашней промышленности югозападной Руси. Тамъ было особенно много мастеровъ: »и бѣ жизнь, и наполняша (разум. мастера) дворы, окрестъ града поле, села [3])«; по этимъ словамъ можемъ судить объ обширности города. Такою же значительною величиною отличался Владиміръ: при нашествіи Бурандая, »немощно бысть розметати вборзѣ его величествомъ [4])«.

При такомъ оживленіи югозападной Руси, при ея стремленіи къ просвѣщенной и обставленной всѣми удобствами жизни, то было важно въ княженіе Даніила Галицкаго, что, на ряду съ измѣненіями въ другихъ отношеніяхъ, и культура ея получаетъ особенный оттѣнокъ.

Этотъ особенный характеръ культуры югозападной Руси въ то время обусловился тѣмъ, что въ первую привзошелъ новый элементъ: она начала развиваться подъ западнымъ вліяніемъ.

Древняя Русь вообще не чуждалась Запада и входила съ нимъ въ разнообразныя сношенія. Соприкосновенія съ Западомъ были наичаще, что̀ весьма естественно, въ пограничныхъ съ нимъ областяхъ, и въ Галичѣ и на Волыни его вліяніе давало себя знать задолго до Даніила, вслѣдствіе весьма нерѣдкихъ взаимныхъ вмѣшательствъ во внутреннія дѣла [5]). Даже »Слово о полку Игоревѣ« отмѣчаетъ здѣсь западное

---

[1]) Ип., 558.

[2]) Ibid., 559. Нѣтъ основаній считать этого Авдія иностранцемъ.

[3]) Ibid., 558.

[4]) Ibid., 562. Сохранилось извѣстіе, что при Владимірѣ I этотъ городъ имѣлъ въ своей окружности семь миль. См. »Вол. Еп. Вѣд.« 1867, № 3, стр. 50. Сл. »Тр. Вол. губ. ст. ком.«, 10.

[5]) Довольно полный очеркъ этихъ соприкосновеній и, притомъ составленный не по русскимъ только источникамъ желающіе могутъ найти въ не разъ уже цитированномъ нами »Изслѣдованіи на поле отечественной географіи и исторіи« Шараневича.—Первое вмѣшательство русскихъ въ венгерскія дѣла случилось въ 1047 (Thwrocz у Швандтнера: I, 105). По словамъ Татищева (II, 222), Ростиславичъ

вліяніе, хотя во внѣшности только. Обращаясь къ Роману и Мстиславу Нѣмому, поэтъ говоритъ: »суть бо у ваю желѣзныи папорзи подъ *шеломы латинскими*«; къ тремъ Мстиславичамъ въ другомъ мѣстѣ поэтъ взываетъ такъ: »кое ваши златыи шеломы и *сулицы Ляцкіи и щиты*«! [1])—Съ конца XII столѣтія это вліяніе должно было усилиться: около того времени начала исчезать тѣсная связь между отдѣльными землями, кое-какъ державшаяся до той поры; нужно указать также на особенно учащенныя вмѣшательства иностранцевъ. Русскіе этихъ краевъ начинаютъ приглашать къ себѣ на помощь даже Чеховъ [2]). Южнорусскіе князья постоянно бѣгаютъ за помощью и спасаются отъ враговъ въ Венгрію и Польшу, чего мы прежде не видимъ. Лѣтопись этого времени, ничего почти не говоря о событіяхъ въ другихъ княжествахъ, касается иногда происшествій Германской имперіи [3]). Но, во всякомъ случаѣ до Даніила связь съ остальною Русью была еще сильна. По словамъ Татищева [4]). Галичане во время утѣсненій отъ Венгровъ искали помощи въ Руси далеко отъ своей родины. Западное воздѣйствіе въ Галичѣ могло также уравновѣшиваться Византійскимъ. Галичъ и Византія были сосѣдями. Кромѣ торговли [5]), ихъ сближали частыя по-

---

были приглашены на помощь венгерскимъ королемъ еще въ 1119 г.— Венгры столкнулись съ нами враждебно въ первый разъ при Болеславѣ Храбромъ, въ походѣ котораго на Русь они приняли участіе за деньги См. Thietmari Chronicon, lib. VIII, гл 16 (у Бѣлёвскаго I, 317).

[1]) У Мстислава Изяславича на службѣ былъ цѣлый отрядъ Поляковъ: »Mscislaus Dux cum magna gloria redit ad Russiam pluribus Polonorum militibus cum usque ad Wladimiriam conducentibus et plerisque remanentibus apud eum« Dlug. ad a. 1159, col. 499.—О Ярославѣ Осмомыслѣ у Татищева (III, 280) говорится, что онъ »въ церковномъ чинѣ много исправлялъ и клиросъ устроя и паставляя *зловѣріе* искоренялъ, а мудрости и *правой вѣры* наставлялъ и учить понуждалъ«. Можетъ быть, это »зловѣріе« состояло въ уклоненіи отъ чистоты православія.

[2]) Ип., 488: »Володиславъ выеде съ Угры и *Чехы* своими«.—По Нук. (II, 318), въ 1218 г. и у королевича венгерскаго, когда онъ вышелъ противъ Мстислава, были и Ляхи, и Чехи, и Моравы. То же повторено въ другихъ лѣтописяхъ.

[3]) Ип. подъ 1207 (стр. 484).

[4]) III, 377, 401.

[5]) Греческія издѣлія были распространены въ галицкой землѣ. Это видно изъ разсказа Длугоша о выкупѣ Володаря: »de viginti millibus marcarum argenti pro solutione Wolodori dandis convenerunt, datisque hinc duodecim millibus argenti de solvendo residuo Jaroslai filium obsidem

литическія связи и сношенія [1]). На Волыни мы сряду видимъ двухъ епископовъ изъ грековъ [2]).

При Даніилѣ же западное вліяніе торжествуетъ и пріобрѣтаетъ чрезвычайную силу.

Югозападная Русь была такъ отрѣзана отъ прочей Руси, что сѣверо-восточныя лѣтописи съ этого времени совершенно почти молчатъ о ней. Отъ Византіи она также была отдѣлена татарами. Съ сѣвера, востока и юга ее окружали варвары. Они не могли вліять на нее, потому что она питала къ нимъ презрѣніе. Вспомнимъ чувства Даніила при поѣздкѣ въ орду [3]). Другое дѣло—сѣверовосточная Русь:

---

ponunt. Postea vero quingentis vasis argentis, scutellis videlicet, picariis et sciphis de *opere Graeco* allatis, plenam solutionem impendunt« (lib. IV, col. 418). Сл. Тат. II, 226.

[1]) Приведемъ въ извлеченіи по книгѣ Стриттера (т. II) извѣстія Киннама и Ник. Хоніата о сношеніяхъ Галича съ Византіею. Владимірко жилъ въ союзѣ съ Эммануиломъ Комниномъ; потомъ въ союзѣ съ нимъ былъ Ярославъ Осмомыслъ. Послѣдній ласково принялъ бѣжавшаго изъ Греціи—изъ заточенія—Андроника, племянника царствовавшаго императора, и далъ ему въ управленіе нѣсколько городовъ Узнавъ о томъ, греческій императоръ прислалъ къ Андронику двухъ митрополитовъ, примирился съ нимъ, и Ярославъ отпустилъ его »съ великою честью, приставивъ къ нему пискупа своего Кузму и мужа своя передния« (Ип., 359. Ник. Хон.). Потомъ императоръ старался разорвать готовившійся союзъ Ярослава съ венгерскимъ королемъ, и Ярославъ обѣщалъ это сдѣлать. Въ 1182 г. Андроникъ думалъ опять бѣжать въ Россію, но былъ пойманъ и замученъ Исаакомъ Ангеломъ. Романъ оказалъ немаловажную услугу Византіи, спасши ее отъ Половцевъ. Послѣ взятія Константинополя крестоносцами, Византійскій императоръ бѣжалъ въ Галичъ (Dlug., lib. VI, col. 584).—Прибавимъ, что иногда бывали и родственныя связи. Подъ 1104 г. читаемъ въ »Повѣсти врем. лѣтъ«: »Ведена дщи Володарева за царевича за Олексинича, Царюгороду. мѣсяца іюля въ 20«.

[2]) Ип., 494: »Данила и Василка Романовичю, бѣаху Володимьрьскыи пискупѣ: бѣ бо Асафъ блаженый и преподобный святитель Святое Горы; и потомъ бѣ Василѣй отъ Святое Горы«. Г-нъ У—дскій въ »Историческомъ изслѣдованіи объ епископахъ Волынской епархіи«, помѣщенномъ въ 1-мъ № »Волынскихъ епархіальныхъ вѣдомостей« 1867 г., выраженіе »отъ Святое Горы« толкуетъ такъ: »Изъ монастыря, существовавшаго не въ далекомъ разстояніи отъ Владиміра Волынскаго«; но лѣтопись подъ Святою Горою разумѣетъ Аѳонъ. См Ип., 551 и 568—о Войшелкѣ.

[3]) Лѣтописное мѣсто объ этомъ мы приведемъ въ слѣд. главѣ.

она была подвержена постоянному и тяжелому татарскому гнету. На юго-западѣ татары являлись на время, какъ враждебная сила, и скоро исчезали. Отъ нихъ могло быть взято только что-нибудь пустое, и это мы и видимъ. »Возъеха же король (разум.: Венгерскій)... противу же Данилу князю, говорится въ одномъ мѣстѣ лѣтописи [1]), Данило же приде к нему, исполчи вся люди своѣ. *Нѣмци* же дивящеся оружью *татарскому:* бѣша бо кони в личинахъ и в коярѣхъ кожаныхъ, и людье во ярыцѣхъ«... Такимъ образомъ, здѣсь открывался полный просторъ западному вліянію и помимо особенно сближавшихъ обстоятельствъ.

Но разсматриваемая нами Русь не оставалась холоднымъ сосѣдомъ Запада, и ея князья сильно льнули къ послѣднему. Нетерпимость Ѳеодосія къ католикамъ здѣсь давно не имѣла мѣста. Къ нимъ относились безъ чувства вражды [2]), нисколько не измѣняя въ тоже время православію и энергически стоя противъ всѣхъ попытокъ папства подчинить себѣ этотъ край. Не забудемъ и того, что Даніилъ, подобно отцу [3]), былъ воспитанъ на западѣ. Если и оставалось еще какое предубѣжденіе противъ Запада, оно должно было теперь совершенно исчезнуть въ виду того, что тамъ жили *христіане,* какого бы исповѣданія они ни были, и въ трудную минуту, среди варваровъ, къ кому было протянуть руку, если не къ нимъ? Убѣждая Даніила идти къ венгерскому королю, исполнить желаніе послѣдняго и женить Льва на его дочери, Василько говоритъ: »иди къ нему, яко крестьянъ есть [4])«. Въ другой разъ самъ Даніилъ, приглашая на помощь польскихъ князей, говоритъ: »время есть *христьяномъ на поганыя* [5])«. Русскіе князья ищутъ опоры въ западныхъ христіанахъ, и является цѣлая какъ бы

---

[1]) Ип., 540.

[2]) Обратимъ вниманіе на то, какъ называетъ лѣтопись папу подъ 1255 г.: Даніилъ »вѣнѣць отъ Бога прия, отъ церкве святыхъ Апостолъ *и отъ стола святаго Петра и отъ отца своего папы Нежьнтія,* и отъ всихъ епископовъ своихъ« (Ип., 548). Объ одной католичкѣ лѣтописецъ говоритъ: »много бо послужи Богови по мужи своемь и святу нарѣчаютъ« (Ип., 484). Романъ дѣлалъ даже пожертвованія въ католическіе монастыри (см. выписку изъ некролога Эрфуртскаго Петрова мон. въ 113 прим. къ т. III »Исторіи« Карамзина).

[3]) Кадлубекъ говоритъ о Романѣ: »meminit... Romanus quanta erga se Kazimiri fuerant beneficia, apud quem pene a cunabulis educatus...« II, 110.

[4]) Ип., 537.

[5]) Ibid., 541.

система взаимнаго вспоможенія, основывавшагося на родственныхъ связяхъ. Содѣйствовавши родственнику своему Сомовиту къ занятію Мазовецкаго престола, Даніилъ и Василько потомъ сказали ему: »добр. видилъ еси отъ нaю, из(ъ)иди с нами на Ятвезѣ [1])«. Затѣмъ Даніилъ опять помогалъ Сомовиту. Предъ Ярославскою битвою Даніилъ и Василько »посласта Кондратови, рекуще: »яко тебе дѣля изъидоша на наю Ляхове, яко помощника ти есвѣ. Пославшу же ему помощь [2])«.. Породнившись съ Даніиломъ черезъ Льва, за котораго выдалъ свою дочь Констанцію, венгерскій король нѣсколько разъ просилъ у него помощи. Одинъ разъ онъ приглашалъ его слѣдующимъ образомъ: »ужика ми и сватъ еси, помози ми на Чехы [3])«. Исполняя эти просьбы, Даніилъ нѣсколько разъ пособлялъ Белѣ въ войнѣ за австрійское герцогство [4]).

---

[1]) Ип., 538.
[2]) Ibid., 532.
[3]) Ibid., 545.
[4]) Въ первый разъ это случилось предъ 1249 г. (лѣтопись упоминаетъ о первой помощи подъ 1252: Ип., 540 — 541), потому что императорскіе намѣстники *до того времени* были изгнаны изъ австрійской области (Szalay, II, 74), а лѣтопись говоритъ, что, когда Даніилъ пришелъ на помощь королю, »царь обьдержа Ведень, землю Ракушьску и Штирьску«.—Во второй разъ Даніилъ помогалъ Белѣ вмѣстѣ съ Болеславомъ Краковскимъ въ 1253 г. Это не могло состояться въ 1254 г., потому что въ этомъ году съ весны начались переговоры между чешскимъ и венгерскимъ королемъ, окончившіеся миромъ, заключеннымъ 3-го апрѣля (Szalay, II. 77). Въ Continuationes Cosmae Canonicorum Pragensium подъ 1253 г. говорится о вторженіи въ Моравію и опустошеніи ея не Комапами только и Венграми, но и другими народами, хотя прямо Русскіе не названы (Pertz, IX, 174: »Timor etiam magnus Chomanorum et *aliorum extrancorum* irruit super Bohemos...«) К 1253 же году отнесено это событіе у Анонима (Sommersb., II, 82) въ Annal. capituli Cracov. (Pertz., XIX, 600) и въ Annal. sanctae crucis Polonici (ib., 681). Таже дата, равно какъ несправедливость показанія Богуфала (Sommersb. II, 67; онъ ставитъ 1254-й г.), могутъ быть выведены, если принять въ соображеніе исторію похожденій Романа въ Австріи. Длугошъ (lib. VII, col. 733—735) говоритъ объ одномъ и томъ же дважды: подъ 1253 и подъ 1254 г.г. — На основаніи словъ лѣтописи (Ип., 550): »Лва бо преже отрядилъ бѣ королеви«, мы думаемъ что Даніилъ помогалъ Белѣ и въ третій разъ. Въ послѣдній разъ онъ явился къ нему на помощь въ 1260 г., о чемъ говорятъ: письмо къ папѣ Оттокара (Pertz, IX, 184—185 и H. R. M., II, Appendix, № V, Germanicum Austriae Chronicon (Pez, I, col. 1079), Continuatio praedicatorum Vindobonensium (Pertz, IX, 728) и Длугошъ (lib. VII, col. 761

Впрочемъ, Венгры не платили Даніилу благодарностію за это, что̀ видно изъ ихъ поступка съ Романомъ [1]).—Католическое духовенство пользовалось тогда огромнымъ вліяніемъ за западѣ, и, при его нетерпимости [2]), весьма важно было пріобрѣсть его голосъ. Чтобы найти болѣе живую поддержку оттуда, Даніилъ задумалъ сблизиться съ Западомъ и въ религіозномъ отношеніи. Но, не получая помощи отъ папъ, онъ оставилъ свои намѣренія. Несмотря на разрывъ съ Римомъ, возложеніе на голову Даніила, по иниціативѣ послѣдняго, королевскаго вѣнца [3]), не заявившее себя сильнымъ вліяніемъ на внутреннюю жизнь

Въ »Continuatio . . .« читаемъ слѣдующее объ участи русскихъ: »Multi Ungari et *Ruteni* et Comani sunt occisi, sed multo plures in flumine Marchye, nec non in flumine Wach fugente rege Ungariae et filio suo Stephano sunt sumbersi«.

[1]) См. объ этомъ ниже.

[2]) Приведемъ въ примѣръ одно мѣсто изъ буллы папы Григорія IX (H. R. M. I, XXXIV): »мы не желаемъ и не должны терпѣть, чтобы вѣрные сочетались съ невѣрными брачнымъ союзомъ, потому что свѣтъ несовмѣстимъ съ *тьмою*, и неприлично членамъ Христа Спасителя соединяться съ *членами погибшаго сатаны*, а *смолѣ* смѣшиваться съ бальзамомъ«. Въ другой буллѣ русскіе ставятся на ряду съ сарацинами и »другими врагами католической церкви«.

[3]) Мы думаемъ, что оно случилось осенью 1253 г.*: лѣтопись говоритъ о немъ вслѣдъ за описаніемъ Чешскаго похода; послѣ коронованія былъ предпринятъ походъ на Ятвяговъ, а потомъ было вскорѣ роскалье, очевидно—весеннее (Пп., 549); къ этому же году отнесено Дорогичинское коронованіе Даніила и у Стрыйковскаго (I, 291), который, очень могло быть, въ этомъ случаѣ воспользовался сообщеніемъ какой-нибудь не дошедшей до насъ лѣтописи. Въ нашей лѣтописи находимъ только одно хронологическое указаніе, да и то не удовлетворительное: Даніилъ, по словамъ лѣтописи, былъ коронованъ еще при жизни Иннокентія IV, а послѣдній умеръ 7 декабря 1254 г. Разрывъ съ папою случился не позже начала 1255 г. [см. въ Hist. R. M., I, № XCIII—буллу Александра IV, помѣченную: II. Nonas Martii anno primo (1255).—Считаемъ не лишнимъ разобрать тутъ свидѣтельства о коронованіи Даніила, находящіяся у Длугоша и у Стрыйковскаго. Первый относитъ это событіе къ 1246 г.; но соглашеніе съ Римомъ, хотя какое-нибудь, не пришло къ концу еще и въ 1247 г. (см. H. R. M., I, № LXXII); притомъ мы не имѣемъ основаній предпочитать Длугоша нашей лѣтописи; послѣдняя можетъ сказать въ оправданіе его только то, что папа *предлагалъ* корону Даніилу задолго до Дорогичинскаго

* Сохранилась папская булла, помѣченная »II. Idus Maii« 1253, упоминающая о письмахъ къ папѣ Даніила. Не было-ли коронованіе отвѣтомъ на эти письма?

юговападной Руси, много значило для внѣшнихъ ея отношеній. Королевскій титулъ остался за Даніиломъ [1]), и католическій міръ зналъ его, какъ *короля*, возведеннаго въ это достоинство *папою*. Западъ ближе познакомимся съ Даніиломъ и сталъ на него смотрѣть нѣсколько иначе и по другому поводу. Кто изъ ближайшихъ сосѣдей Даніила не узналъ его стройныхъ полковъ? По словамъ лѣтописца, кромѣ Даніила, »иный князь не входилъ бѣ въ землю Лядьску толь глубоко, проче Володимера великаго, иже бѣ землю крестилъ [2])«. Тоже говоритъ онъ и относительно Чехіи: »не бѣ бо в землѣ Русцѣй первее, иже бѣ воевалъ землю Чешьску, ни Святославъ Хоробры, ни Володимеръ святый [3])«. Во время этого похода Даніилъ водрузилъ на стѣнахъ одного города свое знамя [4]), а какой-то »Гѣрьбортъ присла Даніилови мечь и покорение свое [5])«. Другая лѣтопись говоритъ: »Даніилъ Романовичъ по сей славной побѣдѣ въ Чехахъ началъ всюду славенъ быти, яко и папа Римскій величаше его и присла ему свое благословеніе и знаменія кр

вѣнчанія 1253 г. (Даніилъ отвергнулъ ее); онъ называетъ Даніила королемъ (rex) сразу,—когда и помину не было о короновапіи (H. R. M. I, LXII—LXIV); въ 1247 г. онъ чтилъ такимъ же титуломъ и Василька (ibid., LXVII, LXIX, LXXIV, LXXVI). По словамъ Стрыйковскаго, Даніилъ былъ короноваиъ дважды: въ Кіевѣ въ 1246 г. и въ Дорогичинѣ въ 1253 г. Не вдаваясь въ указаніе нѣкоторыхъ несообразностей въ его разсказѣ, объяснимъ, какъ онъ сложился. Польскіе историки, которыми пользовался Стрыйковскій, говорили о коронаціи Даніила подъ 1246 г., а русскіе ставили это событіе подъ 1253 г. Стрыйковскій пытался примирить это противорѣчіе, принявъ два вѣнчанія и полагавши первое изъ нихъ въ Кіевѣ, и не подумалъ о томъ, что, послѣ совершенія одного, въ другомъ не было надобности. Вообще польскіе историки не знали, къ какому времени отнести это короноваиіе. Нѣкоторые изъ нихъ, по словамъ Сарницкаго (p. 280), клали его подъ 1260! въ числѣ послѣднихъ и Кромперъ (lib. IX).

[1]) Такъ титулуетъ его самъ папа въ укорительной буллѣ 1257 г. (H. R. M., I, XCV); такъ же называетъ его король Богемскій въ письмѣ къ папѣ въ 1260 г., тогда какъ польскіе князья упомянуты имъ подъ названіемъ *duces* (Pertz, IX, 184); наконецъ *rex*'омъ называютъ его разные анналы, наприм. Annal. Polon. I. IV (Pertz, XIX, 636 — 637). Плано-Карпини знаетъ его еще такъ *dux*'а.

[2]) Ип., 505.

[3]) Ibid., 545. Лѣтописецъ забылъ про Владиміра Мономаха.

[4]) Ibid., 547.

[5]) Ibid., 548.

левская« [1]). Русскія войска видѣли даже отдаленную Ригу [2]). Наконецъ, сынъ Даніила сидѣлъ нѣкоторое время на австрійскомъ герцогскомъ престолѣ [3]). И хотя папа велѣлъ епископу Ольмоцкому и Вреславль-

---

[1]) II. c. p. l., II, 341.

[2]) Ип., 542.

[3]) Въ 1251 г. Гертруда, племянница послѣдняго австрійскаго герцога изъ дома Бабенберговъ, уступила всѣ свои права на Австрію и Штирію Белѣ. Желая добыть для себя во что бы то ни стало эти земли, Бела рѣшился втянуть въ войну и Даніила и для того переуступилъ его сыну свои права на Австрію съ тѣмъ, чтобы тотъ женился на Гертрудѣ, обѣщая помочь ему утвердиться въ тѣхъ областяхъ (въ »Continuatio Garstensis«: Pertz, IX, 599, намѣреніе Белы объяснено такъ: »ut ex hoc ipse rex (i. e. Bela) ducatus Austrie et Styrie sibi posset iustius vendicare«). По приглашенію Белы, Даніилъ явился съ Романомъ въ Австрію [такъ въ нашей лѣтописи—стр. 545; въ »Continuatio Garstensis« (l. c.) о Романѣ говорится, что онъ »apud ipsum (i. e. Belam) tunc degebat«], заключилъ съ королемъ договоръ (Ип., 545), и, послѣ того, въ 1252 г. [»Contin. Garstensis«, l. c.; »Contin. praedicat. Vindobon.«—у Pertz'a, IX, 727; »Chronicon Claustro—Neoburgense« у Pez'a, I, col. 462; »Anonymi Leobiensis Chron.« — ibid., col. 821; подъ 1253 г. мы нашли упоминаніе о томъ только въ »Anonymi Coenobitae Zwetl. Chron.« — у Pez'a I, col. 982] было совершено въ Гинцбергѣ бракосочетаніе Романа (о томъ, что это случилось въ Гинцбергѣ, говорятъ: »Germ. Austriae Chron.«, ut supra, col. 1074; »Anon. Leob. Chron.«, ut supra, col. 822; »Thomae Ebendorfferi de Haselbach Chron. Austr.«—Pez, II, col. 729). Король обѣщалъ новобрачнымъ добыть всю Австрію, но Гертруда не вѣрила и заставила его поклясться (Ип., 554). Взявъ съ собою сына Гертруды отъ перваго ея мужа будто для того, чтобы женить его на своей дочери (Ип., 555), Бела удалился, оставивъ Романа въ Нейбургѣ [Hinperg'ѣ, въ которомъ происходила свадьба? У Карамзина (IV, пр. 101) и С. М. Соловьева (III, стр. 232): въ Нейбургѣ. По Szalay'ю (II, 77), Романъ оставилъ жену въ Юденбургѣ]. Тутъ Романъ долженъ былъ выдерживать постоянныя нападенія Оттокара [»Герцогъ« говоритъ ему: »ужика ми еси и сволкъ«, Ип., 554. а родственница Романовой жены была именно за Оттокаромъ; о нападеніяхъ Оттокара говоритъ и »Continuatio Garstensis«; между прочимъ, тамъ сказано, что Оттокаръ »per consilium et auxilium Alberonis de Chunringe, in inferioribus et superioribus eiusdem terre (i. e. Austrie partibus *iam regnaret*«] и тщетно просилъ Белу о помощи: король »не помогашѐтъ ему, лесть бо имяшѐтъ хотя городовъ его«. Въ концѣ концовъ, въ 1253 г. Романъ (»Coron. Claustro-Neob.«, ut supra, »Anon. Leob. Chron.«, ut supra, col. 822; въ нѣкоторыхъ хроникахъ вся исторія Романа разсказана подъ однимъ 1252 г.: »Contin. Garstensis« и »Contin. praedicat. Vindobonens.«, ut supra) ушелъ по увѣщанію самой жены, какъ говоритъ наша лѣтопись, оставивъ ее беременною. Дочь

скому проклясть Даніила и, потерявъ надежду на возможность обращенія Русскихъ мирнымъ путемъ [1]), называя ихъ схизматиками и ставя на одну доску съ татарами, проповѣдывалъ противъ нихъ ополченія для насильнаго ихъ подчиненія [2]), это не мѣшало католическимъ государямъ и государствамъ дружиться съ ними [3]), и югозападная Русь уже не выдѣлялась изъ ряда западныхъ державъ.

Помимо всего этого, много западнаго могла принять культура разсматриваемой Руси чрезъ иностранныхъ поселенцевъ, которые, насколько можно судить, пользовались довольно почетнымъ положеніемъ и считались какъ-бы равными кореннымъ гражданамъ. Въ 1268 г. по Ип. сп. [4]) во Владимірѣ »Марколтъ Нѣмчинъ зва къ собѣ всѣ князѣ на обѣдъ, Василка, Лва, Войшелка; и начаша обѣдати и пити и веселитися«. О Мстиславѣ Даниловичѣ говорится: »и созва бояры Володимѣрьскыя брата своего, и мѣстичѣ Русции *и Нѣмци*, и повелѣ *передо*

отъ этого брака Марія, по словамъ »Tabulae Claustro - Neoburgenses« (Pez, I, col. 1042), »warde verheirat Hertzog Steffan von Agram gelegen in Windischen Landen. Hertzog Steffan waz Künig Steffans von Hungern des Fünfften Haubtman in der Steirmarch«.

[1]) Послѣ Даніила энергическая пропаганда Рима прекращается на долго. Впрочемъ, званіе легата Руси не было уничтожено. См., напр., »Scarbiec« № 172.

[2]) »Scarbiec«, № 183, и »Русско-ливонскіе акты, собранные К. Е. Напьерскимъ« (Спб. 1868), № XXII: папская булла 1260 г. Нѣмецкому ордену; II. R. M., II, App., VI: булла 1264 г. Оттокару.

[3]) Мы находимъ нѣсколько указаній на то, что князья предпринимали частныя, а не какія-нибудь оффиціальныя поѣздки за границу къ иностраннымъ государямъ. Не упоминая о присутствіи въ 1235 г. Даніила и Василька при коронованіи Белы, обратимъ вниманіе на то, что въ 1246 г. Василько гостилъ у Конрада Мазовецкаго (Плано-Карпини, стр. 8; впрочемъ, можетъ быть, они собрались тогда на Ятвяговъ; см. Ип., 541), въ 1261 г. Даніилъ былъ на свадьбѣ младшаго сына Белы (»Th. Ebendorfferi de Haselbach Chron. Austr.«, ut supra, col. 731: »Nuptiae quoque celebratae in Vienna, in quibus rex Bela cum duobus filiis Stephano et Bela, cum Regibus *Rutenorum* et Masoviae, genero Regis Belae, et Rege Serviae, cum multis Ducibus praesens aderat«. Сл. Szalay, II, 87), а въ 1262 г. опять ѣздилъ въ Венгрію (Ип., 566 — 567).

[4]) Стр. 573. Объ этомъ Марколтѣ Стрыйковскій говоритъ (I, 305): »....Markolt Niemcin pan Ruski, który był zwierzchnim sprawcą i radcą u Daniła zmarłego króla Ruskiego«.

всими чести грамоту братну, о даньи землѣ и всѣхъ городовъ и столного города Володимѣря [1])«.

Иноземное вліяніе можетъ быть вреднымъ и губить народность: это доказала бывшая прежде польскою страною Силезія. Дѣло въ томъ, въ какой оно проникаетъ мѣрѣ и какія затрогиваетъ сферы. Въ югозападной Руси оно не переступило границъ. Главное—не былъ усвоенъ католицизмъ, который не замедлилъ-бы наложить на народъ свою тяжелую, гнетущую руку, и эта Русь осталась православною землею. Безъ всякаго посторонняго насилія, она могла повѣрять и исправлять свое собственное и развивать здоровую, самостоятельную культуру,—при знакомствѣ съ западомъ, но безъ преобладанія его.

Югозападная Русь могла идти съ того времени параллельно съ нимъ, не гонялась за нимъ, потому что была не ниже его. Что касается сосѣдившихъ съ нею Венгріи и Польши, то, быть можетъ, она была еще выше ихъ; такъ думаетъ Д. И. Зубрицкій [2]), и, кажется, его мнѣніе вѣрно. Укажемъ прежде всего на то, что мы не замѣчаемъ на сторонѣ Поляковъ и Венгровъ никакого превосходства въ военномъ дѣлѣ. Это видно въ лѣтописи на каждомъ шагу. Мы приведемъ нѣсколько выдержекъ, показывающихъ, какъ относились эти націи къ русскимъ войскамъ. Когда однажды Венгры сошлись съ Даніиломъ, »велику же полку бывшю его, устроенъ бо бѣ храбрыми людьми и свѣтлымъ оружьемъ, онѣмъ же видящимъ, не хотяхуть сразитися с нимъ, но клопяхуться на Дьмьяна и на иные полкы [3])«. Подъ 1229 г. въ Ип. сп. [4]) читаемъ: »Кондрату же любящю Рускый бой«....; подъ 1245 [5]): »и уведевше ляхове яко крѣпцѣе брань Руская палежить, начаша просити милость получити«. Когда Даніилъ пошелъ на помощь Венгерскому королю, »бѣ полковъ его свѣтлость велика, отъ оружья блистающася«; король сказалъ ему тогда: »не взялъ быхъ тысяще се-

---

[1]) Ип., 596.

[2]) »Критико-историч. пов.«, стр. 87, § 8.—Сл. слѣд. слова Д. И. Иловайскаго: »наша гражданственность въ XII вѣкѣ стояла почти на равной высотѣ съ нѣмецкою и была выше польской«. (»О мнимомъ призваніи варяговъ«. »Русскій Вѣстникъ« 1871, № XI, стр. 50).

[3]) Ип., 512.

[4]) Ibid., 504.

[5]) Ibid., 529.

ребра за то, оже еси пришель обычаемь Рускимь отцевъ своихъ [1])«; значитъ, въ оригинальномъ русскомъ не видѣли ничего дурнаго, напротивъ, находили много хорошаго. А вотъ что случилось во время одного изъ походовъ короля Андрея на Русскую землю. »Пришедшю же ему Володимерю, дивившуся ему, рекъшу: »яко така градъ не изобрѣтохъ ни в Нѣмѣчскыхъ странахъ«; тако сущу оружьникомь стоящимь на немь блистахуся щити и оружиця подобни солнцю [2])« Если Венгры и теперь еще не вполнѣ освободились отъ азіатской грубости, то можемъ себѣ представить, каковы они были въ XIII в.; такая ихъ грубость достаточно видна изъ мѣстъ лѣтописи о временахъ господства ихъ въ Галичѣ [3]). Но оставимъ въ сторонѣ этихъ непосредственныхъ сосѣдей и возьмемъ Европу вообще. Что мы видимъ *тамъ?* Возрожденіе еще не начиналось, господствовали trivium и quadrivium. Какого рода были наши книжники? Объ одномъ изъ нихъ лѣтопись говоритъ такъ: »Бѣ бо Тимооѣй в Галичѣ премудръ книжникъ, отчество имѣя во градѣ Кыевѣ, притчею рече слово о семъ томителѣ Бенедиктѣ: яко в послѣдняя времена тремя имены наречется антихристъ [4])«. Такимъ образомъ, церковность преобладала и въ сатирѣ. Но по одному этому нельзя судить о тогдашней образованности. Авторъ галицко-волынской лѣтописи времени княженія Даніила, кромѣ св. писанія [5]) и отечественной исторіи, которая была извѣстна ему изъ существовавшихъ тогда лѣтописей [6]), зналъ: Малалу въ древнеболгарскомъ переводѣ [7]), Евсевія

---

[1]) Ibid., 541.

[2]) Ип., 510.

[3]) Подъ 1189 г. кіевская лѣтопись говоритъ о Венграхъ: »и почаша насилье дѣяти во всемь: и у мужий Галичкыхъ почаша отъимати жены и дщери на постелѣ к собѣ, и въ божницахъ почаша кони ставляти и въ избахъ иная многа насилья дѣяти« (Ип., 447 — 448). Галицко-волынская лѣтопись подъ 1205 г. сообщаетъ объ одномъ венгерскомъ воеводѣ слѣдующее: »бѣ бо томитель бояромъ и гражаномъ и блудъ творя, и оскверняху жены же и черницы и попадьи, вирагду бѣ антихр(п)стъ за скверная дѣла его (Ип., 483); о другомъ она говоритъ: »загордѣбося бѣ« (ib., 492).

[4]) Ип., 483.

[5]) Ibid., 494, 499, 528, 552.

[6]) Ibid., 508 и др.

[7]) Ibid., 507, строки 26 и 27 и прим. s. См. также »Лѣт. Переяславля-Суздальскаго«, изд. Оболенскимъ (М., 1851), стр. LVII.— По мнѣнію К. М. Оболенскаго, болгарскій переводъ хроники Малалы

Кесарійскаго [1]) и другихъ хронографовъ и Гомера, которому иногда даже подражалъ. Очевидно, подъ вліяніемъ послѣдняго онъ рисуетъ такую картину въ одномъ мѣстѣ: »Одинъ же воинъ управи десьницу свою, иземь рогатичю ис пояса своего, далече вергъ, срази князя Ятвяжьскаго с коня, и летящу ему до землѣ изыде душа его со кровью, во адъ [2])«. Прибавимъ замѣчаніе К. Н. Бестужева-Рюмина: »Читая лѣтопись южной Руси, убѣждаешься въ значительномъ успѣхѣ въ искусствѣ писанія, котораго достигли наши книжники въ періодъ до нашествія татаръ [3])«.

Подобныя явленія во внутренней жизни югозападной Руси были тѣмъ отраднѣе, что сѣверовосточная половина нашего отечества относительно культуры находилась въ иномъ положеніи...

III.

Изъ всего сказаннаго нами до сихъ поръ видно, что въ княженіе Даніила Галицкаго югозападная Русь вступила на новый путь и начала новую жизнь. Съ отбитіемъ Поляковъ и Венгровъ казалось, что никто уже не будетъ тревожить ее извнѣ.

Но и на новой дорогѣ она съ перваго же момента стала встрѣчать препятствія. Какъ разъ въ то время, когда начали выясняться иныя условія ея жизни, обозначилось явственно два врага ея самостоятельности [4]). Одинъ изъ нихъ былъ знакомъ Руси давно, но только до

находящійся въ одномъ сборникѣ съ лѣт. Переяславля-Суздальскаго, былъ списанъ въ 1261 г., и рукопись, которою пользовался Оболенскій, —точная копія съ этого древняго списка (ibid., XXII). Вставленная русскимъ переписчикомъ замѣтка о литовской миѳологіи наводитъ на мысль, не на югозападѣ-ли онъ жилъ.

[1]) Ип., 544.

[2]) Ibid., 552—553.

[3]) »Русская исторія«, I (Спб. 1872), стр. 254.

[4]) Современники точно также смотрѣли на дѣло, если считать подлинною рѣчь митрополита Кирилла, приводимую Татищевымъ подъ 1226 г. (III, 444); тамъ, между прочимъ, сказано слѣдующее: »Къ тому же время настоящее наипаче требуетъ отъ васъ (князей) согласія, понеже *со стороны Татара, а съ другую Литва предѣлы Рускіе губятъ*«.

разсматриваемой нами эпохи отличался не такими стремленіями, другой тогда только что явился. Мы говоримъ о Литвѣ и татарахъ. Въ стремленіи подчинить себѣ югозападную Русь они смѣнили собою западныхъ ея сосѣдей, принужденныхъ прекратить свои притязанія

1. Обращаемся къ Литвѣ.

Трудно допустить, чтобы она была мирнымъ сосѣдомъ Руси даже въ первое время, когда наши лѣтописи начинаютъ говорить о столкновеніяхъ съ нею [1]). Правда, онѣ вовсе не упоминаютъ объ ея нападеніяхъ до половины XII в. [2]), а извѣстія о томъ иностранныхъ лѣтописцевъ не могутъ быть приняты въ разсчетъ [3]); но это еще не гово-

---

[1]) Народы литовскаго племени уже готовы были тогда выступать за свои предѣлы съ цѣлью грабежа. Кадлубекъ говоритъ объ извѣстномъ Маславѣ: »Hic XX exercitatissimorum Cuspidariorum contra Casimirum armat exercitus exceptis Sagittariis balistis bipennantibus spatariis, imo *etiam Finitimis*, *tam equitum copiis quam peditum*, *qui eo spe questus illecti confluxerant: fortunam seculi non hominem!*— Quibus omnibus a Cassimiro confectis, non minores rursus vires instaurat; quatuor Maritimorum acies, *totidem Geticas* (подъ *Getae* Кадлубекъ разумѣлъ пруссовъ), nec non Dacorum ac Ruthenorum larga asciscens suffragia: quos nulla remoratur dificultas, non ut Amico morem gerant, sed ut hosticam odii rabiem, ut antiquam invidiae sitim cruore Polonorum expleant« (Pars I, p. 112—113). По словамъ Длугоша (lib. III, col. 223), Маславъ возбудилъ *Pruthenos*, ad quos confugerat, *Jacuingos*, *Slonenses*, *caeterique Pruthenici tractus barbaros*. Стрыйковскій говоритъ о нападеніяхъ литовцевъ на Польшу послѣ смерти Мечислава II (str. 161: »A Polskę bez zwierchnego pana, kto się nie lenił, najezdżał i trapił, tak Czechowie, Niemcy, Węgrowie, jako i *Prussowie pogani z Litwą*«, и при Казимірѣ [по словамъ Стрыйковскаго (I, 163), Ярославъ Казиміра »zawżdy rycerstwem Ruskim, przeciw Niemcom, Mazurom, Prussakom, *Litwie* i Czechom ratował«]; въ другомъ мѣстѣ (str. 85) онъ говоритъ о набѣгахъ на Польшу съ старыми пруссами одного изъ древнѣйшихъ жмудскихъ князей —Сперы.

[2]) Сомнѣніе можетъ быть только о разбитіи въ 1106 г. Зимѣголою Всеславича и его братьевъ (П. с. р. л., I, 120), но и въ этомъ случаѣ большіе основаній вмѣстѣ съ Карамзинымъ (И. Г. Р., II, стр. 82) думать, что нападавшими были полоцкіе князья. Татищевъ (II, 204) такъ и говоритъ.

[3]) Длугошъ (lib. IV, col. 394), говоря о походѣ Ярослава Святополковича [совершившемся по словамъ Ип. сп. въ 1112 г. (Ип., 196)], называетъ послѣднихъ »gentem molestam infestamque per frequentes excursiones Ruthenis«; но извѣстіе о походѣ взято Длугошемъ, какъ это видно изъ сличенія его разсказа съ кіевскою лѣтописью, цѣликомъ изъ послѣдней, и если въ ней нѣтъ сказаннаго имъ въ приведенныхъ нами

рить противъ нашего предположенія: нападенія литовцевъ, по всей вѣроятности, были незначительны и, пожалуй, не часты, и потому могли быть и не упомянуты въ лѣтописяхъ мѣстностей, на которыя не были устремлены; мѣстныя же лѣтописи княжествъ, страдавшихъ въ то время отъ литовцевъ [1]), до насъ не дошли. Русскіе были тогда сильны благодаря тому, что между князьями не было еще того разобщенія, какое мы видимъ впослѣдствіи, и, не ограничиваясь только отраженіемъ нападеній, предпринимали походы въ глубь самой Литвы съ цѣлью усмиренія ея обитателей, а иногда, быть можетъ, и съ цѣлью обложенія данью, или прямо съ цѣлью обогащенія добычею и въ особенности плѣнными [2]). Еслибы Русь представляла собою постоянно одно

словахъ, то слова Длугоша нужно признать выдуманнымъ имъ самимъ объясненіемъ на основаніи того, что̀ ему было извѣстно о Ятвягахъ позднѣйшаго времени. Стрыйковскій повторилъ разсказъ Длугоша (I, 183). — У Длугоша подъ 1103 г. (lib. IV, col. 352) говорится слѣдующее: »terrae Russiae a *Ruthenis* et *Lithuanis* vastatae sunt«; тоже повторилъ и Мѣховитъ, поставивши только вмѣсто *Ruthenis* — *Pruthenis* (*Ruthenis* въ текстѣ Длугоша, очевидно, опечатка), а Стрыйковскій (str. 181) къ пруссамъ и литовцамъ прибавилъ ятвяговъ. Длугошъ въ этомъ случаѣ исказилъ слова нашихъ лѣтописей, подъ тѣмъ же годомъ сообщающихъ, что на русскую землю нашли *прузи*, т. е. саранча. Ту же грубую ошибку допустилъ онъ и прежде подъ 1089 г. (lib. IV, col. 316, C); въ »Нов. врем. лѣтѣ« говорится подъ 1095 г. слѣдующее: »придоша прузи, мѣсяца августа въ 28, и покрыша землю и бѣ видѣти страшно, идяху къ полуночнымъ странамъ, ядуща траву и проса« (II. р. л., I, 98); у Длугоша читаемъ: »Succedunt Polowcys *Prutheni* et 28 Augusti terras *Russiae* in magna multitudine ingressi vastant illas«. Стрыйковскій (str. 175) къ пруссамъ опять прибавилъ литовцевъ и ятвяговъ.

[1]) Княжествъ: Волынскихъ, Полоцкихъ, Турово-Пинскихъ.

[2]) О плѣнныхъ упоминается часто. Такъ объясняемъ мы походы: Владиміра Св.—на ятвяговъ (983), Ярослава — на нихъ же (1038) и на литовцевъ (1040 и 1044), Изяслава — на Голядь (1059), Бориса Полоцкаго — на ятвяговъ (1102), полоцкихъ князей — на Зимѣголу (1106), Ярослава Святополчича — на ятвяговъ [1112 г. (Ип., 196) и 1113 (П. с. р. л., I, 127, гдѣ сказано: »Ходи Ярославъ, сынъ Святополчь, на Ятвягы *второе*)], Мстислава Мономахича—на Литву [1130: Татищ. II, 231. и 1131 по Лавр. (П. с. р. л., I, 132); подъ 1132 г. говор. о послѣднемъ походѣ: Ип., 212; подъ 1131: Ник. въ П. с. р. л., IX, 157; Воскрес. ibid., VII, 29]. Наши лѣтописи, по большей части, не вдаются въ подробности объ этихъ походахъ и не указываютъ основаній, по которымъ они были предприняты. Побужденія, которыми ру-

политическое цѣлое, то очень могло бы статься, что она покорила бы въ концѣ концовъ литовское племя. Но, при отсутствіи этого условія, если Русскимъ и удавалось иногда обложить данью литовцевъ, то такая зависимость послѣднихъ никогда не продолжалась долго [1]). Иногда

ководились князья, можно уловить, быть можетъ, только въ разсказѣ о весьма немногихъ изъ нихъ. Такъ, напр., можно думать, что походъ на ятвяговъ Бориса былъ предпринятъ съ цѣлью добычи, потому что сообщающій о немъ Татищевъ говоритъ (II, 199): »Борисъ Всеславичъ Полоцкій ходилъ на Ятвягъ и, побѣдя ихъ, возвратясь, поставилъ градъ Борисовъ въ свое имя и людьми населилъ« (у Даниловича же: »Latopisiec Litwy i kronika Ruska«, Wilno 1827, str. 122, прим. 16, говорится, что Борисовъ основанъ Борисомъ Всеволодовичемъ; показанія объ основаніи Борисова литовскихъ лѣтописей мы приведемъ ниже), равно какъ и походъ на ятвяговъ Ярослава Святополчича (Татищевъ говоритъ о немъ, что онъ »побѣдя ихъ многихъ побилъ, по плѣнниковъ мало досталъ, понеже никто живъ даться не хотѣлъ, а въ лѣса за ними гнаться Русскіе не смѣли«).

[1]) Длугошъ говоритъ, что до 1205 г. литовцы были постоянными данниками Русскихъ. Подъ 1205 г. у него читаемъ: »Tum quoqu primum Lithuanicae gentis nomen, quod in eum latebat diem, auditum: serui enim Ruthenorum existentes, annis pluribus persomata et suberes pendebant (lib. VI, col. 599); къ тому же предмету онъ возвращается еще нѣсколько разъ; lib. X, col. 116: »Principes Russiae et Kionienses profectibus eorum (i. e. Lithuanorum) permoti, ipsos, quoniam siluas eorum ditionis occupassent, vite tamen et modestum in signum tantummodo ditionis et dominii, illos coëgerunt. Pendebantque pro tributo annis multis ex quercinis frondibus persomata, cum crassius ab his, ob terrae sterilitatem, excipi non posset«; подобное же читаемъ выше—col. 115, A; lib. X, col. 117: »imperent nunc Ruthenis, ob quorum imperio annis prope mille, velati servile vulgus, fuere«. Мѣховитъ къ *perisomata* и *suberes* прибавилъ *pelles*. Это свидѣтельство Длугоша рѣшительно не выдерживаетъ критики: какъ увидимъ ниже, нападенія литовцевъ начались задолго до указываемаго Длугошемъ времени выступленія литовцевъ на сцену; и до начала этихъ постоянно упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ набѣговъ частые походы князей, начиная съ Владиміра I, показываютъ, что Русскіе не могли прочно утвердить тамъ свою власть. —Стрыйковскій также считаетъ данничество со стороны Литвы преобладающимъ явленіемъ въ отношеніяхъ ея къ Руси въ первый періодъ, но считаетъ — съ значительными ограниченіями въ сравненіи съ Длугошемъ и вообще характеризуетъ отношеніе Русскихъ и литовцевъ довольно близко къ истинѣ. Вотъ его слова: »...Rusey monarchowie po długich a częstych nim wojnach, jako możniejszy, tak srogo byli zwyciezyli, zniewolili, zhołdowali i sesnęli, że w lesiech Litwina z Żmodzinem do tych czasow ani słychać było, bo się jeszcze gruntownie nie rozkrzewili byli. A Ruska ni-

Русскіе терпѣли даже неудачи во время походовъ. Прятавшіеся въ лѣсахъ жители, предоставлявшіе нападавшимъ грабить ихъ села, ударяли нечаянно на отставшихъ [1])

Начиная со второй половины XII столѣтія, можно положить второй періодъ въ отношеніяхъ Руси къ Литвѣ, когда послѣдняя является энергическимъ нашимъ врагомъ. О ея набѣгахъ начинаютъ говорить

narchia nie tylko Litwie... w podaniach była z dawnych lat, zwłaszcza lata od Chrystusowego zbawiennego narodzenia 861, czasu Holga, Igora, Ruryka, xiążąt, także za Swentosława, Włodzimirza i Jarosława... za których też monarchów Ruskich już Litwa była znaczna, ale Rusi, dla przyległości, poddana być musiała (ср. str. 219: »służyła Litwa Rusi«; ср. также разсказъ о Монтвилѣ Гимбутовичѣ на стр. 234) Wszakże gdy upatrzyli czas, do Ruskich xięztw najeżdżali« (I, 217).—Въ древнѣйшихъ нашихъ лѣтописяхъ мы нашли одно только указаніе на платежъ Руси дани со стороны литовскихъ племенъ: »А се суть инии языци, иже дань даютъ Руси: Чюдь, .. Литва, Зимигола, Корсь ..« (П. с. р. л., I, 5). Въ *Перепсл.* прибавлено о Литвѣ: »испрьва исконнии данници и конокрьмци«. О ней говоритъ также Воскресенская лѣтопись (П. с. р. л., VII, 164 и 253) и упоминаютъ наши народныя пѣсни. Въ одной былинѣ (»Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ«, ч. I. М. 1861, № 12, стр. 73) Илья Муромецъ говоритъ:

Жилъ я во хороброй Литвы
По три-году поры времени,
Выхаживалъ выходы отъ князя Владиміра.

Ср. слова Кояловича (Historia Lithuaniae, t. I, p. 36), что Литва находилась въ зависимости отъ Русскихъ, когда Владиміръ княжилъ въ Новгородѣ.—Приведемъ здѣсь еще два слѣдующія извѣстія Татищева: »983. Ходилъ Владиміръ на Ятвягъ, и побѣдя ихъ, *покоря землю себѣ*, возвратился къ Кіеву« (II, 62); »1040. Ярославъ ходилъ на Литву, которыхъ покоря, возложилъ дань и возвратился«.

[1]) Къ извѣстію начальной лѣтописи о томъ, что Ярославъ I Владиміровичъ ходилъ на ятвяговъ, въ Ник. (П. с. р. л., IX, 81), Воскрес. (ib., VII 331) и Соф. Врем. прибавлено, что опъ не могъ ихъ взять; въ нѣкоторыхъ спискахъ, напротивъ, прибавлено: »И побѣди«; у Татищева мы находимъ: »Ходи Ярославъ на Ятвяги и побѣдилъ ихъ, но градовъ (?) ихъ взять не могъ, ибо не хотѣлъ со стѣнами битися и людей терять, скота же и имѣнія по селамъ множество набравъ, возвратился« (II. 107); не пытался-ли этимъ Татищевъ примирить разнорѣчивыя показанія? — О второмъ походѣ Мстислава Владим. Кіевская лѣтопись говоритъ: »и пожгоша я (т. е. литовцевъ), а сами ся разхоронивша, а Кіянъ тогда много побиша Литва, не вгляли бо бяху съ княземъ, но послѣди идяху«. Ср. Татищева II, 242. О пріятіи въ лѣсахъ ibid., 210, 241—242.

лѣтописи всѣхъ смежныхъ съ нею русскихъ земель. Нельзя сказать, чтобы литовцы оставались безъ возмездія. Нерѣдко они терпѣли жестокія пораженія въ русской землѣ [1]), не говоря о томъ, что отъ нихъ часто отнимали добычу [2]), но это ихъ не останавливало, равно какъ и походы Русскихъ на Литву, которые были предпринимаемы не всѣми князьями вмѣстѣ, а порознь, при чемъ, конечно, князья не были особенно страшны литовцамъ [3]). Сами же литовцы въ своемъ бытѣ, мало

---

[1]) Въ 1210 г. они были избиты новгородцами въ Ходыничахъ. Въ 1219 г. Мстиславъ Черниговскій избилъ *всю* нападавшую Литву; въ 1225 г. Ярославъ, нагнавши литовцевъ, не только отнялъ добычу, но и избилъ ихъ 2000.

[2]) Напр., новгородцы—въ 1200 г.

[3]) Татищевъ подъ 1173 (III, 182 — 183) говоритъ о походѣ на Литву Романа Смоленскаго, но въ лѣтописяхъ о немъ пѣтъ нигдѣ и намека. Затѣмъ извѣстны походы: псковскаго тысяцкаго Будила—1183 г. (Тат. III, 252); полоцкихъ князей на Литву, а новгородцевъ съ Ярославомъ Владиміровичемъ — на Зимеголу [по Никон. II, 257, знающей только о послѣднемъ походѣ, это случилось въ 1191 г., а по Татищеву (III, 301)—въ 1192 г.]; Ольговичей на Литву въ 1205 г. [такъ въ *Кенигсб.*, стр. 299 (сл. П. с. р. л., I, 179); по словамъ Новгородской лѣтоп. (П. с. р. л., III, 26), Никон. (II, 277), Воскрес. (П. с. р. л., VII, 108), Татищева (III, 338), это случилось въ 1203 г. Въ дошедшихъ до насъ извѣстіяхъ это столкновеніе съ Литвою представляется различно. Наши лѣтописи просто говорятъ: »Побѣдиша Ольговичи Литву, и убиша ихъ 1700«. Татищевъ утверждаетъ, что Ольговичи предпринимали походъ на Литву по приглашенію полоцкихъ князей. Длугошъ нападавшими считаетъ литовцевъ; Стрыйковскій, на основаніи неизвѣстныхъ намъ данныхъ, говоритъ (I, 215), что литовцы были побиты, когда возвращались съ набѣга, подстерегавшими ихъ Ольговичами »w Słomińskich polach«]. Потомъ извѣстно *нѣсколько* походовъ Романа Вел. Наши лѣтописи упоминаютъ только объ одномъ изъ нихъ, предпринятомъ имъ въ 1196 г. на ятвяговъ для отомщенія имъ за набѣги (—на Подляшіе, прибавляетъ Татищевъ III, 324—325; Ип. спис. подъ 1196 г., стр. 471); но онъ ходилъ и на собственную Литву и даже далѣе, какъ о томъ свидѣтельствуетъ »Слово о полку Игоревѣ«. Обращаясь къ Роману и его двоюродному брату Мстиславу, поэтъ говоритъ: »Тѣми тресну земля и многи страны Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела...« (»Слово о полку Игоревѣ« по изд. 1800, стран. 31—32); Деремела. по Карамзину (III, прим. 114), — одинъ изъ латышскихъ народовъ. На основаніи Стрыйковскаго, можно думать, что этихъ походовъ на Литву было нѣсколько; вотъ его слова: *Aż iż Litwa wybyta tu się często* z poddaństwa, jako lud pogański nieuhamowany i niespokojny, tedy ile uphów Litewskich przez miecz dostał, wszystkich do

знакомомъ съ земледѣліемъ, не находили ничего, прикрѣплявшаго къ мѣсту [1]). Одному только могущественному Роману удалось сколько-нибудь обуздать ихъ [2]). Не находя дружнаго и потому сильнаго отпо-

---

bydlęcych robót, co miały konie i woły robyć, przymuszał«. Тоже самое онъ разсказываетъ выше (str. 202) о Романѣ Ростиславичѣ, къ которому, по его словамъ (тоже повторяетъ и Татищевъ III, 188), относится извѣстная пословица: »Романъ, Романъ! лихимъ кормишься, Литвою орешь«; но справедливѣе вмѣстѣ съ Карамзинымъ (III, пр. 114) отнести это къ Роману Мстиславичу, который извѣстенъ своими походами на Литву и »бѣ изостримся на поганыя яко левъ« (Ип., 540) и »губяше яко и коркодилъ, и прехожаше землю ихъ яко и орелъ« (ibid., 480), и къ характеру котораго это болѣе шло; не повторилъ-ли Татищевъ словъ Стрыйковскаго? впрочемъ, у него эта пословица является въ нѣсколько иномъ видѣ. — Въ 1200 г. ходилъ на Летьголу великолуцкій воевода Незделя Пехкиничь (П. с. р. л., III, 25). Въ 1224 г. на Литву ходили жители Русы, но были разбиты (ibid. 39).— Въ концѣ XII-го стол. Рюрикъ Ростиславичъ нѣсколько разъ собирался на Литву (одинъ разъ въ 1190 г. и два раза въ 1193 г.), но всякій разъ ему что-нибудь мѣшало (Ип., 452, 455, 456).—Мы перечисляемъ походы, случившіеся до выступленія Даніила въ качествѣ самостоятельнаго дѣятеля.

[1]) По всей вѣроятности, всѣ граничившія съ Русью литовскія племена пребывали въ томъ же бытѣ, какой мы находимъ въ XIII ст. у ятвяговъ. Образъ жизни послѣднихъ прекрасно описанъ Ярошевичемъ (»Obraz Litwy«, cz. I, str. 15—16). Разсказывая о походѣ 1261 г. на литовцевъ, самогитовъ, ятвяговъ и др., Длугошъ (lib. VI, col. 702) говоритъ, что они сѣяли хлѣба мало: »cum residuum iter, quo in interiora *Lithuanorum* et aliarum nationum peruersarum penetrandum erat viscosum, et pluribus difficultatibus refertum esset, fames quoque pabulorum, *barbaris frumenta pauca serentibus*, et haec ipsa in syluis et paludibus occulentibus, crederetur exercitui tanto occursura...« — О ятвягахъ Длугошъ сообщаетъ (ad a. 1264, lib. VII, col. 771), что они »*pecore* plurimum abundabant«.

[2]) Stryjkowski, str. 211: »Litwę też i Jatwieżów, ludzi lesnych w sąsiedztwie przyległych, zwojował, zhołdował i do posłuszeństwa Ruskiego znowu przypędził«. Если вѣрить Стрыйковскому, то они были даже принуждены идти подъ его знаменемъ въ его послѣднемъ походѣ на Польшу (str. 212: »...zebrał wielkie wojsko jezdne i piesze, prawie ze wszystkiej Rusi, *z Jatwieżów i z Litwy*«). Нѣкоторые польскіе историки вмѣстѣ съ его смертію кладутъ освобожденіе литовцевъ отъ русскаго гнета.—Народъ помнитъ Романа Мстиславича именно съ этой стороны его дѣятельности. Когда въ одной былинѣ (Рыбниковъ, I, № 73) плѣнники литовскаго короля просятся на Русь, онъ говоритъ:

ра, небольшіе отряды литовцевъ [1]; едвали не ежегодно вырывались на быстрыхъ коняхъ [2]) изъ лѣсовъ; трубя въ длинныя трубы, одѣтые въ шкуры, съ такими же шапками, вооруженные самымъ простымъ образомъ, они нападали на русскія земли, грабили все попадавшееся, особенно скотъ, жгли, чего не могли взять, и особенно старались увести побольше плѣнныхъ, изъ которыхъ нѣсколько человѣкъ приносили иногда въ жертву богамъ. Если же ихъ настигало русское войско, они вступали въ бой съ крикомъ и подражая разнымъ голосамъ: перѣдъ не уступали до конца и ложились всѣ на мѣстѣ. Если ихъ не успѣвали поймать на чистомъ полѣ, то нужно было оставлять всякую мысль о преслѣдованіи: они разбѣгались по болотамъ, озерамъ, островамъ, прятались въ ущельяхъ [3]). Литовцы начинаютъ разыгрывать на запад

»Не дамъ я вамъ силы сорокъ тысячей
И не дамъ прощеньица благословеньица,
Чтобы ѣхать вамъ на святую Русь,
Ко князю Роману Митріевичу на почестный пиръ,
Сколько я на Русь не ѣзживалъ
А счастливъ съ Руси не выѣзживалъ.
Поѣзжайте вы во землю во Левонскую...«

Доказательства того, что это относится къ Роману Мстиславичу, см. въ замѣткѣ П. Б. на концѣ сборника (стр. IV—V).

[1]) Самая большая цифра, упомянутая въ лѣтописяхъ,—7000 человѣкъ; въ 1200 г. новгородцы убили 80 человѣкъ изъ нападавшихъ.

[2]) Есть, впрочемъ, примѣры, что они воевали и пѣшкомъ. Ип., 51

[3]) Такое описаніе литовскихъ набѣговъ мы предложили на основаніи довольно нагляднаго изображенія ихъ у Стрыйковскаго на стр. 215, 220 и 235. Наши народныя пѣсни также не забыли ихъ (см. Рыбникова №№ 73 и 74). Литва въ этихъ пѣсняхъ называется, большею частію, »хороброю« (ibid., 72, 73, 178—186, 187, 202, 236 стр. и д.). Стрыйковскій говоритъ о набѣгахъ Литвы и ятвяговъ еще въ времена Романа Ростиславича (I, 202). На юго-зап. Русь лѣтопись впервые упоминаетъ о нападеніяхъ ихъ въ княженіе Романа (Ип., 471). Псковъ, по лѣтописямъ, подвергся первому нападенію, кажется въ 11.. г. (П. с. р. л., III, 18); около этого же времени кажется, начали терпѣть отъ литовцевъ и новгородцы; въ лѣтописи читаемъ: на Ярослава Владиміровича »негодовахуть Новгородьци, зане *много творяху по кости волости Новгородскѣи*« (ibid.). На смоленскую область извѣстно нападеніе 1217 г. (о немъ сохранилось извѣстіе только у Длугоша lib. VI, col. 602, который занесъ его подъ 1207 г.; за неимѣніемъ мѣста для этого, мы отлагаемъ объясненіе того, почему мы считаемъ вѣроятнымъ это извѣстіе и почему отнесли его къ 1217 г.). На Черниго

ной окраинѣ туже роль относительно насъ, какую на востокѣ выполняли Половцы, не исключая того, что стали принимать участіе въ усобицахъ русскихъ князей [1]).

Съ такимъ же характеромъ разбойническаго, расчлененнаго на множество мелкихъ волостей народа является Литва и при Даніилѣ. При этомъ, изъ трехъ, примыкавшихъ болѣе или менѣе къ границамъ его владѣній, литовскихъ племенъ—Литва и Жмудь готовы были входить въ сдѣлку, какъ это мы видимъ въ договорѣ о мирѣ, заключенномъ между 1219 и 1221 гг. [2]). Договоръ этотъ, сколько можно замѣтить, поддерживался довольно долго [3]). Въ это время Литовцы были даже полезны Даніилу, принудивши Лешка своими набѣгами на Польшу, по приглашенію перваго, къ заключенію мира съ Даніиломъ и превращенію непріязненнаго образа дѣйствій относительно послѣдняго [4]). По словамъ Стрыйковскаго [5]), они помогали и Мстиславу въ его походѣ на Галичъ. Но около времени татарскаго нашествія договоръ, вѣроятно, потерялъ силу, и мы встрѣчаемъ постоянныя вторженія литовцевъ, хотя, какъ

извѣстенъ набѣгъ литовцевъ въ 1209 г. [Ник. II, 344;—Воскр. П. с. р. л., VII, 128,—къ 1220 г. это относитъ, Стрыйковскій (I, 233)—къ 1218 г.]. Особенно должны были страдать волости полоцкія и турово—пинскія (указаніе о послѣднихъ см. въ Ип., 503, 530, 531; Stryjkowski, I, 215). И. Д. Бѣляевъ представляетъ въ черезчуръ розовомъ цвѣтѣ отношенія полочанъ и литовцевъ.

[1]) Ип. сп. подъ 1162, стр. 355: »приходи Рогволодъ (одинъ изъ полоцкихъ князей) на Володаря съ Полотьчаны къ Городцю, Володарь же не да ему полку во дне, но ночь выступи на нь изъ города *с Литвою*«...—Литва участвовала въ походѣ 1169 г. на Кіевъ (П. с. р. л., IX, 237).— Ип., 1180 г., стр. 419: »И придоша Полотьскии князи въ стретение, помагающе Святославу: Васильевичи Брячьславъ изъ Витебска, братъ его Всеславъ съ Полочаны, съ ними же бяхуть и Либь и *Литва*....«

[2]) Лѣтопись говоритъ о немъ подъ 1215 г. и помѣщаетъ его между первымъ изгнаніемъ Мстислава изъ Галича и вторымъ его походомъ на послѣдній.

[3]) Въ 1229 г. литовцы воевали съ поляками; »*миряще мирни суще*, и придоша ко Берестью...« Ип., 503.

[4]) О нападеніяхъ литовцевъ на Польшу упоминаетъ Длугошъ (lib. VI, ad. a. 1214, col. 611, A) и Стрыйковскій (I. 220), при чемъ они толкуютъ о небываломъ пораженіи какихъ то небывалыхъ въ тѣхъ мѣстностяхъ русскихъ князей (Dlug. ibid.; Stryjk., I, 228—229).

[5]) I, 226.

увидимъ послѣ, въ нихъ принимала участіе бо вся Литва. Одинъ разъ они воевали около Пересопницы [1]), въ другой разъ—около Мѣльницы и Лековни [2]). Нападенія можно было опасаться каждую минуту. Плано-Карпини, проѣзжавшій чрезъ южную Русь въ 1246 г., говоритъ: »Дорогою мы были безпрестанно въ опасности отъ Литовцевъ, которые вообще часто дѣлали набѣги на Русскую землю, а на тѣ мѣста, которыми намъ приходилось проѣзжать,—въ особенности [3])«.—Ятвяги же, отличавшіеся неукротимымъ характеромъ [4]), были постояннными врагами югозападной Руси. Около 1228 г., по удаленіи Мстислава изъ Галича, они повоевали земли около Берестья [5]); вскорѣ затѣмъ они опустошили страну около Охожа и Бусовна [6]). Было много и другихъ набѣговъ. Вотъ что говоритъ лѣтопись: »Василко бо бѣ возрастомъ середній, умомъ великъ и дерзостью, иже иногда *многажды побѣжаше поганые*... И во иная времена, Божиею милостью, избьени быша погании, ихъ(ъ) же *не хотѣхомъ писати отъ множества ради* [7])«.

Конечно, подобныя нападенія весьма мѣшали благосостоянію страны, но все-таки не представляли еще серьезной опасности и могли быть усмирены безъ особенныхъ трудовъ союзомъ князей югозападной Руси, что̀ мы и видимъ въ княженіе Даніила съ ятвягами. Ограничиваясь первоначально только отраженіемъ набѣговъ [8]) или ихъ предупрежденіемъ [9]) и имѣя возможность посылать на Литву воеводъ съ небольшими

---

[1]) Ип., 530.

[2]) Мѣльница—м. Вол. губ., Луцкаго у., на р. Стохадѣ. »Мат.« Барсова, 131.

[3]) Стр. 8.

[4]) Кадлубекъ (II, 86) говоритъ о нихъ: »gens atrocissima, omnium ferarum immanitate truculentior. И теперь еще »они рѣзко отличаются отъ бѣлоруссовъ и литовцевъ грубыми нравами и свирѣпою наружностію, такъ что у Бѣлоруссовъ существуетъ поговорка: *»вигляда якъ ядвига«*, т. е. смотритъ разбойникомъ« (»Вѣстникъ Ю.-З. и З. Россіи«, 1862, октябрь; ст. Лебедкина: »О племенномъ составѣ народонаселенія зап. края Россійской имперіи«, стр. 3).

[5]) Ип., 502.

[6]) »Преже же войни Даниловы Черниговьское«. Охожа и Бусовно не указываются изслѣдователями. Судя по словамъ лѣтописи: »и еще бо Холму не поставлену бывъшю Даниломъ«, они находились гдѣ-то въ Холмской области. Ип., 530—531.

[7]) Ип., 531.

[8]) Ibid., 502, 530—531.

[9]) Мы уже упоминали о Владимірѣ пинскомъ, посаженномъ въ

только отрядами [1]), Даніилъ, съ успокоеніемъ страны внутри, предпринимаетъ съ братомъ, въ союзѣ съ польскими князьями [2]), нѣсколько блестящихъ походовъ на ятвяговъ [3]). Всякій разъ онъ наносилъ имъ сильное опустошеніе, сожигая деревни, забирая имущество и уводя множество плѣнныхъ, а иногда избивая въ селѣ всѣхъ до единаго почти жителей [4]). Несмотря на то, что противъ него собиралась вся Ятвяжская земля, приводившая къ себѣ на помощь вармовъ [5]), пруссовъ и бортовъ [6]), сопротивляться не было возможности. »Воемъ же всимъ съсѣдиимъ, и воружьшимъся пѣшьцемь изъ стана; щитѣ же ихъ яко зоря бѣ, шоломъ же ихъ яко солицю восходящу, копиемъ же ихъ дрьжащимъ в рукахъ яко тръсти мнози, стрѣлцемь же обаполъ идущимъ, и держащимъ в рукахъ рожанци своѣ, и паложившимъ на нѣ стрѣлы своя противу рагимъ. Данилови же на копѣ сѣдящу и воѣ рядящу, и рѣша Пруси Ятвязем: »можете ли древо поддрьжати сулицами, и на сие рать дерьзнути«? Они же видѣвше и возвратишася восвояси [7])«. Въ другой разъ »приѣха отъ Ятьвязь Юндилъ, рекшу ему сице: »Данило! добру дружину держиши и велици полци твои [8])«. И вотъ ятвяги пріѣхаши »дающе таль и миръ, молящеся дабы не избилъ колодниковъ... Хотящу же ему паки изыти на нѣ на брань и сбирающу воя, увѣдавше

1229 г. въ Берестьѣ. Подъ 1241 г. лѣтопись говоритъ: »Василко же князь осталъ бѣ стеречи землѣ отъ Литвы« (Ип., 526).

[1]) »Иногда многажды посылающима шла на поганые«. Ип., 531.

[2]) Именно въ союзѣ съ тѣми князьями, области которыхъ были смежны съ землею ятвяговъ, т. е. въ союзѣ съ Сомовитомъ мазовецкимъ и Болеславомъ Стыдливымъ краковскимъ.

[3]) Первый походъ, по нашему мнѣнію, имѣлъ мѣсто около 1248 г.; лѣтопись ставитъ его подъ 1251 г., но, по ея словамъ, онъ послѣдовалъ вскорѣ за смертію Болеслава Конрадовича, а послѣдній умеръ, по словамъ Репелля (»Gesch. pol.«, I, 490), вскорѣ послѣ своего отца, скончавшагося въ 1247 г. Другой походъ отнесенъ въ лѣтописи къ 1255 г., но онъ былъ совершенъ послѣ коронованія Даніила, которое случилось въ 1253 г. (см. выше); третій она кладетъ подъ 1256 г., а мы полагаемъ, что онъ совершился около 1254 г.

[4]) Ип., 552.

[5]) Вармія, по словамъ Шегрена,—старопрусская провинція. »Лѣт. по Ип. сп.«, 539, прим. 3.

[6]) Борты, по мнѣнію Арцыбашева (III, прим. 101),—жители старой Пруссіи, Растенбургскаго округа, гдѣ городъ Бартенштейнъ.

[7]) Ип., 540.

[8]) Ib., 553.

же Ятвязи се, послаша послы своя и дѣти своя, и дань даша, и обѣщевахуся работѣ быти ему и городы рубити в землѣ своей [1])«. Вскорѣ, дѣйствительно, съ нихъ была собрана дань [2]). Платили ли они ее и въ дальнѣйшее время, неизвѣстно, но, во всякомъ случаѣ, Даніилъ достигъ своей цѣли въ отношеніи къ нимъ,—вполнѣ обезопасивъ отъ нихъ свои предѣлы: лѣтопись не упоминаетъ болѣе о ятвяжскихъ набѣгахъ въ княженіе Даніила [3]).

Тоже могло бы случиться, мало по малу, и съ другими литовскими племенами. Но въ то время, какъ ятвяги продолжали жить по искони установившимся у нихъ порядкамъ и, хотя и соединялись для защиты, а иногда и для нападенія, не представляли однако изъ себя одного цѣлаго и не думали о государственной жизни [4]), среди двухъ остальныхъ, уцѣлѣвшихъ отъ порабщенія литовскихъ племенъ, среди Литвы и Жмуди начинаетъ обнаруживаться поворотъ къ построенію жизни на новыхъ началахъ [5]). Этотъ поворотъ грозилъ серьезною опасностію, между прочимъ, и югозападной Руси.

Прежде всего укажемъ на то, что дѣло начинаетъ идти уже не о грабежѣ, а о захватѣ литовцами тѣхъ или другихъ русскихъ земель и утвержденіи въ нихъ своего владычества. Подъ вліяніемъ развившагося отъ постояннаго соприкосновенія и сближенія съ Русскими вкуса къ болѣе цивилизованной жизни, представители отдѣльныхъ литовскихъ дружинъ [6]), состоявшихъ, быть можетъ, изъ лицъ одного какого-нибудь

---

[1]) Ibid.

[2]) Ibid., 553—554.

[3]) Д. И. Зубрицкій, говоря объ этихъ походахъ Даніила на ятвяговъ, не называетъ ихъ войнами съ какою нибудь политическою цѣлью, а считаетъ ихъ простыми набѣгами ради добычи или наказанія за какое-нибудь оскорбленіе русскихъ предѣловъ (»Исторія др. Гал.-р. княж«., III, 160 и 176). Но условія, съ выполненіемъ которыхъ ятвягами прекратились походы на послѣднихъ, убѣждаютъ въ противномъ. Самъ Зубрицкій склоняется къ тому на стр. 182.

[4]) Ип., 531: »и убито бысть князей сорокъ...« ib., 539: »и многи князи Ятвязьстіи избьени быша«.

[5]) Впрочемъ, переломъ происходилъ медленно; набѣги продолжались; имъ потворствовалъ самъ Миндове. Извѣстно нѣсколько набѣговъ при немъ на Польшу съ цѣлью грабежа. Даже Русскіе подчинившіеся литовцамъ, должны были участвовать въ нихъ.

[6]) »Въ лѣто 6774 (1264) блаженный же князь Домонтъ *съ дружиною своею* и со всѣмъ домомъ своимъ, оставивши отечество свое землю Литовскую, и пріѣха въ Псковъ и крестися«. Соф. Врем.

рода, устремляются на сосѣднія русскія княжества съ цѣлью водворенія тамъ своей власти вмѣсто господства Рюриковичей. Они и сопровождающіе ихъ не измѣняютъ прежнихъ порядковъ [1]), забираютъ только земли дружинниковъ [2]), не имѣютъ притязаній на какое-нибудь большее или иное значеніе, чѣмъ то, какое имѣли князья Рюриковичи; литовскіе вожди охотно и усердно выполняютъ роль славянскихъ князей, а дружины ихъ—роль прежнихъ дружинъ, и защищаютъ занятую землю совершенно, какъ тѣ. Они не стремятся къ исключительному преобладанію, не смотрятъ съ презрѣніемъ на побѣжденныхъ, напротивъ, относятся къ нимъ, какъ къ единокровнымъ [3]), и дружатся съ ними [4]); не оказываютъ давленія на побѣжденныхъ, но сами подпадаютъ ихъ вліянію [5]). Въ силу этого русское населеніе, которое, бывали примѣры, не всегда считало за Рюриковичами исключительное право владѣнія русскою землею [6]), скоро свыкалось съ господствомъ пришельцевъ и, не тяготясь имъ, поддерживало ихъ въ ихъ предпрія-

---

[1]) У Товтивила были *бояре*, какъ и у прежнихъ князей. См. ниже.

[2]) О раздачѣ земель литовскимъ дружинникамъ см. у Стрыйковскаго (I, 236): »Erdziwił Montwiłowicz, xiążę Ruskie Nowogrodskie, — — zaraz tym *państwu* i *rycerstwu* Żmodskiemu Litewskiemu...« (далѣе говорится о надѣлѣ землями).

[3]) Бояре Товтивила были полочане: »...а *бояры Полотьскыя* искоша и проспиша у Полочанъ сына Товтивилова убити же; и онъ вбѣжа въ Новгородъ, *съ мужи своими* (опять литовцы—дружинники), тогда Литва посадиша свои князь въ Полотьскѣ, а *Полочанъ пустиша, которыхъ* изъимали съ княземъ ихъ«. П. с. р. л., III, 58.

[4]) Товтивилъ называется въ новгородской лѣтописи »добрымъ«: »убиша *добра* князя Полотьского Товтивила«. П. с. р. л., III, 58. Стрыйковскій говоритъ (I, 236) о литвинахъ, поселившихся въ русскихъ земляхъ послѣ завоеванія ихъ Эрдзивиломъ, что они побратались и породнились съ русскими—христіанами [»I którzy pobratawszy się i pokumawszy z Rusią chrześciany, ony pustynie którey odłogiem leżały, po Bogo carza srogim splundrowaniu osadzali, tak iż jeszcze i dziś mało nie w każdym kącie Ruskim, jest po części Litwy od tych czasów, z których rudzy rzadko po litewsku rozumieą«).

[5]) Это объясняется, между прочимъ, и малочисленностію литовцевъ въ завоеванныхъ областяхъ. Въ 1262 г. съ Товтивиломъ подъ Орьевымъ *полочанъ и Литвы* было всего 500 человѣкъ! П. с. р. л., III, 57.

[6]) См. прежде сказанное о Галичѣ и жителяхъ земель, прилегавшихъ къ восточнымъ окраинамъ Даніиловыхъ владѣній. Упомянемъ здѣсь же о томъ, что псковичане добровольно признали своимъ княземъ Довмонта.

тіяхъ, не обнаруживая реакціи, тѣмъ болѣе, что побѣдители служили имъ оплотомъ противъ дальнѣйшихъ нападеній Литвы [1]).

Первое по времени такое движеніе литовцевъ, сколько намъ извѣстно, было направлено въ 1239 г. противъ Смоленска, но окончилось неудачею [2]). Только послѣ Батыева нашествія литовцы начинаютъ успѣшно захватывать русскія области, одну за другою, и прочно утверждаются въ нихъ, съ чѣмъ согласны всѣ древнѣйшіе ихъ лѣтописцы и писатели [3]). Движеніе на русскія земли съ завоевательною цѣлью до

---

[1]) Оттого-то, вѣроятно, послѣ крещенія Довмонта, по словамъ Соф. Врем., »быть радость велика в Псковѣ, и посадиша его Псковичи на княженіе въ Псковѣ«. По словамъ литовскихъ лѣтописей, жители Понѣманскихъ областей охотно поступили подъ кровъ литовцевъ (Stryjk., I, 235).

[2]) Изгнаніе литовцевъ изъ Смоленска случилось въ томъ же году, въ которомъ онъ былъ ими занятъ, потому что есть извѣстіе, указывающее на то, что Смоленскъ былъ во власти Русскихъ еще въ 123 г.: въ немъ въ этомъ году скончался Владиміръ Рюриковичъ (Карамз. III, прим. 347; Моногр. М. П. Погодина, VI, 311); впрочемъ, онъ могъ умереть тамъ и послѣ отнятія Смоленска у литовцевъ. Подъ 1236 г. Никоновская лѣтопись говоритъ: »Изяславъ Мстиславичъ Смоленскій... и князь Михайло сынъ Всеволода Чермнаго.... и князь Ярославъ Всеволодовичъ ходиша ратью на Киевъ...« (II, 369). (Нѣкоторые считаютъ этого князя не смоленскимъ княземъ, но это неправильно). Вотъ какъ въ лѣтописяхъ записано разсматриваемое нами событіе подъ 1239 г.: »Иде Ярославъ (Всеволодовичъ) Смоленьску на Литву и Литву побѣди (»Смольняпъ бороня«—прибавлено въ Ник. III, 5), и *Князя ихъ ялъ*, а Смоляпъ урядивъ, посади у нихъ князя Всеволода Мстиславича на столѣ, внука Романова Ростиславича (см. Пушк. и Воскр. лѣт.), шурина брата своего Константина Всеволодича (см. Никон. лѣт.); а самъ со множествомъ полона съ великою честью отыде во свояси«. Карамз. IV, прим. 2. С времени этого освобожденія Смоленска, онъ до самаго XV в. оставался подъ властію Рюрикова дома. Ibid., пр. 107.

[3]) См. лѣтопись Быховца, изд. Нарбуттомъ (W. 1846), стр. 4; с нею, по свидѣтельству Стрыйковскаго (I, 234), были согласны и *все остальныя* лит. лѣтописи. Михалонъ Литвинъ, писавшій въ XVI вѣкѣ, говоритъ о своихъ предкахъ: »отправившись далѣе (отъ морскаго берега), покорили сосѣдніе народы, Язвинговъ (Ятвяговъ), потомъ Роксланововъ или рутеновъ. *Послѣдними, какъ и Москвитянами, обладали въ то время Татары Заволжскіе.* Баскаки ихъ, управлявшіе отдѣльными крѣпостями рутеновъ, были оттуда изгнаны нашими италійскими предками, которые послѣ назвались литалами (Litali), а потомъ Литовцами (Lituani)«. См. отрывки изъ Михалона Литвина въ переводѣ г. Шестакова въ »Архивѣ« Калачова, во 2-й половинѣ 2-й кни

лого времени они знаютъ только одно [1]). Ко времени, слѣдовавшему
а татарскимъ нашествіемъ, относится захватъ литовцами Полоцка [2]) и
емель по верхнему теченію Нѣмана [3]).

стр. 45).—Стрыйковскій, приводя упомянутое нами выше единогласное
показаніе литовскихъ лѣтописей о времени первыхъ завоеваній этого
рода на Руси, пеняетъ на лѣтописцевъ за то, что они не указыва-
ютъ времени, когда что случилось, и беретъ на себя обязанность опре-
дѣлить это время для разсматриваемыхъ имъ завоеваній, при чемъ ото-
двигаетъ ихъ къ 1217 г. (!), принимая за вѣрное, что татары опус-
тошили западную Русь впервые послѣ Калкской битвы, которую онъ по-
лагаетъ въ 1212 (sic). Str. 234.

[1]) Вотъ что говоритъ о немъ лѣтопись Быховца (стр. 3): »А по-
омъ князь Великій Керпусъ и Гимбутъ хотячи отчизны свои размно-
жити, и собравши силы свои Литовскіе и Жомондскіе и поидутъ на
усь ку Браславлю и ко Полоцку, и Руси много шкоды починили, и
емлю ихъ сказили, и людей множество въ полонъ повели«. Тѣмъ и
ончилось. Сл. показаніе Стрыйковскаго (I, 86), относящаго это къ
065 г.

[2]) По словамъ литовскихъ лѣтописей (лѣт. Быховца, стр. 5; Stryjk.,
39—240), Полоцкъ былъ завоеванъ Мингайломъ, *внукомъ Монтвила*
мудскаго, *при которомъ сейчасъ же послѣ татарскаго нашествія*
или впервые завоеваны литовцами нѣкоторые русскіе города. При
омъ въ Нарбуттовомъ изданіи Быховца, на поляхъ, годъ смерти Мин-
айла поставленъ 1192-й [не предупредительнымъ-ли Нарбуттомъ? по
ловамъ Стрыйковскаго, лит. лѣтописи были безъ годовъ] такъ, что за-
оеваніе Полоцка, по словамъ этой лѣтописи, случилось до 1192 года,
трыйковскій же говоритъ, что Полоцкъ былъ взятъ, когда въ немъ,
слѣ татарскаго нашествія, не было уже никакого князя (str. 240);
другой стороны, по его словамъ, здѣсь княжила послѣ того цѣлая
настія, по прекращеніи которой полочане вновь стали управляться
ѣчемъ, и тогда на Полоцкъ заявилъ притязаніе и овладѣлъ имъ пле-
янникъ Мендога Тевтивилъ (str. 286); соображая всѣ эти обстоя-
льства, должно сказать, что, по Стрыйковскому, завоеваніе Полоцка
училось не позже двадцатыхъ годовъ XIII-го стол. — Сообразно съ
имъ, многіе стали думать, что Литва овладѣла Полоцкомъ еще въ
онцѣ XII стол. (Нарбуттъ, а за нимъ авторъ »Обозрѣнія исторіи
Бѣлоруссіи съ древнѣйшихъ временъ«, относящій это къ 1190 году).
то мнѣніе нерѣдко встрѣчали мы въ статьяхъ недавняго времени, ка-
вшихся какъ-нибудь разсматриваемой нами эпохи (въ »Вѣстн. югоза-
адной и западной Россіи«); его придерживается даже П. О. Кояло-
вичъ (»Лекціи по исторіи Западной Россіи«, 77) и внесъ въ свой трудъ
реосв. Макарій (»Ист. русской церкви«, т. III, Спб. 1857, стр. 27).
о мы имѣемъ данныя, положительно удостовѣряющія въ несправед-
ивости этого предположенія и показывающія, что въ Полоцкѣ были
усскіе князья до самаго татарскаго нашествія. Имена, даваемыя ли-

Напоръ литовцевъ отдѣльными партіями на русскія земли не могъ еще быть опаснымъ для сильныхъ сравнительно князей юго-западной

товскими лѣтописями, сходятся иногда съ находимыми въ русскихъ лѣтописяхъ (Борисъ и Глѣбъ полоцкіе упоминаются въ новгородскихъ лѣтописяхъ, Василій—у Татищева),* но послѣднія говорятъ о князьяхъ—Рюриковичахъ. Приведемъ въ хронологическомъ порядкѣ свидѣтельства источниковъ, начиная съ 1180 г., когда въ послѣдній разъ въ лѣтописяхъ названъ по имени полоцкій князь Всеславъ Васильковичъ (Ип., 419), и такъ какъ вскорѣ послѣ этого, повидимому, полочане остались безъ князя: въ 1185 г., при походѣ на Полоцкъ князей смоленскаго, новгородскаго (которымъ былъ сынъ смоленскаго князя), Василька Владиміровича изъ Логожска и князя Всеслава (какого? Въ 1180 г., кромѣ Всеслава Васильковича, упоминается Всеславъ Мирославичъ Логожскій; Ип., 419), о князѣ не упоминается, а дѣйствующими лицами являются одни полочане, которые изъ боязни, чтобы нападавшіе не причинили сильныхъ опустошеній ихъ землѣ, рѣшили помириться на сумежьѣ (П. с. р. л., III, 79; Ник. II, 252). Чего хотѣли нападавшіе, неизвѣстно; одинъ Татищевъ (III, 277) говоритъ, что дѣло шло объ обидѣ смоленскаго князя. Подъ 1191 г. упоминаются *полоцкіе князья*, замышлявшіе *походъ на Литву* [подъ ними нужно разумѣть не князей только разныхъ городовъ Полоцкой земли помимо Полоцка; это видно изъ слѣдующихъ словъ новгородской лѣтописи: »ходи князь Ярославъ на Луки, позванъ Полотьского княжьею *и Колоцяны*«. П. с. р. л., III, 20]. Возражающіе могутъ указать на то, что Полоцкъ продолжалъ находиться во враждѣ съ Смоленскомъ (П. с. р. л., III, 23; Тат. III, 322; о подобной враждѣ говорятъ и литовскія лѣтописи: Stryjk., 241 — 242), и на то, что въ 1198 г. полочане приходили *вмѣстѣ съ Литвою* на Луки (П. с. р. л., III, 24), но около того времени (въ концѣ 1195 мартовскаго года) упоминаются »Полотьскіи князи« и »полочане«, помогавшіе Ольговичамъ (Ип., 465—465), а »въ харатейныхъ лѣтописяхъ, по словамъ Карамзина (т. III, пр. 95), названъ здѣсь князь Полоцкій Василько«. Пропуская указаніе Татищева подъ 1203 г. на существованіе въ Полоцкѣ русскихъ князей (III, 338) и внесенный имъ въ свой сводъ обширный поддѣльный разсказъ (»Изв. втораго отд. Имп. Академіи Наукъ«, т. VII, стр. 49—64: »Два памфлета временъ Анны Іоанновны«, ст. г. Лыжина) о полоцкихъ князьяхъ подъ 1217 (III, 403—409), укажемъ на то, что извѣстный своею борьбою съ нѣмцами князь Владиміръ [rex Rossiae de Plosceke, какъ назыв. его нѣмцы; впервые онъ является въ ихъ лѣтописяхъ (у Генриха Латыша) подъ 1186 г., умеръ въ 1216 г.; о томъ, кто онъ былъ, существуютъ различныя предположенія] былъ врагомъ и литовцевъ и, во всякомъ случаѣ, не былъ литовскимъ княземъ: это ясно видно изъ нѣмецкихъ разсказовъ. Въ 1218 у Татищева (III, 417) упоминается

* См. еще ниже надпись на крестѣ, посвященномъ Василію-Рогволоду, сыну Борисову.

Руси. Но вотъ въ головѣ одного изъ литовскихъ владѣтелей, великаго

»Василько Полоцкій«, помогавшій Мстиславу въ его походѣ на Галичъ. Подъ 1222 г. въ одномъ изъ списковъ 1-й новгородской лѣтописи читаемъ: »а ярославци, смолняне взяли полтескъ, генваря 17, при князѣ Борисѣ и глѣбѣ« (П. с. р. л., III, 38, вар. лл.) (У Татищева подъ 1220 г. читаемъ: »Князь Смоленскій, согласясь съ Ярославомъ Переяславскимъ, ходилъ на Полоцкую область при князѣхъ Полоцкихъ Борисѣ и Глѣбѣ, и взялъ ихъ два города, а много области ихъ повоевалъ«). Полоцкъ является въ теченіе нѣкотораго времени какъ бы состоящимъ подъ опекою Смоленскихъ князей. Указаніе на это находимъ не только въ одномъ изъ списковъ Мстиславова договора съ Ригою,* но и въ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ упоминаніяхъ этого времени о Полоцкѣ. У Длугоша есть извѣстіе, очевидно, заимствованное изъ недошедшихъ до насъ лѣтописныхъ списковъ, слѣдующаго рода (оно поставлено у него подъ 1216 г., но слѣдуетъ непосредственно за разсказомъ о набѣгѣ литовцевъ 1225 г. на Новгородскія и Торопецкія области. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ напрасно пріурочиваетъ послѣдній къ разсказу новгородск. лѣтописи о литовскомъ набѣгѣ подъ 6731: сл. изд. Длугоша и П. с. р. л., III, 42 подъ 6733 г. »О составѣ русской лѣтописи«, Приложенія, стр. 291): sequenti quoque tempore, *dum* alius *Lithuanicus exercitus civitatem et regionem Polocko vastaret, Dux Msislaus Davidovic cum Smolensi militia celeri cursu in Polocko adveniens, Lithuanos incautos offendens*, absque numero sternit et occidit« (lib. VI, col. 719). Въ 1-й новг. подъ 1232 г. читаемъ: »Въ то же лѣто взя Святославъ Смольньскъ на щитъ, *съ Полочаны*, на Боришь день, и сѣцѣ смолняны, а самъ сѣде на столѣ« (П. с. р. л., III, 48). А. А. Куникъ (»Русско-лив. а.«, Anhang. № II; s. 449—450) напрасно считаетъ этого Святослава, вопреки лѣтописному свидѣтельству, литовскимъ княземъ. Въ послѣдній разъ Полоцкъ упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ въ качествѣ принадлежащаго Русскимъ города подъ 1239 г. (П. с. р. л., I, 52). Въ Степенной книгѣ говорится объ Ярославѣ Всеволодовичѣ о возвращеніи его въ 1243 г. отъ Батыя: »И прійде въ землю свою честно, и многи пришельци утѣши, и множество людій собра; сами приходаху къ нему въ Суждальскую землю отъ славныя рѣки Днѣпра отъ всихъ странъ: Галичане Волынстіи... *Полочане*, Рязанцы и вси

* »Русско-лив. акты«, 440—441, 447: »Тая правда Латинскомоу въ зяти Роуской земли оу вълъсти князя Смольнеского, й оу Полотьского князя вълъсти, й оу Витьбеского князя вълъсти« (въ др. списк.: »Немчичю по Смольскои волости, по Полотьскои, по Витьбскои«); изъ предпослѣдней фразы явидно, что въ Полоцкѣ оставался свой князь. Въ Ливляндской хроникѣ подъ 1228 г. говорится, что Мстиславъ Смоленскій и подписался за князей Полоцкихъ и Витебскихъ Россіянъ; по словамъ ея же (подъ 1222), *вмѣстѣ съ княземъ смоленскимъ* и др. князьями, въ Ригу отправлялъ пословъ и князь полоцкій. Впрочемъ, А. А. Куникъ приведенное нами мѣсто изъ договора понимаетъ иначе (»Русско-лив. акты«, s. 405).

политика, хотя и варвара, зарождается мысль объ утвержденіи в

подражаху храбрости его«. Карамзинъ (IV, примѣчан. 37) замѣчаетъ »Пустословіе новѣйшихъ временъ«. — Подъ литовскимъ владычествомъ Полоцкъ упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ съ 1258 г. (П. с. р. л. III, 56). Такимъ образомъ, занятіе Полоцка Литвою случилось въ двадцатилѣтіе отъ 1239 г. по 1258, когда въ немъ уже сидѣлъ Товтивилъ. По словамъ Стрыйковскаго (I, 287), Товтивилъ владѣлъ имъ при началѣ войны Даніила съ Миндове, т. е. въ началѣ пятидесятыхъ годовъ XIII стол. Невозможно допустить, чтобы въ такое короткое время успѣла править въ Полоцкѣ цѣлая линія литовскихъ князей, состоявшая, по извѣстію литовскихъ лѣтописей (Быховецъ, 5; Стрыйковскій 240 — 243), изъ пяти князей (имена ихъ: Мингайло, Гинвилъ - Юрій, Борисъ - Василій, Рогвольдъ, Глѣбъ), изъ которыхъ Василій, наприм. »жилъ немало« въ Полоцкѣ (»Лѣт. Быховца«, ib.). Не возможно отнести эту династію и къ послѣдующему времени. 28-го декабря 126[illegible] г. Полоцкъ находился подъ верховною властію литовскаго князя Герденя (»Русско-лив. а.«, XXV[a], стр. 13). Около 1265 или 1266 г. въ Полоцкѣ сидѣлъ Изяславъ, признававшій верховную власть Войшелка (ib., XXV[b]; Стрыйковскій также называетъ Войшелка Полоцкимъ княземъ. I, 301), который, быть можетъ, былъ тотъ самый князь, который, по словамъ новгор. лѣт., былъ посаженъ Литвою послѣ убіенія Товтивила и находился въ Полоцкѣ при Герденѣ [не Изяславъ ли это Свислочскій, являющійся въ Ип. сп. подъ 1256 г., стр. 551?]. Потомъ Полоцкъ былъ завоеванъ Довмонтомъ. Стрыйковскій (I, 324) относитъ это къ 1231 г. Его показаніе о завоеваніи подтверждается документомъ, напечатаннымъ въ »Русско-лив. актахъ« (№ XXVII), который, по всѣмъ соображеніямъ, должно отнести къ Полоцку: 1) онъ найденъ въ Рижскомъ архивѣ между исключительно полоцкими бумагами; 2) Рига вообще не находилась въ торговыхъ сношеніяхъ съ Псковомъ, гдѣ постоянно княжилъ Довмонтъ; 3) »Смолянинъ«, выставленный въ числѣ свидѣтелей, также едва-ли можетъ не указывать на Полоцкъ. Этотъ документъ едва-ли вѣрно отнесенъ издателемъ къ первому же году правленія Довмонта въ Псковѣ, т. е. къ 1266 г. Не знаемъ, на какомъ основаніи Полоцкъ у Татищева (IV, 34) названъ отчиною Довмонта. Подъ 1307 г. Стрыйковскій сообщаетъ (I, 349), что пашелъ въ старинныхъ русскихъ лѣтописяхъ извѣстіе о взятіи въ этомъ году Полоцка, но, у кого онъ былъ отнятъ, онѣ не сообщали. Что Полоцкъ около того времени опять находился въ зависимости отъ Литвы, это доказываетъ грамота тамошняго епископа Якова, неизвѣстно когда написанная (вѣроятно, послѣ 1307 г.), въ которой онъ называетъ Витеня (Витенеса, извѣстнаго литовскаго князя) своимъ сыномъ (»Русско-лив. акты«, № XXXVIII). Въ 1326 году въ Полоцкѣ сидѣлъ въ качествѣ удѣльнаго князя Витеновъ сынъ Воинъ.—Послѣ всего сказаннаго мы близки къ тому, чтобы назвать сообщаемое литовскими лѣтописями о литовской династіи, княжившей въ Полоцкѣ, легендою, тѣмъ болѣе, что

Литвѣ единовластія и объ увеличеніи силъ этого чисто литовскаго го-

---

въ этомъ ихъ сказаніи есть немало очевидныхъ анахронизмовъ. Гинвилъ Мингайловичъ, по ихъ словамъ, женился на дочери Бориса, вел. кн. Тверскаго (Stryjk., I, 241; что это за Борисъ?) Сынъ его Борисъ построилъ въ Полоцкѣ каменный Софійскій храмъ, но невѣроятно, чтобы онъ не былъ поставленъ ранѣе: онъ упоминается, какъ каѳедральный, въ самыхъ древнихъ историческихъ памятникахъ, и нельзя думать, чтобы онъ не былъ каменнымъ (см. »Историч. свѣдѣнія о Полоцкомъ Софійскомъ соборѣ« Говорскаго въ »Вѣстн. юго-запад. и запад. Рос.« 1864, № 2); развѣ Борисомъ былъ воздвигнутъ новый вмѣсто стараго, но литовскія лѣтописи (»Лѣт. Бых.«, 5; Stryjk., 241) о томъ не говорятъ. По словамъ »Лѣт. Быховца«, Борисомъ же построена другая церковь — »Святаго Спаса, дѣвичь монастырь, у верхъ рѣки Полоты, отъ города въ полу мили« (»Лѣт. Бых.«, 5) (у Стрыйковскаго (I, 241) »Dziewicy monastir« отдѣляется отъ »Kościoła ś. Spasa«); но Дѣвичій монастырь св. Спаса на р Полотѣ основанъ около 1155 г. преподоб. Евфросиніею Полоцкою (названная ст. Говорскаго, стр. 82; »Исторія русской церкви« преосв. Макарія, III, 52). Борисъ также основалъ, по словамъ литовскихъ лѣтописей, городъ Борисовъ на р. Березинѣ, но этотъ городъ упоминается въ Ипатскомъ спискѣ уже подъ 1128 г. (стр. 210).—Одно можетъ нѣсколько останавливать при отрицаніи существованія этой династіи: это — видѣнный Стрыйковскимъ (I, 241—242) на Двинѣ, въ 7 миляхъ отъ Полоцка и въ 1 милѣ отъ Дисны, камень съ русскимъ крестомъ и надписью: »Вспоможи Господи раба свойого, Бориса сына Гинвиловего!« Кояловичъ перевелъ эту надпись на латинскій языкъ по Стрыйковскому: »Miserere Domine mancipio tuo Boriso Gniwillonis filio«. Но не прибавилъ-ли самъ Стрыйковскій словъ: »Гинвилова сына« [у Карамзина, приводящаго (IV, примѣч. 103) это мѣсто Стрыйковскаго по старинному русскому переводу сочиненія послѣдняго, нѣтъ этихъ словъ]? Въ настоящемъ столѣтіи по Двинѣ между Полоцкомъ и Дисною найдено нѣсколько древнихъ камней съ высѣченными на нихъ крестами, посвященныхъ памяти кн. Бориса, при чемъ одинъ изъ нихъ открытъ въ 5 верстахъ отъ Дисны, а другой въ 7-ми; на нихъ слѣд. надпись: »Господи, помоги рабу твоему Борису!« Камня же, подобнаго видѣнному Стрыйковскимъ, нѣтъ. »Обозрѣніе исторіи Бѣлоруссіи съ древнѣйшихъ временъ«. Соч. Турчиновича. Спб. 1857. Стр. 270—271. О подобномъ же крестѣ, но только поставленномъ въ 1171 году въ память другаго князя, съ надписью: »Въ лѣто 6679 (1171) Маія въ 7 день доспѣнъ крестъ сій: Господи! помози рабу своему Василію въ крещеніи, именемъ Рогволоду, сыну Борисову« см. ibid., 266—267, прим 92, или у Карамзина II, прим. 386. Вѣроятно, Товтивилъ утвердился въ Полоцкѣ мирнымъ путемъ. Такова догадка Карамзина. Тоже можно думать и на основаніи выраженія Стрыйковскаго о Товтивилѣ (I, 285): »*był* potym *xiążęciem* Połockim, *bo był ochrzczony* w ruską wiarę«, хотя на слѣдующей страницѣ Стрыйковскій утверждаетъ, что Полоцкъ былъ завоеванъ Товтивиломъ.

сударства присоединеніемъ прилегавшихъ къ нему русскихъ земель, съ

---

[3]) Въ 1236 г. Новгородокъ, впослѣдствіи названный Литовскимъ, находился еще во власти русскаго князя Изяслава, хотя и тогда уже состоялъ въ какой-то связи съ Литвою, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ галицко-волынской лѣтописи (Ип., 517): »Даніилъ же возведе на Кондрата Литву, Миньдога, Изяслава Новгородьского«. Нѣсколько раньше (ок. 1228 г.) онъ упоминается въ числѣ совершенно независимыхъ городовъ; Ип., 503: »Володимеръ же со всеми князи, и Пиняны, и *Новгородци*, и Туровьци, объсѣдоша Каменѣць«. Нѣкоторые думаютъ, что подъ новгородцами должно разумѣть гражданъ Новгорода Великаго; но нужно обратить вниманіе на то, что они поставлены между Пинянами и Туровцами; замѣтимъ также, что, если-бы сѣверные Новгородцы участвовали въ походѣ Михаила, то о томъ сказали-бы новгородскія лѣтописи. Послѣ татарскаго нашествія Новгородокъ съ землею мы застаемъ во власти Литвы (Ип., 542—544); упомянутый же Изяславъ сидѣлъ, кажется, въ Свислочѣ (Ип., 551; ни въ этомъ, ни въ предыдущемъ случаѣ лѣтопись не приводитъ отчества Изяслава, по которому мы могли-бы судить о томъ, одно ли это было лицо, или нѣтъ; но нѣтъ основаній въ томъ сомнѣваться). Ей же принадлежатъ: Волковыйскъ, Слонимъ, Здитовъ [г. Барсовъ Здитова не опредѣляетъ. Н. С. Арцыбашевъ (III, № 116) спрашиваетъ: не р. ли Дзитва Гродненской губ., Лидскаго повѣта а Даниловичъ (»Skarbiec« 76) спрашиваетъ, не »Zdibow« ли это. По словамъ И. Д. Бѣляева (»Разск. изъ р. ист.«, кн. 4-я, ч. I-я, М. 1872, 10), Здитовъ находился на Ясольцѣ], Городенъ—нынѣшнее Гродно (Ип., 544). Что земли были завоеваны въ недавнее время, свидѣтельствуетъ и то, что, сказавши о воеваньи ихъ Даніиломъ, лѣтописецъ затѣмъ говоритъ (Ип. 544): »потомъ же посласта многы своя нѣмьцѣ и коньники на градъ (въ Хлѣбн. и Пог.: »грады ихъ«) ихъ, и *пльниша всю вооттчину их* и страны ихъ«: »понѣманскія земли не названы »отчиною« Литовцевъ.—Литовскія лѣтописи говорятъ (»Лѣт. Бых.«, 4; Stryjk., 235), что Эрдивилъ Мотивиловичъ, послѣ татарскаго нашествія овладѣлъ Новгородкомъ, Гродномъ, Берестьемъ, Мѣльникомъ, Дорогичинымъ, Суражемъ, Брянскомъ и Бѣльскомъ. О первыхъ двухъ мы уже сказали. Брестъ. Мѣльникъ (это-мѣст. Гродненской губ. на зап. Бугѣ, къ юго-востоку отъ Дрогичина. Барсовъ, 131. Его нужно отличать отъ Мѣльницы, о которой см. выше) находились всегда во власти Даніила, слѣдоват., не могли быть захвачены Литвою (Ип., 524, 560 и далѣе; 560, 561; 524, 531, 538 и д.). Что касается Суража, Брянска и Бѣльска, то о нихъ мы не можемъ сказать ничего (см. неопредѣленное мѣсто о Бѣльскѣ въ Ип., подъ 1253 г., стр. 544; впослѣдствіи мы видимъ Бѣльскъ во власти Русскихъ: Ип., 608).—Всѣ эти города были построены русскими и находились на территоріи отнятой издавна русскимъ племенемъ (именно Кривичами: см. ниже мѣсто изъ Дюсбурга. И. Д. Бѣляевъ того же мнѣнія) у Ятвяговъ [названія въ тѣхъ мѣстностяхъ, уцѣлѣвшія

тѣмъ однако, чтобы не дать перевѣса русскому элементу [1]). Съ великимъ умомъ и дальновидностію въ Миндове [2]) соединялись энергія и настойчивость, и онъ началъ, мало по малу, осуществлять свою идею [3]). —Литовскія племена съ тѣхъ поръ, какъ знаетъ ихъ исторія, никогда не представляли собою цѣльныхъ организмовъ, но распадались на мно-

---

отъ Ятвяговъ, см. у Ярошевича: § 16 str. 28—29, и прим. 9, str. 203—204], какъ о томъ, по вѣрному замѣчанію Д. И. Зубрицкаго (III, стр. 163, прим. 140) свидѣтельствуютъ самыя названія ихъ. Дюсбургъ отличаетъ эти мѣстности отъ собственно литовскихъ. Подъ 1314 г. онъ говоритъ (стр. 181 Іенскаго изданія): hoc anno mense Septembri idem frater Henricus Marschalcus cum omni virtute exercitus sui venit ad *terram Crivitiae et civitatem illam, quae parva Nogardia dicitur, coepit* et funditus destruxit«. Также смотритъ и Стрыковскій (напр., на стр. 251 Гродно причисляетъ къ »стародавнимъ отчинамъ русскихъ князей«). По литовскимъ извѣстіямъ, (Быховецъ, 3; Stryjk., 84—86) границы земель, издавна занятыхъ собственно литовскимъ племенемъ къ сѣверу отъ Руси, были къ югу отъ р. Виліи; нѣкогда и въ этихъ земляхъ, лежащихъ къ югу отъ Виліи, находились русскіе (»za Wilią zaś ku południowi i wschodowi, Ruskich xiążat w ten czas dzierżawy były, także za Dźwiną« str. 85; сл. str. 215: »przez Wilią z wojskiem przeprawili«, а также str. 219). Изъ нашей лѣтописи можно заключить, что граница собственно литовскаго племени во время Даніила была къ сѣверу отъ Гродна (Ип., 544: »взяста Городенъ, а сама воротистася отъ Бѣльска; потомъ же посласта многы своя нѣшьцѣ...« и т. д. см. выше); къ востоку границу также составлялъ какъ-бы Нѣманъ (Ип., 568, о Войшелкѣ: »учини собѣ манастырь на рѣкѣ *на Немнѣ, межи Литвою и Новымъгородкомъ...«*). — Что касается утвержденія литовскихъ лѣтописей, что литовскіе князья владѣли черниговскою областію, а также Туровомъ и Пинскомъ, еще до Миндове, то оно не требуетъ длиннаго опроверженія. Не упоминая совсѣмъ о Черниговѣ, скажемъ, что самостоятельные *русскіе* туровскіе князья упоминаются въ галицко-вол. лѣтописи еще подъ 1274 (Ип., 576), а Пинскіе еще въ 1292 (Ип., 616).

[1]) Послѣднее видно изъ нелюбви его къ Войшелку послѣ того, какъ тотъ принялъ христіанство. »Отець же его Миндовгъ укаривается ему по его житью; онъ же на отца своего не любоваше ѣлми«. Ип., 568.

[2]) Онъ самъ себя такъ называетъ во всѣхъ своихъ грамотахъ; ны послѣдовали за ними.

[3]) На эту постепенность указываетъ то, что онъ упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ, какъ одинъ изъ литовскихъ князей, еще въ 1236 ., а взрывъ противъ него въ Литвѣ обнаружился не скоро послѣ того.

жество независимыхъ общинъ, которыя управлялись старостами, как называетъ такихъ жмудскихъ старшинъ Эразмъ Стелла [1]), или гетма нами, какъ названы они въ одной изъ нашихъ лѣтописей [2]). Очень мо жетъ быть, что въ древнѣйшую пору между ними не бывало даже ста рѣйшаго, потому что не настояла надобность и въ такой слабой цен трализаціи. Какъ бы то ни было, при Даніилѣ у разныхъ литовскихъ племенъ уже упоминаются иногда старѣйшіе князья [3]). Но власть ихъ не могла быть значительною, и ихъ преимущество состояло едвали н въ одномъ правѣ предводительства во время оборонительной войны [4]) Этимъ и ограничилось вліяніе борьбы съ крестоносцами на жизнь ли товскихъ племенъ, несмотря на то, что литовцы весьма скоро поняли какая имъ грозила опасность отъ утвержденія нѣмцевъ въ Ливоніи, и начали съ ними борьбу съ перваго же ихъ появленія [5]). Даже подвер гавшіеся наибольшей опасности Пруссы, болѣе другихъ племенъ испы тавшіе тягость нѣмецкаго владычества, и тѣ не могли ступить на новую дорогу и во время возстанія 1260 г. выбирали отдѣльныхъ начальни ковъ [6]). Масса не сознавала ясно потребности перемѣны существовав шаго порядка, и если какой-нибудь изъ вождей и задумывалъ послѣд нюю, то неимѣлъ силъ для выполненія: другіе *равносильные* съ ним князьки не позволили бы ему отнять у нихъ ихъ самостоятельное зна

---

[1]) Stryjk., I, 47. Въ извлеченіи изъ Дюсбурга Стрыйковскій также упоминаетъ старость Скаловитскихъ и Жмудскихъ. I, 262.

[2]) П. с. р. л., VII, 253.

[3]) Подъ 1215 г. (Ип., 492) въ галицко-вол. лѣтоп. упоминается »старѣйшій« лит. князь Живибундъ, а Длугошъ подъ 1264 г. говоритъ (col. 770) о старѣйшемъ Ятвяжскомъ князѣ (»Iaezwingi enim, apud quos tunc major inter Duces Comath Princeps erat...«). Въ Ann. Cap. Cracov. Коматъ названъ просто »princeps Jazwiditarum« (Pertz, XIX, 601).

[4]) Тогда нерѣдко соединялись военныя силы общинъ. Такое соединеніе мы видимъ, напр., въ 1237 г. На литовцевъ составилось ополченіе изъ нѣмцевъ и псковичей. »*И совокупившеся Литва*, и поставиша бой противу ихъ...« Ник. II, 370.

[5]) См. лѣтопись Генриха Латыша подъ 1187 г.

[6]) »Eodem anno (1260) in vigilia beati Matthaei evangelistae, Prutenapostaverunt a fide—et Sambitae quandam dictum Glande, Nactangi Henricum Monte, Varmienses Glappum, Pogesani Auctumno, Barti Divanum in capitaneos et duces sui exercitus elegerunt«. Dusburg, 191.

ченіе. Чтожъ поэтому удивительнаго въ томъ, что и незадолго до Миндове и при немъ мы видимъ собственно Литовское племя и Жмудь, которыя насъ занимаютъ по преимуществу, въ состояніи такого же раздробленія, какое господствовало у нихъ искони [1]). Миндове былъ

---

[1]) Подъ 1215 г. въ Ип. сп. приведено 20 князей. Затѣмъ упомянемъ, что съ 1240 г. на Русь нападало иногда по нѣскольку литовскихъ отрядовъ, и у каждаго изъ нихъ былъ независимый предводитель. Подъ 1245 г. новгор. лѣтоп. говоритъ объ избіеніи болѣе 8 »княжицъ« и 2-хъ литовскихъ отрядовъ (П. с. р. л., III, 54) и т. п. На существованіе при Миндове независимыхъ князьковъ указываетъ также гал.-вол. лѣт. Выкинтъ убѣдилъ воевать съ Миндове »полъ Жемонти« (Ип., 541); въ Нальщанахъ мы видимъ особеннаго князя (Ип., 568). Нѣкоторые князья удержались при Миндове и послѣ торжества его, признавъ верховную его власть, что̀ высказывается въ томъ, что они, какъ Довмонтъ, должны были принимать участіе въ его походахъ. Стрыйковскій говоритъ: »A gdy Mendog wszystki wojska swoje Litewskie posłał za Dniepr na Romana kniazia Nałbrawskiego, a Dowmant też, *jako hołdownik*, z nimi był poszedł na tę wojnę według powinności... « (I, 298). Мы видимъ такихъ князьковъ и въ грамотахъ Миндове. Такъ въ одной изъ нихъ, помѣченной срединою іюля 1260 г., въ качествѣ свидѣтелей приводится слѣд.: barones et consanguinei« Миндове, очевидно, владѣвшіе какими то волостями: являющійся въ нашихъ лѣтописяхъ послѣ убійства Миндове (см. одну его грамоту въ »Русско-лив. акт.«, стр. 13) Гердень подъ именемъ Gerdinae *de Nailse*—и какой-то *Parbusae de Nenae*. Въ »Annal. cap. Cracow«. (Perz XIX, 601) Стройнатъ, убившій Миндове названъ »potens princeps Lituanorum«. Впрочемъ, сила этихъ уцѣлѣвшихъ при Миндове князьковъ была ничтожна въ сравненіи съ силою послѣдняго; о Довмонтѣ лѣтопись говоритъ, что »бысть сила его мала, а сего велика« (Ип., 568). Галицко-волынская лѣтопись исключительно трудамъ Миндове приписываетъ объединеніе раздробленной прежде Литвы. Этимъ всѣмъ опровергается принимаемое нѣкоторыми историками безъ строгой критики показаніе литовскихъ лѣтописей, что, какъ Литва такъ и Жмудь, задолго до Миндове имѣли единовластныхъ князей, и что престолъ переходилъ отъ отца къ сыну, при чемъ, если сыновей было нѣсколько, то старшій садился на отцовскомъ мѣстѣ (послѣ Миндайла, по словамъ Стрыйковскаго, »Skirmunt, *jako starszy*, siadł na ojcowskiej stolicy, w Nowogrodku, xięstwa Ruskiego i Litwy Powiślskiej«. I, 241); этимъ опровергается также и то ихъ свидѣтельство, что уже отецъ Миндове Рынгольтъ Альгимунтовичъ соединилъ Литву и Жмудь, а изъ русскихъ земель владѣлъ Новгородкомъ, Гродномъ, Подляхіею, Стародубомъ, Карачовымъ и Черниговомъ и передалъ все это сыну. Представимъ таблицу литовскихъ и жмудскихъ князей по Стрыйковскому.

въ иномъ положеніи, чѣмъ всѣ другіе князьки: онъ былъ гораздо силь-

Палемонъ

Боркусъ, основатель Юрборка. Умеръ безъ потомст.

Конасъ или Кунасъ, основатель Ковна.

Спера. Умеръ безъ потомства.

Dorsprungus, основатель Вилькомира и Дзяволтова

Живибундъ.

Керпусъ Литовскій (владѣлъ землями отъ Вилiи до Невяжи, основатель Кернова).

Поята. Ея мужъ—Живибундъ Дорспрунговичъ.

Гимбутъ Жмудскій

Монтвилъ, столицами котораго были Юборкъ и Купасевъ или Ковно.

Куковойтъ Жмудскій и Литовскій.

Утенусъ.

Свинторогъ.

Эрдзивилъ Немепъ Викинтъ

Мингайло Новогрудскій, Подляшскій и Полоцкій.

Скирмунтъ Новгородскій, Туровскій, Пинскій, Мозырскій, Повилійскій.

Гипвилъ Полоцкій

Борисъ.

Любартъ Карачевскій и Черниговскій.

Пуссимунтъ Туровскій и Стародубскій.

Стройнатъ Новгородскій и Подляшскій.

Альгимунтъ, владѣтель Литвы и Руси отъ Вилiи до Чернигова.

Рогволодъ-Василій.

Глѣбъ. Ум. безъ наслѣд.

Св. Прасковья.

Рингольтъ, которому была поручена опека надъ Свинторогомъ и который носилъ титулъ Великаго князя Литовскаго, Жмудскаго и Русскаго.

Мендогъ.

Эта генеалогія составлена не Стрыйковскимъ, какъ доказываетъ »Лѣтопись Быховца«, которою онъ несомнѣнно пользовался (только въ исправнѣйшемъ спискѣ, чѣмъ тотъ, который до насъ дошелъ), а тѣми позднѣйшими литовскими лѣтописцами (»Лѣт. Бых.« составлена, быть можетъ, во время Ивана Грознаго. См разсужд. Даниловича о литов.

нѣе ихъ потому, что ему удалось овладѣть упомянутыми нами русскими

лѣт, помѣщенное въ Варшавскомъ изданіи книги Стрыйковскаго, стр. 53), которые старались подогнать древнѣйшую исторію Литвы подъ свой вкусъ, тѣмы самыми, для которыхъ *былъ интересъ* выводить литовцевъ отъ Римлянъ. Въ этой таблицѣ очевидно желаніе ея составителя вывести въ послѣдовательномъ порядкѣ литовскихъ князей отъ баснословнаго Палемона; въ позднѣйшее время въ составѣ собственной Литвы явственно обозначались только двѣ области: Литва и Жмудь, и составитель допустилъ постоянное существованіе только двухъ князей въ литовскихъ земляхъ; по его таблицѣ выходитъ, что между князьями никогда не было споровъ о земляхъ. Для болѣе древняго времени сочинители *выдумали* имена князей на основаніи названій тѣхъ изъ выдававшихся литовскихъ городовъ и мѣстностей, въ которыхъ находили нѣчто, напоминавшее латинскій языкъ. Такъ, Юрборкъ подалъ имъ возможность найти имя для перваго сына Палемона—Борка или Боркуса (Юр — они отнесли къ р. Юріи, на которой былъ поставленъ городъ; Ковно или Конасовъ подало мысль назвать Konas'омъ; мѣстность и озеро Спера дали тоже названіе третьему сыну Палемона (Stryjk., 84—85); отъ Керпова произошло имя Керпуса (см. ibd., 86). Пользовались составители представленной нами выше генеалогіи и народными вѣсняхи. Стрыйковскій говоритъ о Поятѣ, женѣ Живибунда Доспрунговича и дочери Керпуса, что, когда она умерла, ея »syn Kukowoit z wrodzonej miłości postawił bałwan nad jeziorem Zosłą, obyczajem pogańskim ku wiecznej pamięci. Ten bałwan ludzie prości chwalili za bogmą, a gdy bałwan zgnił, na tym miejscu lipy wyrosły, które także Litwa i Żmódź aż do czasów Jagiełowych za bogi chwaliła, *pieśni proste o Pojacie śpiewając*« (I, 245; см. стр. 248 о Куковойтѣ). Для позднѣйшей эпохи составители разбираемой нами генеалогіи воспользовались готовыми именами, которыя нашли въ недошедшихъ до насъ западнорусскихъ лѣтописяхъ. Какъ они обращались съ послѣдними, видно изъ того, что, по галицко-волынской лѣтописи (Ип., 492), Живибундъ, Довспрунгъ, Ердивилъ, Выкынтъ являются современными и нисколько не родственными другъ другу лицами (если была родственность, то лѣтопись ее отмѣчала; такъ, напр., она говоритъ, что такой-то братъ такого-то); по литовскимъ же лѣтописямъ. Живибундъ былъ сынъ Доспрунга; а Эрдзивила и Выкынта они дѣлаютъ братьями, при чемъ, въ то время, какъ по нашей лѣтописи они оба сидѣли въ Жмуди, по словамъ лит. лѣт. только послѣдній княжилъ въ Жмуди, а первый господствовалъ въ завоеванной Руси.* При господствѣ произвола въ литовскихъ лѣ-

* Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ Живибундъ и Доспрунгъ не были, вѣроятно, вставлены въ генеалогію, и на основаніи этихъ-то лѣтописей Стрыйковскій сказалъ въ одномъ мѣстѣ: »Żiwibunda z Montwiłem (Литва и Жмудь) hetmany *wybrali*«, противурѣча своему утвержденію въ другомъ мѣстѣ о томъ, что это были наслѣдственные князья.—Какъ скудны были свѣдѣнія лит. лѣт. о древнѣйшей исторіи Литвы, видно изъ того, что о Миндовѣ они говорятъ только словами галицко-волынской лѣтописи. Оттуда же отсутствіе хронологіи, на которое жалуется Стрыйковскій (I, 243).

землями по верхнему теченію Нѣмана и въ его окрестностяхъ. Оп-

---

тописяхъ, касавшихся начальной исторіи Литвы, неудивительно, что между ними нерѣдко не было согласія относительно преемственности князей. Такъ, одинъ лѣтописецъ, вопреки всѣмъ другимъ, считалъ Поляту не матерью Куковойта, а дочерью (Stryjk., 245): мужа ея онъ называлъ Гедрусомъ Дяволтовскимъ, но др. знали Гедруса Ромунтовича (ibid., 246). Разногласіе мы замѣчаемъ и въ другихъ случаяхъ (см. напр., на стр. 252, объ участи русскихъ князей послѣ битвы подъ Могильною). Для насъ весьма важно то различіе, какое мы замѣчаемъ между литовскими лѣтописцами по вопросу объ отцѣ Миндове. Онъ былъ названъ Рынгольтомъ только въ немногихъ изъ нихъ (между прочимъ, онъ такъ названъ и въ »Лѣтописи Быховца«, стр. 7: Рынгольтъ »żył mnoho let na Nowbhorodley y umre. a po sobi zostawił syna swojeho na kniażenij Nowhorodskom Mindowha«; мы уже видѣли, что еще въ 1236 г. въ Новгородкѣ сидѣлъ русскій князь). Это ясно видно изъ словъ Стрыйковскаго, которыми онъ заключаетъ свою повѣсть о Рынгольтѣ: »Ringolt — — umarł, zostawiwszy po sobie na ty państwa syna Mindauga, Mindiowa, albo Mendolpha, bo go różno różne kroniki nazywają, który potym był królem Litewskim, z ramienia papieskiego koronowanym roku 1251 jako o tym z pewnych dowodów niżej napiszemy. Acz *insze Latopiszcze tego Mendoga ani wspominają*, tak zamykając koniec panowania Ryngoltowego, według swojeho zwyczaju w dowodzie w docytaniu chronego: knaził dzię Ringolt na Nowohorodku mnoho let, i potym dzię umierł i każuć nikotoryje żeby trech synów po Ruskieje biczwie urobił (tak sprostu pisze) da niet wiadoma, kakowoje dzieło sz jetich jeho synów było. Przeto ja widząc prostotę i lemwy dochcip onych starych pisarzów albo diaków to znaczne acz pogańskie xiążę własnego syna Ringoltowego, *z dowodu Miechowity, Długosza, Wapowskiego, Cromera* (тамъ объ этомъ ни слова) *z Pruskich i z Liflandskich Kronik, tudzież ze dwu dowodnych Latopiszczów* który każdy naleść może w Grodku, w skarbie sławnej pamięci pana Chodkiewicza Alexandra, starosty grodzieńskiego. (Stryjk., I, 252 – 253). Такъ, въ двухъ только лит. лѣтописяхъ (Даниловичъ — въ разсужденіи о лит. лѣтоп., стр. 54 — склоняется къ тому, что это были волынскіе лѣтописцы, но едва-ли это справедливо) Стрыйковскій нашелъ, что отецъ Миндове назывался Рынгольтомъ.

Вотъ почему изслѣдователю литовской исторіи въ настоящее время пока не откроются еще какія-нибудь литовскія лѣтописи, приходится совершенно оставить мысль сдѣлать какое-нибудь приложеніе изъ генеалогіи, находящейся въ »Лѣт. Бых.« и у Стрыйковскаго: всякая попытка была бы безполезна. Уже Коялович (T. I, 47) сказалъ: »Quin ipse quoque veri incertus, totam annorum supputationem *ad Mandogi usque principatum* suspectam ut reperi relinquo«. Мы можетъ быть увѣренно вполнѣ въ истинѣ только слѣдующей таблицы, которую можемъ извлечь изъ нашей лѣтописи и отчасти изъ др. источниковъ:

раясь на это, онъ и началъ борьбу изъ-за чисто литовскихъ земель, сначала—съ неродственными князьками [1]), а потомъ и съ своими братьями и племянниками [2]).

Стремясь притянуть побольше русскихъ земель, Миндове однакоже не объявлялъ еще притязаній на югозападную Русь, откуда можно было получить въ то время сильный отпоръ, а направилъ удары на русскія области, примыкавшія къ восточной окраинѣ его владѣній [3]). Напротивъ, онъ былъ въ постоянной дружбѣ съ Даніиломъ и дважды помогалъ ему въ борьбѣ его съ врагами [4]).

Но Даніилъ, какъ дальновидный политикъ, хорошо понималъ, что рано или поздно Литва, еслибы въ ней утвердилось дѣло Миндове, должна была напасть и на югозападную Русь, въ чемъ онъ и не ошибся [5]).

Неизвѣстный.

Миндове Выкынтъ его жена взята послѣ Вишимута (ея сестра за Довмонтомъ).	неизвѣстная по имени сестра Миндове	Неизвѣстно, ея ли сынъ	Братья Миндове. Отъ одного изъ нихъ
Войшелкъ Рукль Репскій. Неизвѣстная по имени жена Шварна.	Тренята Товтивилъ (у Дюсб. Crinola, у Длуг. Стройнатъ).	Sororius Lygeike (грам. 1260 г.) (въ Ип.: Ликникъ).	Эдивидъ

[1]) Ип. подъ 1215, 492: »а се Булевичи: Вишимутъ, его же уби Миндовгъ и жену его поялъ и братью его побилъ, Едивила, Спрудѣйка«.

[2]) Ип., 567 и 541

[3]) И послѣ втораго своего разрыва съ Даніиломъ онъ не предпринималъ завоевательныхъ походовъ на югозападную Русь, а устремлялъ свои взоры за Днѣпръ (Ип., 568: »Послалъ бяшеть Миндовгъ всю свою силу за Днѣпръ на Романа на Бряньского князя«).

[4]) Въ 1236 г. онъ сдѣлалъ, по желанію Даніила, набѣгъ на земли Конрада [который отнесенъ къ этому году въ хроникѣ Альберта Стрены, говорящей: »Eo autem tempore Comes *Huyd* cum non contemnendo exercitu venit ad ducem Leonem. Masoviam omnem duce orbam cum Russis et Lithuanis populabundi peragraverunt etc.« »Skarbiec, № 78); во второй разъ онъ посылалъ Даніилу вспомогательное войско въ 1245 г., впрочемъ, когда оно пришло, все уже было кончено Ип., 517, 532 и 535.

[5]) Уже Миндове, разсорившись съ Даніиломъ, испросилъ у папы позволеніе воевать Россію и присоединять ея области къ своимъ владѣніямъ. Рядомъ съ этою буллою была выдана другая, позволявшая коронovать Войшелка литовскимъ королемъ (Theiner, »Vetera Monum. Pol. et Lith.«, I, № CXXIII).

Къ тому онъ былъ не прочь присоединить къ своимъ владѣніямъ находившійся подъ властію Литвы Новгородокъ и сосѣднія русскія земли [1]). Поэтому, какъ только онъ раздѣлался съ другими болѣе опасными врагами, и какъ скоро представился удобный случай вслѣдствіе того, что Миндове вооружилъ противъ себя даже своихъ родственниковъ [2]), Даніилъ рѣшился начать борьбу.

Врагъ могъ быть уничтоженъ въ самомъ началѣ, еслибы, по составленному Даніиломъ обширному политическому плану, ему помогли всѣ южные и западные сосѣди Литвы, т. е. поляки и рыцари [3]) Даніилъ считалъ это дѣло общехристіанскимъ Посылая къ ляхамъ за помощію, онъ говорилъ: »яко время есть христьяномъ на поганѣѣ, яко сами имѣють рать межи собою« [4]). Но горячо брался за дѣло одинъ только Даніилъ. Какъ сильно онъ желалъ сокрушить могущество Миндове, видно изъ того, что онъ былъ крѣпко разсержень, когда получилъ извѣстіе объ отпаденіи послѣднихъ союзниковъ, на которыхъ надѣялся [5]); онъ посылалъ большіе подарки въ Ригу, лишь бы склонить къ войнѣ нѣмцевъ [6]) и не желалъ сначала мириться съ Миндове, когда

---

[1]) Stryjkowski, I, 286. Южнорусскіе князья не оставляли своихъ притязаній и потомъ. Бурдикидъ и Будивидъ дали Мстиславу Дан. Волковыйскъ, чтобы только жить съ нимъ въ мирѣ (Ип., 614).

[2]) Подробнѣе о томъ см. въ Ип. сп. подъ 1252, стр. 541. Обращаемъ вниманіе на то, что до сихъ поръ оставляютъ безъ объясненія одну фразу гал.-вол. лѣтописи въ разсказѣ о гоненіяхъ Миндове. Посылая своихъ племянниковъ на Русь, Миндове говоритъ: »што хто приемлеть, собѣ держить *вражбою*« (Х.П. »вьрожбою«); далѣе читаемъ въ лѣтописи о Миндове: »бо *за ворожьство с ними Литву зая*« Сл. »Лѣтоп., Быхъ,«, гдѣ иначе

[3]) Возможность этого признается въ одной грамотѣ самого Миндове. Вотъ ея слова: »...nos quoniam totum regnum nostrum Lettaviae pe aliquos christianae fidei inimicos et *aliquorum Apostatum* (намекъ на Даніила) sic turbati fuerimus et confusi, quod nisi dictorum magistri ac fra trum (dictorum—разум. упомянутые передъ тѣмъ magister ac fratr domus Theutonicae) magnum consilium et auxilium nobis affuisset totu regnum nostrum fuisset cum subversione fidei annihilatum«. Naruszewicz, V str. 365. (по изд. 1803).

[4]) Ип., 541.

[5]) Ип., 544: »Тевтивилъ прибѣже к Даніилу и(зъ) Жемоить Нтвязь, река, яко Миндовгъ убѣди я серебромъ многимъ; *Даніилу м гиньвъ имьющю на нь*«.

[6]) Stryjk., I, 287. Ип., 541. О сношеніяхъ Даніила съ Ригою, кажется, довольно подробно сообщается въ соч. Goetze: »Albert Suerbee (S.-Pt. 1854)«, но мы не видали этой книги.

тотъ предлагалъ это [1]). Поляки отказались воевать съ Миндове, а крестоносцы, хотя открыли-было непріязненныя дѣйствія, скоро отстали и подружились съ Миндове, которому даже стали помогать [2]). Даніилъ остался противъ Миндове только съ племянниками послѣдняго, да съ напятыми ими отрядами ятвяговъ и жмуди [3]). Силы обоихъ противниковъ оказались равными, и Даніилъ долженъ былъ удовольствоваться тѣмъ, что его сыну Роману были уступлены завоеванные литовцами по-нѣманскіе города: Новгородокъ, Волковыйскъ, Слонимъ и др., съ тѣмъ условіемъ, чтобы Романъ признавалъ верховную власть Миндове [4]). Вѣроятно, тогдаже Даніилъ выговорилъ Товтивилу спокойное владѣніе Полоцкомъ, въ которомъ потомъ мы видимъ Товтивила.

Заключенный боровшимися сторонами миръ не рѣшилъ дѣла: ни одна изъ нихъ окончательно не возобладала. Нѣсколько лѣтъ спустя между ними наступило новое размирье. Кажется, что литовцы были недовольны тѣмъ, что Василько участвовалъ въ татарскомъ походѣ на Литву [5]). Какъ бы то ни было, они захватили Романа Даніиловича и отецъ его и дядя стали отыскивать его въ литовской землѣ, при чемъ опустошали ее [6]). Съ этого времени югозападная Русь находилась не

---

[1]) Stryjk., I, ibid.

[2]) Ип., 543: »Наутрѣя же выѣхаша Нѣмцѣ со самострѣлы, и ѣхаша на нѣ Русь с Половци и стрѣлами ..«

[3]) Сами литовцы, так. обр., вредили себѣ, не понимая полезности дѣла Миндове. Въ то время литовскія племена готовы были за деньги служить всѣмъ—даже нѣмцамъ и обратились чуть не въ германскіе гелейты. О помощи ихъ нѣмцамъ см., напр., П. с. р. л., III, 37 подъ 1219; о помощи Конраду Мазовецкому см. у Богуфала (ed. Sommersb., p. 58); о помощи со стороны литовцевъ и ятвяговъ Святополку Поморскому см. у Длугоша (lib. VII, col 701) и т. п.

[4]) Особенно ясно высказывается эта зависимость Романа отъ Миндове въ гал.-вол. лѣт. подъ 1257 (Ип., 555): »Присла же Миндовгъ к Даніилу: *»пришлю к тобѣ Романа и Новогородцѣ...«* О мирѣ съ Миндове лѣтопись говоритъ послѣ разсказа о коронованіи Даніила; слѣдоват., это случилось около 1254 г.

[5]) Объ этомъ походѣ см. предыд. гл., прим. 32.

[6]) Существуетъ мнѣніе, что Романъ Даніиловичъ былъ убитъ тогда литовцами (Шараневичъ, »Ист. Гал Вол. Руси«, стр. 100), и такъ покажется всякому, который будетъ имѣть въ виду только нашу лѣтопись. Романъ Даніиловичъ упоминается въ ней послѣ описанія поисковъ Даніила и Василька только одинъ разъ, но какъ мертвый: Левъ Даніиловичъ, желая выманить у Владиміра Васильковича Берестье, между прочимъ, говоритъ, что въ Холмѣ »*Романъ* и Шварно и всѣхъ кости туто

въ ладахъ съ Литвою до самой смерти Миндове [1]). Но это не привел ни къ чему серьезному Миндове былъ занятъ другими, болѣе важными отношеніями и иногда только посылалъ отряды для опустошенія рус скихъ земель. Русскіе изливали свое мщеніе на тѣже отряды—не болѣ —и даже не пытались отнять понѣмапскіе города, оставшіеся, по все вѣроятности, за Литвою. Время не было уже такъ благопріятно, как прежде, хотя орденъ опять считалъ Миндове своимъ врагомъ. Польш вновь была опустошена татарами и литовцами, и, по прежнему, межд ея князьями не было единодушія. Нѣмцы имѣли у себя домашних враговъ въ лицѣ пруссовъ Такимъ образомъ, югозападная Русь болѣе чѣмъ прежде, должна была разсчитывать на свои только собственны силы, а тутъ, какъ нарочно, она также пострадала отъ татаръ и имѣл въ лицѣ ихъ грозныхъ враговъ.

Такое же пассивное отношеніе со стороны югозападной Руси к литовскимъ дѣламъ мы замѣчаемъ и въ остальное время княженіе Да ніила.

лежать« (Ип., 600). Затѣмъ: послѣ описанія поисковъ идетъ описані свадьбы у Василька; »Бяшеть же тогда братъ Васильковъ Данило ко роль, *со обѣима сыномa своима* со Львомъ и со Шварномъ« (Ип., 562) Но прежде всего скажемъ, что передъ разсказомъ о свадьбѣ въ лѣто писи есть пропускъ. Во 2-хъ, Романъ еще въ 1259 г., по свидѣтель ству польскихъ источниковъ, которое отвергнуть нѣтъ основаній (оп находится и въ современномъ актѣ: »Scarb.«, str. 109, № 250, акт 1263, и у современнаго пропинствію лѣтописца), помогалъ Сомовит Мазовецкому, о чемъ въ нашихъ лѣтописяхъ нѣтъ ни слова. Вѣроятно въ томъ же году онъ и умеръ.

[1]) Миндове былъ убитъ осенью 1263 г. Въ »Лѣтописцѣ Рускомъ« (ч. II, Спб. 1792) сказано, что это случилось зимою того года (стр. 35) Конечно, мы должны вѣрить болѣе галицко-вол. лѣтоп., нежели поль скимъ историкамъ и лѣтописцамъ. которые говорятъ, что въ 1262 г вмѣстѣ съ литовцами на Мазовію нападали и находившіеся въ союз съ ними русскіе и что Сомовитъ былъ убитъ Шварномъ (Boguph., 74 Dlug., col 766—767: Длугошъ ярко расписываетъ жестокость Шварна Krommer, lib. IX). Не любящая лжи и болѣе компетентная гал.-вол лѣтоп. приписываетъ все эт. одной Литвѣ; изъ русскихъ князей с литовцами, по ея словамъ былъ только бѣжавшій изъ Рязани Евстафій Константиновичъ, котораго она называетъ »окаяннымъ и безаконнымъ« (Ип., 565; не онъ ли убилъ Сомовита?); однимъ же литовцамъ при писыв. набѣгъ и убіеніе Шварна и въ хроникѣ аноним (Sommersb. II, 83), въ Annales Silesiae superiores (Pertz, XIX, 553), въ Annales capituli Cracov. (ibid., 601) и въ Annal. Polon. I. III. IV (ib., 636—637)

Итакъ, хотя Даніилово вмѣшательство въ литовскія дѣла немало содѣйствовало остановкѣ развитія литовскаго могущества, но его попытка совершенно подавить въ зародышѣ Литву, какъ будущаго врага югозападной Руси, окончилась неудачею. Быть можетъ, было бы нѣсколько иначе, еслибы онъ былъ принужденъ заботиться объ одной Литвѣ. Но онъ желалъ раздѣлаться и съ другимъ врагомъ, привлекъ его вниманіе и былъ потому, что̀ называется, между двухъ огней.

2. Сѣверо-западные сосѣди Даніиловой Руси могли обратиться въ ея завоевателей въ недалекомъ будущемъ. Съ востока ей грозили враги въ настоящемъ; желанія ихъ были инаго рода

Первоначально татары не думали ограничиться покореніемъ одной Руси [1]). Когда же потомъ они должны были оставить свои обширные

---

[1]) Вотъ что говоритъ о нихъ подъ 1244 г. Матѳей Парижскій со словъ какого-то *русскаго* (такъ стоитъ въ подлинникѣ) архіеп. Петра: »Они намѣрены покорить себѣ весь свѣтъ, и думаютъ, что, по опредѣленію божественному, должны они въ теченіе тридцати девяти лѣтъ опустошить вселенную. Думаютъ и увѣряютъ, что произойдетъ страшная борьба между ими и Римлянами...« (Филаретъ, »Обзоръ р. дух литературы«, Харьковъ, 1859. стр. 90) Пр. Филаретъ считаетъ этого Петра галицкимъ епископомъ (такого же мнѣнія держались и нѣкоторые галицкіе писатели см. гал. ист. сборн., II, стр. 3); но въ Галичѣ передъ татарскимъ нашествіемъ и послѣ него упоминается еп Артемій (Ип., 518 и 527); не находимъ Петра и въ спискѣ галицкихъ епископовъ, напечатанномъ въ I-мъ вып. »Гал ист сборн.« (стр. 145). А. С. Петрушевичъ (»Гал. ист. сб.« II, стр. 6 —8 и 96—97) считаетъ Петра титулярнымъ латинскимъ архіепископомъ de Russia. Такіе номинальные католическіе епископы русскихъ земель появились, дѣйствительно, около этого времени (свидѣтельства нѣкоторыхъ писателей о существованіи ихъ раньше не заслуживаютъ опроверженія). При Генрихѣ Бородатомъ († 1238) упоминается Опатовскаго »monastera Abbas et *Ruthenorum episcopus*, который pro Catholicis ibi (т. е. въ югозап. Руси) degentibus *de novo* fuerat creatus« (Sommersb. II, 58). Но вышеупомянутый Петръ не могъ быть этимъ епископомъ: подъ 1253 г. этотъ *primus* episcopus Russiae названъ Gothardus (ibid., 66). Едвали въ то время (ок. 1241 г.) были еще другіе какіе-нибудь episcopi Ruthenorum. По словамъ папской буллы 1257 г., укрѣплявшей за Любусскимъ епископатомъ право завѣдывать латинцами, жившими въ Россіи,—право, переходившее къ этому епископату отъ Опатовскаго, предшественники Любусскаго епископа »fuere pro tempore in possessione spiritualis jurisdictionis *super omnes Latinos*, existentes in Russia...« (H. R. M., I, XCIV). Папская грамота 1320 г. говоритъ: » ecclesia Kyoviensis in confinibus Ruthenorum et Tartarorum, qui antiquitus Galathe vocabatur, elapsis *centum annis et amplius*....

замыслы, то, поселившись на всемъ почти протяженіи восточной гра
ницы Руси, рѣшились хотя ее не выпускать изъ своихъ рукъ и стал
зорко слѣдить за князьями всѣхъ русскихъ земель, потому что *считал
себя владыками всей Руси*. При этомъ они были *врагами* только *пол
ной* ея *независимости* и предоставляли князьямъ въ извѣстныхъ пре
дѣлахъ свободу.

Югозападная Русь должна была подчиняться имъ наравнѣ съ остал
ными землями. Ея князь не явился въ орду по первому зову, котор
былъ обращенъ ко всѣмъ русскимъ князьямъ [1]), и отъ него потребовал
Галича. Сопротивляться не было возможности. Въ концѣ 1245 г. он
отправился въ орду, сталъ на колѣни передъ ханомъ и назвался холопомъ [2]

---

infeliciter caruit pastore proprio, clero et populo christianis« (Theiner, M
num. Pol. I, p. 162, № 252; ср. ibid., p. 295, № 376). Если здѣс
дѣло идетъ о Галичѣ, то мы не споримъ противъ хронологическо
даты буллы; если же о Кіевѣ, то множество фактовъ можно привест
въ доказательство того, что тамъ вовсе не было католическихъ епископ
повъ до 1244 г. И такъ, трудно пріурочить занимающаго насъ Петр
къ разряду титул. р. кат. сп. Руси, хотя разсказъ о немъ даетъ болѣ
всего правъ именно на то. Можетъ быть, онъ занималъ епископску
каѳедру въ другомъ какомъ-нибудь городѣ южн. Руси, кромѣ Галич

[1]) Ник. III, 20: »также (Батый) повелѣ всѣмъ княземъ руским
оставшимъ в Руси прити к себѣ«.

[2]) Пл., 536.—Гал.-вол. лѣт относитъ это къ 1250 г., и всѣ без
исключенія историки принимаютъ ея показаніе. Но о поѣздкѣ Данія
въ орду въ ней говорится непосредственно вслѣдъ за описаніемъ Яр
славской битвы, которая, какъ мы видѣли, случилась въ 1245 г. По
этому и подчиненіе Даніила Татарамъ нужно отодвинуть назадъ. Н
необходимость этого указываетъ также то, что, по возвращеніи Даніил
Конрадъ Мазовецкій († 1247) былъ еще живъ (Пл., 537). Точно опр
дѣлить время Даніиловой поѣздки даетъ возможность Плано-Карпини
Въ то время, когда послѣдній проѣзжалъ чрезъ югозап. Русь, Даніил
былъ въ ордѣ. Плано-Карпини, по всей вѣроятности, видѣлъ его гд
то за Днѣпромъ. Плано-Карпини прямо этого не говоритъ, но так
можно думать. Онъ не упоминаетъ о встрѣчѣ съ Даніиломъ перед
Днѣпромъ (см. стр. 10), не причисляетъ его также къ лицамъ, кот
рыхъ встрѣтилъ у Батыя. [Въ Бержеронововъ переводѣ послѣдне
главы Плано-Карпини читаемъ: »Il (Jean Carpin) fait mention des noms
de tous ceux qu'il a trouvez ou rencontrez à, ou *par les chemins*. Comm
le Roi Daniel de Russie, avec toute sa suitte, étant près de Bathy, et d
Carbon qui avoit épousé une soeur de Bathy« (стр. 212); потомъ Плано
Карпини ссылается на провожавшаго его на нѣкоторомъ разстояніи к
Батыю Могроша; послѣ этого онъ уже говоритъ о тѣхъ, кого застал

Неизвѣстно, обязался ли онъ платить дань или нѣтъ, но несомнѣнно, что татары требовали ее [1]).

Врагъ былъ общерусскій. Но въ то время, какъ остальныя русскія земли, молча, подчинились татарскому игу, Даніилова область рѣшила сдѣлать попытку къ освобожденію себя отъ стѣснявшаго ее гнета.

Ея князю болѣе, чѣмъ остальнымъ русскимъ князьямъ, казалось несноснымъ и было тяжело признавать надъ собою татарскую власть. Обратимъ вниманіе на то, что чувствовалъ этотъ прекрасно образованный европеецъ при встрѣчѣ съ татарами. »И приде Переяславлю, и

у Батыя и у великаго хана (стр. 314)]. Плано-Карпини проѣзжалъ черезъ Волынь въ 1 й разъ въ январѣ 1246 г.: 2-го февраля онъ былъ уже въ Кіевѣ [стр. 19] Въ древнихъ рукописяхъ Плано-Карпини его путешествіе обозначается совершенно вѣрно то 1245, то 1246 г. См. »Критико литературное обозрѣніе путешественниковъ по Россіи« Ф. Аделунга. Ч. I. М. 1864, стр. 58—59 Что мы правильно выставили 1246 г., видно изъ разныхъ упоминаемыхъ Плано-Карпини происшествій, имѣвшихъ мѣсто въ томъ году. При немъ скончался въ Азіи Ярославъ Всеволодовичъ, а онъ, по нашимъ лѣтописямъ, умеръ 30-го сентября 1246 г.: П. с. р. л., I, 201; ib VII, 156; Ник. III, 26. Незадолго до Плано-Карпини (стр. 84) былъ убитъ въ ордѣ Михаилъ, а это случилось 20-го сентября того же 1246 г.: П. с. р. л., I, 201; Ник. III, 25; въ Воскрес.— II с р л., VII, 156—неправильно показано 23-е сентября]; у Батыя же онъ былъ отъ великаго четверга до дня Пасхи 1246 г. (Плано-Карпини, стр. 16 и 22) Папская була къ татарамъ помѣщена у Языкова и помѣчена: »nonas Martii anno II.« По словамъ нашей лѣтописи, Даніилъ отправился къ Батыю »на праздникъ святаго Дмитрѣя«; въ то время Днѣпръ еще не покрывался льдомъ: »изыде изъ монастыря въ ладьи« (Ип., 535). Изъ сличенія этихъ данныхъ мы выводимъ, что Даніилъ выѣхалъ въ орду въ октябрѣ 1245 г. и не переправлялся на правую сторону Днѣпра, на обратномъ пути, до начала февраля 1246 г. Обращаясь затѣмъ къ подробностямъ, находящимся въ галицко-вол. лѣтописи, нельзя не придти къ тому же результату: во время поѣздки Даніила, въ Кіевѣ сидѣлъ еще намѣстникъ Ярославовъ (Ип., 535); у Батыя его также встрѣчалъ Ярославовъ человѣкъ (ib., 536). — Послѣ свиданія съ Даніиломъ, Батый считалъ его земли вполнѣ покорными себѣ и къ подданнымъ Даніила, а не къ кому-нибудь иному, при возвращеніи папскихъ пословъ, онъ »послалъ грамоту за своею печатью, чтобы давали имъ лошадей и все нужное, а въ противномъ случаѣ угрожалъ имъ всѣмъ смертною казнію«. (»Собр. пут. къ тат., стр. 217).

[1]) Ип., 536: »пыпѣ сѣдить на колѣну и холопомъ называться, а *дани хотять*, живота не чаеть и грозы приходять«.

стрѣтоша Татаровѣ. Оттуда же ѣха къ Куремѣсѣ, *и видѣ яко нѣсть в нихъ добра. Оттуда же нача болми скорбѣти душею*, видя "бо обладаемы дьяволомъ: сквѣрная ихъ кудѣньская блященья и Чингизаконова мечтанья, сквѣрная его кровопитья, многыя его волшьбы; приходящія царіе и князи и велможѣ, солнцю и лунѣ и землю, дьяволу, и умершимъ въ адѣ отцемь ихъ и дѣдомъ и матеремь, водяше околе куста покланятися имъ. *О сквьрная прелесть ихъ! Се же слышавъ велми нача скорбѣти* [1])«. Нужно вспомнить также гордую натуру Даніила (какъ горько должно было быть для нея униженіе! [2]) и его горячую любовь ко благу и независимости родины. Не слѣдуетъ забывать и того, что это былъ могущественнѣйшій изъ тогдашнихъ князей [3]).

Даніилъ задѣвалъ всю Батыеву орду. На успѣхъ въ борьбѣ с нею можно было разсчитывать только въ томъ случаѣ, еслибы удалос выставить противъ нея огромную массу. Путешествовавшій къ татарам Плано-Карпини говоритъ: »Нѣтъ такой области, которая сама собою могла бы имъ сопротивляться; ибо собираютъ они на войну изъ всѣх земель, которыми владѣютъ. Поэтому если христіане хотятъ сохранит себя и свои земли и все христіанство, то необходимо, чтобы короли князья и бароны и правители земель, соединясь, послали на нихъ по общему соглашенію, войско, прежде нежели начнутъ они разсѣваться по землямъ [4])«. Сами татары кичились своимъ многолюдствомъ и по тому именно и думали, что противъ нихъ не можетъ устоять никако

---

[1]) Ibid. 535—536.

[2]) Не даромъ другихъ лѣтописцевъ »татарская честь« не оскор бляла такъ; а тутъ читаемъ: »О злѣе зла честь Татарьская!.... О зла честь Татарьская«! (Ип., 537).

[3]) Въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ, Даніилъ съ самаго начал не хотѣлъ покоряться татарамъ. До зова со стороны Батыя онъ н ѣхалъ въ орду, а собиралъ въ то время свѣдѣнія о татарахъ [Плано Карпини говоритъ о Василькѣ: »venerat Dominus Wasilico, Dux Russiae a quo etiam prenius de facto audiuimus Tartarorum: quia *nuncios illuc miserat, qui jam redierant ad ipsum.*« Стр. 8]. Къ хану онъ отправилс только потому, что еще не достаточно приготовился къ защитѣ: »Быст в печали велицѣ, зане не утвердилъ бѣ землѣ своея городы: и думав съ братомъ своимъ, и поѣха к Батыеви...« (Ип., 535). По возвращени изъ орды, онъ съ новымъ жаромъ принялся за планы касательно сверженія татарскаго ига.

[4]) Собр. путеш. къ тат., 203.

народъ [1]). Они двигались всегда въ полномъ составѣ орды, тогда какъ осѣдлые жители областей, на которыя они нападали, не всѣ противъ нихъ выходили; земское ополченіе являлось безсильнымъ. Этимъ объясняется легкое завоеваніе Руси татарами.

Вотъ почему Даніилъ почти съ той самой поры, какъ задумалъ борьбу съ ними, началъ хлопотать о составленіи противъ нихъ большаго ополченія изъ западно-европейцевъ [2]); о соединеніи съ сѣверовосточ-

---

[1]) Ibid., 108.

[2]) По словамъ Стрыйковскаго (I, 291), Даніилъ отправлялъ къ папѣ пословъ уже въ 1245 г. (наЛіонскій соборъ), но это невѣрно: изъ Плано-Карпини видно, что, до проѣзда послѣдняго чрезъ юго-западную Русь, Даніилъ не заводилъ сношеній съ Римомъ. Папа первый вызвалъ его на это: онъ далъ посламъ, отправлявшимся къ татарамъ, грамоту, для врученія князьямъ юго-западной Руси, въ которой увѣщевалъ ихъ »возвратиться къ единенію со святою матерью церковію«. Иннокентій IV интересовался привлеченіемъ Даніила въ лоно католицизма потому, что, съ обращеніемъ его, 1) увеличилась-бы папская паства, а во 2-хъ, католическій міръ въ лицѣ его пріобрѣлъ-бы на границѣ съ невѣрными сильнаго государя; а папа такъ заботился объ охраненіи католическихъ земель отъ татаръ! Папскіе послы, при первомъ своемъ проѣздѣ чрезъ юго-западную Русь, не могли получить рѣшительнаго отвѣта, потому что не было дома Даніила (Плано-Карпини, 8). Безъ сомнѣнія, Василько разсказалъ брату (возвратившемуся, вѣроятно, въ февралѣ) объ ихъ словахъ. Они порѣшили вступить въ переговоры съ Римомъ и въ первые мѣсяцы 1246 г. (въ февралѣ, или въ мартѣ, или въ апрѣлѣ) отправили къ папѣ пословъ. Указаніе на это посольство мы находимъ въ папскихъ грамотахъ, датованныхъ »V. Nonas Maii« 1246. Въ одной изъ нихъ папа говоритъ: »*votis tuis* libenter annuimus, et *petitiones tuas* quantum cum Deo possumus favorabiliter exaudimus. *Tuis* itaque *supplicationibus* inclinati...« (H. R. M., I, LXII). Въ др. грамотѣ отъ того же числа, обращенной къ королю русскому Іоанну и ко всѣмъ вѣрнымъ, папа выражается уже не такъ опредѣленно: »sicut *accepimus*...« Очевидно, объ этомъ же посольствѣ упоминаетъ Плано-Карпини подъ 1247 г.: »responderunt nobis communiter dicentes— —confirmantes etiam omnia, quae *prius de hac materia per Abbatem suum transmiserant*« (стр. 62). Райнальдъ не вдается въ подробности о томъ, по какому случаю написаны названныя нами грамоты. Онъ говоритъ (»Annales Ecclesiastici, XIII, ad a. 1246, № 28, p. 558): »laetissimo primo nuntio excitatus Innocentius, Prussiae archiepiscopum, quem ex Armachana ad illam sedem ineunte anno transtulerat, Apostolicaeque sedis legati dignitate ornatum ad Russos misit«. — Второе посольство въ папѣ было отправлено Даніиломъ въ 1247 г.— вмѣстѣ съ возвращавшимся въ Римъ Плано-Карпини (»Собр. путеш. къ тат.«, 62), и отвѣтомъ на него являются буллы, помѣченныя: »Lugduni VI. Kalendas

ною Русью онъ не помышлялъ. Западъ не подалъ ему помощи, несмотря на то, что посланные папою къ татарамъ привезли грозную вѣсть о походѣ на Западъ, который послѣдніе намѣревались предпринять [1]); не вліяли на католиковъ и постоянныя воззванія къ крестовому походу съ церковныхъ каѳедръ [2]). Даніилъ рѣшился выступить противъ татаръ съ однѣми собственными силами [3]). Послѣ первыхъ успѣ

Septembris. Anno V« (1247) (»H. R. M.«, I, №№ LXVII—LXXI). Въ одной изъ папскихъ буллъ этого года (ibid. LXXII) упоминаются »litterae speciales« и »nuntii, quos—transmisit nuper ad nostram presentiam«. въ др. грамотѣ (LXXV) такими нунціями названы »fratres H. et A. de ordine fratrum Predicatorum«, очевидно, тѣ самые, которыхъ папа послалъ въ предыдущемъ году для пребыванія при Даніилѣ (LXIII).

[1]) »Собр. путеш. къ Тат.«, 200, 196; грамота Байотноя у Асцелина, гл. 12, стр. 258 и 260.

[2]) Едва-ли не первою буллою, вызывавшею Западъ къ крестовому походу противъ Татаръ, была напечатанная у Райнальда подъ 1243 г (№№ 36—37; p. 523). Пропуская слѣдовавшій затѣмъ рядъ папскихъ мѣръ для защиты католичества отъ Татаръ, укажемъ на то, что папа приглашалъ вѣрныхъ къ ополченію противъ нихъ въ 1253 (по сообщенію со стороны Даніила объ угрожавшемъ набѣгѣ. H. R. M. I, LXXXVIII) и въ 1254 (ibid., № XC; булла помѣчена: »XII. Kal. Junii«) гг. Подобныя увѣщательныя грамоты папы издавали и послѣ разрыва съ Даніиломъ [въ 1258: *Voigt*, Gesch. Preussens 4 s. 150, и Cod. diplom., p. 121; въ 1260: Cod. dip., p. 131; въ 1261: Raynaldi Ann., XIV, ad a. 1261, № 6; въ 1262: ibid., ad a. 1262, №№ 29 — 32]; но онѣ не имѣли никакого значенія, равно какъ и буллы, побуждавшія къ крестовому походу противъ Литовцевъ (см. напр. »Ann. Eccl.« XIV, ad a. 1255, № 59, ad a. 1257, № 25); ополченія не могли организоваться; дѣло ограничивалось тѣмъ, что крестъ принимали одиночныя лица и послѣ того сидѣли дома; нѣкоторыя даже старались потомъ снять съ себя обѣтъ (Rayn., ibid.).

[3]) Онъ предпринялъ противъ нихъ даже наступательное движеніе (см. въ I-й гл.).—Одинъ разъ, повидимому, Даніилъ могъ дѣйствовать, опираясь на литовскія силы (Ип., 555—556), но онѣ не оказали ему никакого пособія.—Первые начали борьбу (въ концѣ 1253 или въ началѣ 1254 г.) Татары, должно быть, узнавшіе о сношеніяхъ Даніила съ Западомъ. Вскорѣ послѣ коронованія его они двинулись къ Бакотѣ (Ип., 549). Во время проѣзда Плано-Карпини, они кочевали еще у правой стороны Днѣпра. Щербатовъ догадывался, что въ 1252 г. Татары пошли на Даніилова зятя, Андрея Ярославича, потому, что опасались этой родственной его связи съ Даніиломъ (»Ист. Росс.«, т. III, Спб. 1774, стр. 65). Г. Трубецкой также думаетъ (»La russie rouge« 146), что Андрей началъ заявлять открыто неповиновеніе Татарамъ подъ вліяніемъ Даніила. Но это не выдерживаетъ критики.

ковъ [1], онъ долженъ былъ поникнуть головою, когда на мѣсто баскака Куремсы былъ двинутъ съ болѣе численными полчищами Бурандай. Силы послѣдняго были страшны Даніилу. »Даніилъ же держаше рать с Куремьсою, и николи же не бояся Куремьсѣ: не бѣ бо могль зла ему створити никогда же Куремьса, дондеже приде Бурандаи со силою великою [2])«. Этотъ »безбожный, злый, окаянный, проклятый« воевода, какъ называетъ его лѣтопись, заставилъ Даніила въ концѣ концовъ отречься отъ мысли о борьбѣ съ татарами приказавши срыть почти всѣ воздвигнутыя въ югозападной Руси укрѣпленія. Что должны были чувствовать южнорусскіе князья при сценахъ слѣдующаго рода! »Пойде Бурандай ко Володимерю, а Василко князь с нимъ, и не дошедшу ему города, и ста на Житани на почь Бурандай же нача молвити про Володимерь: »Василко! розмечи городъ«; князь же Василко нача думать в собѣ про городъ, зане немощно бысть розметати вборзѣ его величествомъ, повелѣ зажечи и; и тако чересь почь изгорѣ весь Завътра же приѣха Бурандаи в Володимерь, и видѣ своима очима городь изгорѣвши весь; и нача обѣдати у Василка на дворѣ и пити; обѣдавъ же и напивъ и леже на почь у Пятидна. Завътра же присла татарина, именемь Баймура, Баймуръ же приехавь ко князю и рче: »Василко! прислалъ) мя Бурандаи. велѣлъ(ъ) ми городъ роскопати«. Рече же ему Василко: »твори повелѣное тобою«. И нача роскопывати городъ, назнаменуя образъ побѣды [3])« Князья собственными руками должны были разрушать то, въ чемъ видѣли послѣдній оплотъ противъ варваровъ, и послѣ того ихъ заставляли принимать участіе въ татарскихъ пиршествахъ!

Борьба съ восточными врагами, какъ и съ сѣверозападными, окончилась для югозападной Руси неудачею, въ силу малыхъ ея средствъ. Не ей было суждено низринуть татарское владычество. Несчастная Россія принуждена была долго еще ожидать того момента, въ кото-

---

[1]) Мы говоримъ о борьбѣ Даніила съ Куремсою, наводившимъ на югозападъ. Плано-Карпини передаетъ извѣстіе, что у Куремсы онъ называетъ его Корренсою) было 60000 человѣкъ (стр. 14; въ нѣкоторыхъ спискахъ неправильно: 600000; см. 46-ю стр. По изслѣдованіямъ новѣйшихъ историковъ (см. Hammer-Purgstall's »Geschichte der Goldene Horde in Kiptschak« Цитата И. И. Шарапевича), у него было всего 10000 человѣкъ.

[2]) Ип., 561.

[3]) Ibid., 562—563.

рый должно было наступить это освобожденіе для каждой изъ двухъ огромныхъ половинъ (московской и литовской), на которыя она разбилась.

Попытка Даніила была однако не безполезна для югозападной Руси. Татары стали побаиваться Даніила. Когда одинъ изъ претендентовъ на Галичъ просилъ у нихъ помощи, они ему отвѣчали: »како идеши в Галичь, а Данило князь лютъ есть; оже отъиметь ти животъ, то кто тя избавить [1])«?—Побаивались они и того, чтобы онъ не двинулъ на нихъ Западъ, предъ силами котораго они чувствовали нѣкотораго рода страхъ [2]). Потому-то даже Бурандай называлъ галицко-волынскихъ князей не иначе, какъ »мирниками«, т. е. находящимися въ союзѣ [3]), и власть татаръ не была такъ прочно утверждена, какъ въ сѣверовосточной Россіи.

Въ заключеніе намъ остается сказать нѣсколько словъ въ защиту политики Даніила относительно татаръ противъ С. М. Соловьева. Этотъ ученый какъ-бы не одобряетъ ее, отдавая предпочтеніе, по своему обыкновенію, политикѣ сѣверныхъ князей. »Неудача предпріятій Даніиловыхъ, говоритъ онъ [4]), служитъ самымъ лучшимъ объясненіемъ постоянной покорности Александровой и выставляетъ съ выгодной стороны проницательность и осторожность внука Всеволода III«. Соловьевъ думаетъ какъ-бы, что Даніилъ не вполнѣ благоразумно и разсчетливо затѣялъ борьбу съ татарами. Но Александръ Невскій былъ далеко слабѣе Даніила по своимъ силамъ и не находилъ ни малѣйшей опоры на Западѣ. Даніилъ былъ въ иномъ положеніи. А что онъ не кидался въ борьбу, очертя голову, просто по чувству удальства, какъ это сдѣлалъ одинъ изъ сѣверныхъ князей [5]), это видно изъ того, что онъ не сразу началъ наступательное движеніе противъ татаръ.

---

[1]) Ип., 550.

[2]) »Собр. путеш. къ Тат.«, 44 и 228.

[3]) Ип., 560 — 562. »Мирникомъ« называлъ и Болеславъ Краковскій Шварна. Ип., 571.

[4]) III, 232—233.

[5]) Андрей Ярославичъ. Когда пришли на него Татары, онъ »смутился въ себѣ глаголя: Господи! что се есть, доколѣ намъ межъ собою бранитися, и наводити другъ на друга татаръ; лутче мнѣ събѣжати въ чужую землю, нежеле дружитися и служити татаромъ. И собравъ вонинство свое иде противу ихъ, и срѣтшеся начаша битись,

IV.

Мы указали на все, заслуживающее, по нашему мнѣнію, вниманія въ княженіе Даніила Галицкаго. Намъ предстоитъ теперь, на основаніи вышесказаннаго, сдѣлать общую оцѣнку всего совершившагося въ теченіе этого княженія.

При Даніилѣ значительная по объему часть Руси, именно югозападная, отдѣлилась отъ прочихъ русскихъ земель и начала жить особенною жизнію. Это обособленіе было вредно въ томъ отношеніи, что постепенно все больше и больше могло развивать чувство отдѣльности, и, при случаѣ, одна часть могла уже и не подумать о поданіи помощи другой, которая казалась ей чуждою; съ сѣвера уже не могъ придти на выручку Галича Мстиславъ; это мы и видимъ въ половинѣ XIV столѣтія, при покореніи Червонной Руси Польшею. Но не одни дурныя послѣдствія могло имѣть это отдѣленіе. Чѣмъ оно сопровождалось? Югозападная Русь не желала терпѣть участи, какую сносили остальныя русскія земли, рвалась къ свободѣ, стремилась къ развитію вполнѣ цивилизованной для своего времени жизни. Имѣй она успѣхъ на этомъ поприщѣ, она принесла бы великую пользу не только западной Руси, которую могла-бы притянуть къ себѣ, но и восточной, избавивъ ее собственными силами отъ враговъ, которые, борясь съ югозападною Русью, боролись потомъ съ Москвою; она могла-бы сообщить отставшимъ въ неволѣ отъ цивилизованной жизни братьямъ выработанную ею здоровую, самобытную и въ тоже время стоящую на уровнѣ времени гражданственность. Она могла-бы вторично сыграть роль, какая однажды была уже выполнена ею,—роль, навсегда освятившую Кіевъ для всей Руси.

И изучающій время Даніила, еслибы не познакомился съ тѣмъ, что было потомъ, былъ-бы почти увѣренъ, что такъ и случилось. При Даніилѣ югозападная Русь претерпѣла много ударовъ и несчастій, но они не убили въ ней жизни, которая обѣщала въ будущемъ прекрасный разцвѣтъ. Въ моментъ Даніиловой смерти съ горизонта не сошли грозныя тучи, но при его жизни югозападная Русь боролась стойко и сравнительно удачно. »Крѣпости срыты по приказанію татарскаго

бысть битва велия и одолѣша татарове, и побежа кн. в. Андрей Суздальскій...« Ник. III, 33—34.

баскака, говоритъ С. М Соловьевъ, но Холмъ сбереженъ, и вообще отношенія монгольскія не такъ тяжки на югѣ, гроза Бурундаева прошла какъ-то мимо [1]». Вѣрно не нужно было ломать голову надъ средствами для борьбы съ непріятелемъ: они были указаны Даніиломъ; эти средства были: единодушіе внутри и, при этомъ единогласіи, союзъ съ Нѣмцами — противъ Литвы [2]) и союзъ съ западомъ вообще—противъ татаръ. Притомъ эти враги принуждены были значительно поостыть въ своихъ порывахъ. Еслибы послѣ Даніила все было, какъ при немъ, то юго-западная Русь устояла-бы противъ всякой непогоди, дождалась-бы свѣтлаго неба и зажила-бы отрадною жизнію въ освѣженной атмосферѣ.

Но въ томъ-то и бѣда, что она не видѣла другаго Даніила Ни одинъ изъ оставленныхъ имъ и бывшихъ послѣ него князей не походилъ на него соединеніемъ въ себѣ огромнаго количества качествъ, которыя были необходимы для государя въ то тяжкое время, не исключая и высоконравственнаго и симпатичнаго Владиміра Васильковича [3]) Не было личности, которая умѣла-бы направлять постоянно къ одной цѣли политику всѣхъ князей юго-западной Руси Послѣ Даніила между ея князьями уже нѣтъ прежняго единодушія, столь важнаго при тогдашнихъ обстоятельствахъ, и это обнаруживается сразу: когда пришлось воевать съ Поляками вскорѣ послѣ смерти Даніила, Левъ не соединился съ братомъ и дядею [4]); а при Даніилѣ всѣ полки шли на враговъ, и это могло сдерживать послѣднихъ [5]) Левъ, заратившись съ Литвою, не получилъ помощи отъ Василька, а просилъ ее у татаръ [6]). Раздѣленіе юго-западной Руси между нѣсколькими нерѣдко разобщенными въ политикѣ и вообще не возвышавшимися постоянно надъ мыслію о личномъ благѣ князьями не давало возможности дѣйствовать наступательно противъ враговъ. И вотъ татарское вліяніе усиливается [7]). Русь

---

[1]) »Исторія Россіи,« III, 233.

[2]) Въ этомъ отношеніи преемники Даніила исполнили его завѣт.

[3]) Посвященную его дѣятельности статью см. въ IV-й кн »Вѣст. зап. Россіи« 1871.

[4]) Ип., 571—572

[5]) Особенно замѣтно въ лѣтописи постоянное несогласіе и нерасположеніе между Львомъ и Владиміромъ Васильковичемъ.

[6]) Ип., 575.

[7]) Лѣтописецъ начинаетъ говорить: »тогда же бяху вси князи въ неволѣ татарьской«. Ип., 575, 588, 591.

не крѣпла, а между тѣмъ Литва и Польша усиливались отъ сплоченія, противъ котораго югозападная Русь не принимала мѣръ, и въ концѣ концовъ подѣлились ею. И она томилась подъ чужеземнымъ гнетомъ четыре съ половиною вѣка; значительная часть ея неосвободилась отъ него и до сихъ поръ.—Время Даніила было самое блестящее время югозападной Руси, начиная съ основанія русскаго государства; съ его смертію она видѣла мало такихъ свѣтлыхъ сравнительно моментовъ.

С. М. Соловьевъ [1]) и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ [2]) объясняютъ ея паденіе иначе. Они утверждаютъ, что въ ней не было задатковъ и возможности крѣпкой жизни. Если согласиться съ ними, то выйдетъ, что Даніилъ строитъ свое зданіе на пескѣ (что и утверждаетъ Бестужевъ-Рюминъ), и что его труды тратились напрасно, и принесли мало пользы. Но въ сѣверовосточной Руси не было элементовъ, особенно благопріятствовавшихъ развитію крѣпкаго государства, и оно образовалось такъ нескоро не по одной причинѣ татарскаго владычества. Кто знаетъ, не случилось-ли бы этого еще позже, если бы не подвернулось татарское нашествіе? Съ другой стороны, въ югозападной Руси не было элементовъ разложенія. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ видитъ все зло въ Галичѣ, въ его аристократіи. Но Галицкая область послѣ Даніила не была первенствовавшею въ югозападной Руси, и Галичъ, и Львовъ не были исключительными столицами послѣдней. Напротивъ, мы имѣемъ основанія думать, что Владиміръ Волынскій имѣлъ болѣе значенія, нежели Львовъ. Это видно изъ дошедшихъ до насъ грамотъ послѣдняго времени самостоятельнаго существованія югозападной Руси [3]). Что же касается галицкаго боярства, то, какъ мы видѣли, оно было подавлено при Даніилѣ и не воскресло съ прежнею силою, сколько намъ извѣстно, до конца XIII столѣтія; когда наши свѣдѣнія о Галицко-Волынскихъ княжествахъ дѣлаются крайне скудными, по случаю прекращенія мѣстной лѣтописи.

Не исполнилась мечта Даніила о самостоятельной жизни югоза-

---

[1]) См. I-ю гл. XIII-го тома.

[2]) «Русская исторія», I, 293—299.

[3]) Въ грамотѣ Юрія II отъ 1327 г. Владиміръ названъ civitas capitalis. Во Владиміръ же писаны грамоты: 1316, 1320, 1335; изъ Львова выдана грамота 1334; объ одной (1325) неизвѣстно, гдѣ писана. «Въ то время нерѣдко даже вся югозападная Русь объединялась подъ названіемъ Волыни». См. «Гал. истор. сборн.», вып. 3.

падной Руси, съ блестящимъ положеніемъ ея среди сосѣдей и съ цвѣтущимъ видомъ внутри: она не сыграла роли, какую ей можно было сулить. Несмотря на то, княженіе Даніила не было безплоднымъ. Оно отсрочило на цѣлое столѣтіе паденіе югозападной Руси, на цѣлое столѣтіе отдалило отъ нея тягости чужеземнаго ига. Западные ея враги, чуть чуть было не овладѣвшіе ею, были отбиты, и она значительно окрѣпла при Даніилѣ благодаря тому, что на время представляла какъ бы одно цѣлое. Единеніе это долго не продолжалось, но все-таки весьма важно было то, что она сосредоточилась въ рукахъ меньшаго числа лицъ, притомъ—лицъ, принадлежавшихъ къ одному роду. Благотворно также должно было дѣйствовать и то, что князья осѣлись на своихъ мѣстахъ. Существуя же въ теченіе цѣлаго столѣтія послѣ татарскаго нашествія, югозападная Русь отвлекала вниманіе Литвы отъ востока, принимала на себя ея удары и давала Москвѣ возможность крѣпнуть, въ то время какъ Псковъ и Новгородъ не допускали къ Москвѣ ливонцевъ.

V.

Указавъ важнѣйшія событія этого замѣчательнаго княженія, опредѣливъ историческое его значеніе, мы не въ правѣ еще окончить свой трудъ. Онъ былъ бы неполонъ, еслибы мы не упомянули о томъ громадномъ благодѣтельномъ вліяніи, какое имѣла на судьбы юго-западной Руси того времени сообщившая ему свое имя личность Даніила Романовича.

Слишкомъ тяжело и трудно было для югозападной Руси то время, въ которое онъ жилъ. Она со всѣхъ почти сторонъ могла опасаться за свою независимость.

Если, несмотря на то, она удержала свою самостоятельность въ отношеніи къ западнымъ и сѣвернымъ сосѣдямъ и даже, напротивъ, сдѣлалась для нихъ болѣе или менѣе грозною, если сразу же не вполнѣ подпала татарскому игу и сколько-нибудь пришла въ цвѣтущее состояніе послѣ всѣхъ бѣдствій, то этимъ она обязана въ громадной степени именно Даніилу; мы говоримъ: въ громадной степени, а не вполнѣ, потому что ни одному человѣку нельзя приписать что-нибудь вполнѣ. Исполнясь когда-нибудь замысловъ враговъ Даніила на его жизнь, стань въ

качествѣ вождя во главѣ юго-западной Руси кто-нибудь другой, ходъ ея исторіи былъ бы совершенно иной. Она не ситотилась бы, что̀ случилось при Даніилѣ, и не имѣла бы отсюда силы, которая весьма много помогала Даніилу; никто другой, кромѣ его, не съумѣлъ бы и такъ прекрасно устроить политическія отношенія ея. Мы просимъ при этомъ читателя вспомнить, что ей помогъ весьма мало даже Мстиславъ Удалой. И это не наше только мнѣніе. М. О. Коялович̀ говоритъ: »Галицко-Волынское княжество просуществовало послѣ татарскаго нашествія (мы скажемъ: послѣ смерти Романа, потому что серьезной опасности оно подверглось именно съ этого времени) еще цѣлое столѣтіе, — еще цѣлое столѣтіе группировало около себя западно-русскія силы. Этимъ столѣтнимъ существованіемъ оно особенно было обязано необыкновенному западно-русскому человѣку—Даніилу Романовичу, Галицко-Волынскому князю« [1]). Одинъ довольно почтенный польскій историкъ также называетъ »королевство Руси« »twór'omъ dzielności jego« [2]).

Такое крайне благодѣтельное и чрезвычайно сильное вліяніе Даніила Галицкаго на судьбы юго-западной Руси проистекало изъ того, что это была личность не изъ обыкновенныхъ, — личность, совмѣщавшая въ себѣ почти всѣ тѣ качества, которыя нужны были для спасенія Руси: онъ былъ по плечу тому трудному времени, когда »въ Русской землѣ возста̀ть великій мятежъ« и наступили »безчисленныя рати.... частыя войны и многія крамолы, и частая востанія, и многія мятежи«.

Не станемъ указывать на отличавшую Даніила отъ его соперниковъ безкорыстную горячую любовь къ русской землѣ, которую онъ желалъ видѣть вполнѣ счастливою страною, прекрасно устроенною внутри, какъ то доказываетъ его внутренняя дѣятельность, и занимающею почетное положеніе и славною среди окружающихъ государствъ; онъ усердно старался о возможно большемъ распространеніи у нихъ этой доброй о ней славы [3]). Одной горячей любви къ отечеству, составляю-

---

[1]) »Лекціи по ист. Зап. Россіи,« '84.

[2]) Каз. Сѣдзицкій въ соч. »Synowie Gedymina« (I. II. str. 1).

[3]) Вотъ что говоритъ онъ своимъ воинамъ, когда они однажды хотѣли возвратиться съ похода на Литву: *»срамоту имѣемъ отъ Литвы и отъ всихъ земель, аще не пойдемъ и вратимься«* (Ип., 543). Для славы Руси, съ которою возрастала и его слава, а не для чего иного, онъ такъ охотно принималъ участіе въ войнахъ сосѣдей, помо-

щей достояніе всякаго честнаго дѣятеля, было еще мало. Не будемъ говорить и о томъ, что онъ ставилъ для себя высшею цѣлью благо находившихся подъ его властію и властію его брата русскихъ земель, не давалъ себѣ ни минуты отдыха и всю жизнь ревностно и неуклонно къ нему стремился, такъ что лѣтописецъ говоритъ о немъ и объ его братѣ, что »измлада не бы има покоя« [1]), а С. М. Соловьевъ [2]) справедливо ставитъ его на ряду, съ страдальцемъ за русскую землю, Владиміромъ Мономахомъ. Весьма важно было то, что Даніилъ обладалъ при этомъ и качествами, весьма много могшими помогать ему при выполненіи этой высокой задачи.

Прежде всего скажемъ, что это былъ весьма ловкій и проницательный политикъ, отлично умѣвшій найтись во всякомъ положеніи, всегда отыскать средства для борьбы. Далѣе, это былъ человѣкъ горячо относившійся ко всякому дѣлу. Пылкость его характера обнаружилась уже въ дѣтствѣ. Когда однажды выгоняли его мать изъ Галича, Даніилъ не хотѣлъ ее оставить »и плакашеся по ней, младъ сый. И пріѣхавъ

гая своимъ друзьямъ. Вотъ что читаемъ въ лѣтописи при описаніи его похода на Чеховъ: »Даниловии же князю хотящу, ово короля ради, ово славы хотя, не бѣ бо въ земляѣ Русцѣй первее иже бѣ воевалъ землю Чешьску, ни Святославъ хоробры, ни Володимеръ святый (лѣтописецъ забылъ Владиміра Мономаха). Богъ хотѣніе его исполни, сѣдящаше бо и тосняшеся на войну...« (Ип., 545) Въ случаѣ побѣды, Даніилъ водружалъ свое знамя на стѣнахъ побѣжденнаго города (Ип., 547).—Когда была взята дань съ ятвяговъ, часть ея Даніилъ удѣлилъ польскому воеводѣ Сигиѣву, »послушьства ради, да увѣсть вся земля Лядьская, яко дань платили суть Ятвязи королеви Данилу, сыновѣ великого князя Романа« (Ип., 554) Даніилъ любилъ показаться иностранцамъ въ возможно лучшемъ видѣ. Вотъ какъ явился онъ однажды въ венгерскую землю, будучи приглашенъ на помощь ея королемъ: »бѣ поковъ его свѣтлость велика, отъ оружья блистающася.. бѣ конь подъ нимъ дивленію подобенъ, и сѣдло отъ злата жьжепа, и стрѣлы и сабля златомъ украшены, инѣми хитростьми, якоже дивитися, кожюхъ же оловира Грѣцького и круживы златыми и шоскими ошитъ, и сапози зеленого хъза шити золотомъ. Немцемъ(ъ) же зрящимъ, много дивящимся.« (Ип., 540 — 541). Соблюдая честь своей земли, Даніилъ не желалъ разговаривать въ Краковѣ съ чапскими послами, явившимися съ короною, и сказалъ имъ: »не подобаетъ ми видитися с вами въ чюжей земли, нъ наши« (Ип., 548).

[1]) Ип., 501.

[2]) Въ ст. подъ заглавіемъ: »Даніилъ, король Галицкій«, помѣщенной въ 1-мъ №. »Современника« 1847.

Олександръ, тивунъ Шюмавиньскый, и я и за поводъ; онъ же измокъ мечь, тя его, и потя конь его подъ нимь...« [1]). Горячность Даніила не принадлежала къ числу скоро остывавшихъ. Во всякомъ дѣлѣ онъ до конца сохранялъ энергію, былъ неутомимъ, не медлилъ, работалъ даже въ Пасху. Даніилъ получаетъ отвѣтъ отъ Мстислава Удалаго, признающій за нимъ права на Черторыйскъ. »Дѣмьяну же пріехавшу в великую суботу, наутрѣя же *на велик день* пріехаста Даніилъ и Василько къ Черторыйску, въ понедѣлникъ на ночь объѣдоста градъ« [2]). Когда Даніилъ узналъ о бѣгствѣ Александра Белзскаго по направленію къ Кіеву, онъ »изыде на нѣ из Галича, угони и въ Полономь, и яша и в лузѣ Хоморьскомъ, *Данилови же не спавшу три дни и 3 нощи*, такоже и воемь его« [3]). Бѣдствіе не приводило Даніила въ уныніе, которое онъ считалъ качествомъ невѣрныхъ. »Людемь же видящимъ, яко отъ татаръ зажьженъ бѣ градъ, и збѣжаша в мѣста лѣсна и тѣмь не могоша сбиратися; Данило же снясѧ с братомъ и тѣши и, якоже отъ Бога бывшѣй бѣдѣ не имѣти *жель* (X. II. »жалѣ«) *поганьскы*, но ла Бога надѣятись и на нь возложити печаль« [4]); что Даніилъ самъ слѣдовалъ этому, видно изъ всей его биографіи. Онъ отличался удивительною любовью къ дѣятельности, что особенно бросается въ глаза при чтеніи галицко-волынской лѣтописи подъ 1235 г.: походы предпринимаются имъ одинъ за другимъ; помѣшало половодье войнѣ съ Ятвягами —Даніилъ вспоминаетъ, что у него есть другой еще врагъ, и онъ идетъ на него [5]). При этомъ онъ любилъ собственнымъ глазомъ все осмотрѣть, ко всему приложить и свою руку: осаждалъ ли онъ городъ, или вообще велъ войну, самъ осматривалъ мѣстность, укрѣпленія, пріятствія [6]), и раздѣлялъ нерѣдко труды съ воинами [7]). Не послѣднюю роль играло и его блестящее мужество, обнаруженное имъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ [8]), но особенно ярко выказавшееся въ несчастный для Руси 1223 г. Даніилъ первый, изъ любопытства, что за люди были

---

[1]) Ип., 486.
[2]) Ibid., 502.
[3]) Ibid., 514.
[4]) Ibid., 557.
[5]) Ibid., 517.
[6]) Ibid., 504 и 506.
[7]) Ibid., 553.
[8]) Ibid., 491.

пришельцы, бросился за ними вслѣдъ, первый перешелъ, по желанію Мстислава, Калку и сталъ впереди своихъ полковъ. Приведемъ это довольно характерное мѣсто изъ лѣтописи. «Сразившимся полкомъ на мѣсто, Даніилъ же выѣха на передъ, и Семьонъ Олоевичъ и Василко Гавриловичь, поткоша в полкы Тогарьскыя; Василкови же сбодену бывшю в перси, младѣства ради и буести не чюяше ранъ бывшихъ на тѣлеси его: бѣ бо возрастомъ 18 лѣтъ, бѣ бо силенъ. Даніилъ же крѣпко борющися, избиваючи Тотары видивъ то Мьстиславъ Нѣмый, мнѣвъ яко Даніилъ сбоденъ бысть, потче и самъ въ нѣ, бѣ бо мужь и отъ крѣпокъ: понеже ужика сый Роману отъ племени Володимеря, прирокомъ Мономаха, бѣ бо велику любовь имѣя ко отцю его, ему же поручивше по смерти свою волость, дая князю Даніилови. Татаром(ъ) же бѣгающимъ, Даніилови же избиваючи ихъ своимъ полкомъ, и Олгови Курьскому, крѣпко бившимся, инѣмъ полкамъ сразившимся с ними, грѣхъ ради нашихъ Рускимъ полкомъ побѣженымъ бывшимъ: Даніилъ видивъ, яко крѣпцѣйши брань належить в ратныхъ, стрѣльцѣмъ ихъ стрѣляющимъ крѣпцѣ, обрати конь свой на бѣгъ, устрѣмлениа ради противныхъ. Бѣжащю же ему, и вжада воды, пивъ почюти рану на тѣлеси своемъ, во брани не позна ея крѣпости ради мужьства возраста своего: бѣ бо дерзъ и храборъ, отъ главы и до ногу его не бѣ на немь порока« [1]). Даніилъ считалъ постыднымъ удаленіе отъ непріятеля безъ битвы. Онъ не совѣтовалъ однажды Владимиру Рюриковичу идти на Половцевъ, когда же его упросили на то, а потомъ, встрѣтившись съ ними, уговаривали къ отступленію, Даніилъ отвѣчалъ: «подобаетъ воину устремившуся на брань или побѣду приняти или пастися отъ ратныхъ; азъ бо возбраняхъ вамъ, нынѣ же вижю яко страшливу душю имате; азъ вамъ не рѣхъ ли, яко неподобаетъ изыти трудным всемь противу цѣлымъ? нынѣ же почто сму цаегест? изидете противу имъ« [2]). Его удаль простиралась до того, что онъ готовъ былъ вмѣшиваться въ борьбу и помогать слабѣйшимъ, когда его и не звали такъ, онъ хотѣлъ однажды пособлять австрійскому герцогу противъ императора, но былъ отговоренъ королемъ [3]). — Будучи храбрымъ воиномъ, онъ былъ искуснымъ полководцемъ. Во время одного похода и

---

[1]) Ип., 496—497.
[2]) Ibid., 515.
[3]) Ibid., 517.

Ятьяговъ Даніилу говорили: »вѣси ты войничьскій чинъ, на ратяхъ обычай ти есть« [1]). Впрочемъ Даніилъ былъ способенъ не къ одной политической дѣятельности, онъ не увлекался одними военными предпріятіями, не былъ только рыцаремъ. Не одни военныя предпріятія считалъ онъ дѣломъ государя. Онъ обнаруживалъ особенную способность и къ устроенію государства. Вѣроятно, за это лѣтопись называетъ его »княземъ мудрымъ«, »вторымъ по Соломонѣ« [2]). Нельзя при этомъ не указать на его свѣтлыя понятія. Мы приписываемъ иниціативѣ Даніила слѣдующее: Руси бо бѣаху полонилѣ многу челядь и боярынѣ; створиша же межи собою клятву Русь и Ляхове: аще по семь коли будетъ межи ими усобица, не воевати Ляхомъ Руское челяди, на Руси Лядьской« [3]). Къ сожалѣнію, это условіе не выполнялось; первые нарушили его поляки [4]) Даніилъ долженъ былъ отступать отъ этого правила и въ борьбѣ съ поляками [5]), и въ борьбѣ съ другими врагами [6]), потому что таковъ былъ духъ времени и такъ поступали съ нимъ его враги. Даніилъ, къ сожалѣнію, не понималъ только зла удѣловъ и не могъ разстаться съ старыми понятіями о столонаслѣдіи, а гдѣ могъ бы безъ особеннаго труда водворить единовластіе въ юго-западной Руси. Вообще, по своимъ воззрѣніямъ, онъ оставался княземъ дотатарской Руси и не внесъ въ ея государственную жизнь новой идеи, хотя и носилъ на головѣ королевскій вѣнецъ; онъ не былъ *сознательно* стремившимся къ какимъ-нибудь *реформамъ*. Но при немъ, къ величайшему счастію юго-западной Руси, удѣльныя понятія нисколько не отразились дурно на ея судьбѣ. Это потому, что Даніилъ отличался удивительнымъ безкорыстіемъ по отношенію къ меньшему брату и удивительною братскою любовью, дѣлился съ нимъ землями, по мѣрѣ пріо-

---

[1]) Ип., 551.
[2]) Ibid., 570.
[3]) Ibid., 505.
[4]) Ibid., 516: »Кондратови же ставшу кде нынѣ градъ Холмъ стоить, *пославшу ему ко Черьвну воевать...*«
[5]) Напр., Ип., 529.
[6]) Напр., Ип., 526, 546—547; сильныя опустошенія, произведенныя русскими въ чешской землѣ, подтверждаются и письмомъ Богемскаго короля Премыслава (1255), помѣщеннымъ у Догьеля: »Codex diplomaticus regni Poloniae et magni ducatus Litvaniae«. T. I. Vilnae MDCCLVIII, № 1.

брѣтенія ихъ [1]); младшій братъ платилъ ему тою же предапностію, и они оставались друзьями во всю свою жизнь; между ними никогда не пробѣжало ни одно облачко. Ни одинъ не предпринималъ чего нибудь безъ совѣта другаго [2]), во всѣхъ походахъ братья дѣйствовали дружно, во время битвъ каждый изъ нихъ боялся за другаго и постоянно наблюдалъ, не грозила ли ему опасность [3]); одержавалъ который нибудь изъ нихъ побѣду непремѣнно посылалъ брату сайгатъ [4]).

Обратимъ еще вниманіе на имѣвшія меньше значенія, но тѣмъ не менѣе прекрасныя качества Даніила.

Онъ отличался любовью къ правдѣ. Когда Мстиславъ Удатой просилъ Даніила, чтобы тотъ не оставлялъ его, Даніилъ отвѣчалъ: »имамъ правду въ сердцѣ своемъ [5])«. Какъ онъ былъ разборчивъ въ этомъ отношеніи, показываетъ слѣдующій случай. Даніилъ отправился на богомолье въ Жидичинъ, находящійся вблизи Луцка. »И зва и Ярославъ к Лучьску; и рѣша ему боляре его: приими Луческъ, зде ими княжа ихъ«; оному же отвѣщавшу, »яко приходихъ зде молитву створити святому Николѣ, и не могу того створити«, иде въ Володимерь. Оттуду же, собравша рать, посласта напъ...« [6]). Нѣкоторые изъ его сыновей пошли въ этомъ отношеніи по его дорогѣ. Когда австрійскій герцогъ убѣждалъ Романа Даніловича отстать отъ венгерскаго короля, который его обманывалъ, Романъ сказалъ: »правдою обѣщахся отцю си королеви Угорьскому, не могу послушати тебе, яко срамъ имамъ и грѣхъ не исполнити обѣта [7])«. Даніилъ никогда не оставлялъ своихъ союзниковъ и всегда усердно помогалъ имъ.—Съ другой стороны, относясь строго къ себѣ, не позволяя себѣ уклоненія отъ правды, Даніилъ мягко относился къ другимъ и легко прощалъ оскорбленія. Съ галицкими боярами онъ поступалъ совершенно не такъ, какъ его отецъ [8]); одинъ разъ только онъ позволилъ себѣ совершить убійство; это случилось при послѣдней попыткѣ боярства и Венгровъ отнять у него Галичъ, когда

---

[1]) Ип., напр., 501.
[2]) Ibid., 535, 537, 566.
[3]) Ibid., 502, 512, 534.
[4]) Ibid., 530, 531, 566—567.
[5]) Ib., 500.
[6]) Ib., 501.
[7]) Ibid., 554—555.
[8]) Ibid., 509, 518.

его гнѣвъ достигъ, вѣроятно, высшей мѣры, и когда онъ убилъ, знаменитаго по своимъ частымъ походамъ на Русь венгерскаго воеводу Фильпія и многихъ другихъ венгровъ и боярина Владислава [1]). Ревностно борясь противъ враговъ, не уступая имъ ни въ чемъ, онъ забывалъ зло, какое причинялъ ему Александръ Белзскій, когда тотъ самъ просилъ его о мирѣ, простилъ даже Михаила Черниговскаго и готовъ былъ возвратить ему Кіевъ, а его сыну дать Луцкъ. Если отъ врага имѣлъ какія-нибудь благодѣянія, то не забывалъ ихъ и послѣ того, какъ тотъ причинялъ ему вредъ. Взявши однажды Галичъ, Даніилъ, »помянувши любовь короля Андрѣя«, »пусти сына его *и проводи и до рѣкы Днѣстра*« [2]). Вообще онъ не забывалъ благодѣяній. Получивши въ кіевской области Торцкій гор., »да и дѣтемъ Мьстиславлимъ, шюрягомъ своимъ, рекъ имъ: »за отца вашего добродѣанье приимете и и дорогыи Торцкый городъ« [3]). — Заслуживаетъ также вниманія отсутствіе тщеславія, любовь прежде всего къ сущности дѣла. Это особенно выказалось въ сношеніяхъ Даніила съ Римомъ. Усердно награждавшій королевскими вѣнцами Римъ [4]) предложилъ подобную, довольно обольстительную, приманку и Даніилу, думая, можетъ быть, замѣнить этимъ отчасти помощь, которой домогался отъ него Даніилъ или, по крайней мѣрѣ, смягчить требованія послѣдняго о ней. Когда посла явились въ первый разъ къ Даніилу съ вѣнцомъ, Даніилъ его не принялъ, говоря: »рать татарская не престаетъ злѣ живущи с нами; то како могу прияти вѣнѣць, бес помощи твоей«? Потомъ онъ короновался, но при какихъ условіяхъ? »Ониза же приде вѣнѣць посл, обѣщеваяся, яко »помощь имѣти отъ папы«; оному же одинако не хотящу и убѣди его мати его, и Болеславъ и Семовитъ, и бояре Лядьскые рекуще: дабы приялъ бы вѣнѣць, »а мы есмь на помощь противу поганымъ« [5]).

---

[1]) Ип., 534.
[2]) Ib., 506.
[3]) Ibid., 511.
[4]) На разстояніи 55 лѣтъ (1198—1253) онъ наградилъ королевскимъ титуломъ 7 владѣтельныхъ особъ.
[5]) Ип., 548. — Длугошъ, напротивъ, въ подробномъ разсказѣ утверждаетъ, что самъ Даніилъ добивался короны и отправилъ знатныхъ пословъ къ папскому легату въ Польшѣ Кардиналу Онизо съ просьбою о ней, обѣщая отречься отъ греческаго обряда и защищать католиче-

Такимъ образомъ, Даніилъ представляетъ весьма отрадное явленіе, если разсматривать его и какъ человѣка вообще, а не только — какъ государя.

скія земли отъ Татаръ, и тотъ будто короновалъ его въ 1246 г., не имѣя на то полномочія отъ папы (lib. VII, col. 705—706). За Длугошемъ слѣдуютъ многіе новѣйшіе историки. Даже Д. И. Зубрицкій (III, 174) говоритъ, что Даніилъ въ Дорошчинѣ »покорился преемнику св. Петра, принялъ отъ него діадиму, не изъ государственныхъ пользу отечеству его приносящихъ, видовъ, какъ только въ угожденіе чуждымъ убѣжденіямъ и поддаваясь свойственной человѣку слабости честолюбія, ради поставленія себя на ряду съ первыми европейскими государями«. Длугошъ въ этомъ случаѣ совершенно извращаетъ дѣло; можетъ быть, ему непріятно было это событіе, возведеніе русскаго князя въ короли, тогда какъ польскіе князья оставались князьями: въ его вѣдь время Польша владычествовала надъ Русью. Не вдаваясь въ подробное опроверженіе его разсказа, заключающаго въ себѣ немало погрѣшностей, — разсказа, которому онъ самъ противорѣчитъ ниже [см. lib. VII, col. 779, гдѣ онъ выражается такъ о Даніилѣ: »adeptus *coronam, qua fuit* ob eam fidem et devotionem *mandato Apostolico insignitus*], мы ограничимся только слѣдующимъ. Самъ папа въ буллѣ, изливающей гнѣвъ на Даніила за прерваніе имъ сношеній съ Римомъ, выражается такъ: *Ecclesia* eadem (i. e. Romana) volens te in sui devotione congruis firmare *favoribus*, et condignis *gratiis* confovere, *personam tuam ad Regalis dignitatis apicem sublimavit, faciendo te inungi sacri crismatis oleo, tuoque imponi capiti regium diadema.* Sed tu, sicut ad audientiam nostram non sine cordis turbatione pervenit, tam spiritualium quam temporalium *beneficiorum ipsius Ecclesiae immemmor.*.«; въ др. мѣстѣ читаемъ: »Magnitudinem tuam monendam duximus atentius et hortandam, quatenus ad tuam memoriam revocans: *quanto studio quantaque solicitudine circa exaltationem tuam Sedes Apostolica laboravit*«? (H. R. M., I, XCV). Тутъ коронованіе Даніила представлено какъ-бы наградою со стороны великой церкви за обѣщаніе подчиниться ей, а не условіемъ со стороны Даніила, которое она поспѣшила исполнить. Точно также самъ папа догадался наградить королевскимъ титуломъ и Миндове. По поводу взятія прусскимъ архіепископомъ съ новопосвященнаго литовскаго епископа присяги себѣ, папа, между прочимъ, говоритъ, что онъ не разрѣшаетъ этого »pro ejusdem Regis honore, quem a sue conversionis initio assumpsimus in filium Ecclesiae specialem et *regie dignitatis titulo fecimus insigniri*« (Тэйперъ, I, № CXXI; H. R. M., I, CXI). — Считаемъ не лишнимъ сказать тутъ нѣсколько словъ о томъ, въ какой мѣрѣ Даніилъ готовъ былъ подчиниться Риму въ церковномъ отношеніи. Несомнѣнно, что онъ никогда не соглашался на полное отреченіе отъ православія. Чувствуя необходимость, какую сознавали и греческіе императоры, въ пособіи запада, Даніилъ готовъ былъ согласиться на *унію*, подобно имъ, но не на от-

Какъ не пожалѣть послѣ всего этого о томъ, что онъ былъ поставленъ въ такія неблагопріятныя условія, что, будучи безстрашнымъ во всю свою жизнь, на старости лѣтъ, за свои благородныя усилія къ спасенію отечества, долженъ былъ бѣгать отъ татаръ [1]), чтобы не потерпѣть отъ нихъ за это [2])?

реченіе отъ православія; онъ не хотѣлъ жертвовать религіею политикѣ; можетъ быть, по его мнѣнію, эта почетная унія должна была только состоять въ признаніи верховной власти папы: онъ дѣйствовалъ, по словамъ Плано-Карпини, съ согласія вельможъ и духовенства, а они не согласились-бы на отреченіе отъ чего-нибудь православнаго. Папа долженъ былъ сразу сдѣлать Даніилу уступку въ религіозномъ отношеніи, разрѣшивъ епископамъ и пресвитерамъ совершать службу на заквашенныхъ просфорахъ и удержать другіе обряды, не противорѣчившіе католической вѣрѣ (H. R. M., I, LXVIII). Вѣроятно, изъ-за стремленія папскаго легата привести Даніила и его земли къ полному подчиненію римской церкви, не поладилъ съ нимъ въ 1249 г. Даніилъ (Dlug. ad a. 1249, lib. VII, col. 713. Въ буллѣ къ архіепископу прусскому, папскому легату, помѣченной сентябремъ 1247 (LXXII), папа, поручая ему лично отправиться къ Даніилу, говоритъ: »si prelatus Rex in tam sancto proposito (разум. намѣреніе Даніила приступить къ союзу съ Римскою церковью) perseverans, tam ipse, quam Archiepiscopi, et Episcopi, et alii Magnates Regni sui, *scismate* quolibet *penitus abjurato, promiserint et juraverint se de cetero in unitate fidei quam Ecclesia Romana predicat, et observat, ejusque Romane Ecclesie* devotione permansuros, eos auctoritate nostra et reconciliet, et tanquam speciales et devotos filios in corpore predicte Romane Ecclesie, que mater est omnium, unitati« [...]. Этотъ разрывъ продолжался еще въ 1250 г. См. Карашевича »Ист. прав. у. па Волыни, стр. 15, прим. 42. Примиреніе произошло въ 1252 г. Кар. IV, прим. 56. Около 1246 г. Даніилъ посылалъ митрополита Кирилла въ Грецію для поставленія (Ип. 537). Вопросъ о мѣрѣ подчиненія Риму Даніиловой Руси, во всякомъ случаѣ, не былъ еще окончательно рѣшенъ и при коронованіи Даніила. Это доказываютъ слѣдующія слова лѣтописи: »Некептий бо кльняше тѣхъ хулящимъ вѣру Грѣцкую правовѣрную, и хошящу ему сборъ творити о правой вѣрѣ, воединеньи церкви« (Ип., 549), и вообще при Даніилѣ мы не взяли отъ Римской церкви ничего до самаго прекращенія сношеній съ нею; велись только переговоры. — О глубокой религіозности Даніила мы не упоминаемъ. Она постоянно видна въ лѣтописи; см. Ип., 501, 507, 509, 511, 516, 524, 525, 532, 535, 548, 558—560. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи онъ не возвышался особенно надъ современниками. Проводивъ брата къ явившемуся въ первый разъ Бурандаю, Даніилъ ѣдетъ въ Мѣлникъ, молится предъ иконою Спаса Избавника, при чемъ »обѣща ему Данило король украшеніемъ украсити и« (Ип., 560; сл. 558).

[1]) Ип., 562.

[2]) Ип., 560: »вѣдахуть бо, аще Данилъ поедеть (къ Бурандаю), и не будеть с добромъ«.

Личныя качества Даніила и его заслуги снискали ему любовь весьма многихъ, напр. Мстислава Ярославича [1]), Мстислава Удалаго [2]), Галичанъ, и были оцѣнены его соотечественниками, которые воспѣвали его подвиги. Вотъ какъ заключаетъ лѣтописецъ разсказъ объ одномъ походѣ Даніила на ятвяговъ: »Оттуда же князь Данилъ приде ко Визьнѣ и пройде рѣку Наровъ, и многи крестьяны отъ пленения избависта и *пѣснь славну пояху има*, Богу помогшу има, и придоста со славою на землю свою, наследавши путь отца своего великаго князя Романа, иже бѣ изоострился на поганыя, яко левъ, им(ъ) же Половци дѣти страшаху« [3]). Самая лѣтопись показываетъ, какъ относились къ Даніилу современники.

Слава Даніила разнеслась и по окрестнымъ землямъ Батый зналъ о немъ еще до вступленія въ Волынскую землю: »Батыю же вземшю градъ Кыевъ и слышавъшу ему о Данилѣ, яко въ Угрѣхъ есть, поиде самъ Володимерю...« [4]). Возвращаясь изъ-за Карпатъ, Батый хотѣлъ поймать Даніила [5]); наконецъ, когда послѣдній явился въ орду, онъ принялъ его съ почетомъ, хотя и горькимъ для гордаго князя [6]). Относились съ уваженіемъ къ Даніилу и нѣмцы. Они говорили ему »*тебе дѣля* миръ створимъ со Выкынтомъ, зане братью нашу многу погуби« [7]).

И мы думаемъ, что, если правъ хронографъ, сказавшій, по словамъ лѣтописца: »якоже добродѣянья въ вѣкы святяться« [8]), то с чувствомъ благодарности отнесутся къ этому дѣятелю и потомки, которые будутъ помнить его, какъ самую замѣчательную русскую личность XIII вѣка, затмѣвающую собою даже знаменитаго Александра Невскаго, и вообще какъ одного изъ самыхъ видныхъ русскихъ политическихъ дѣятелей, бойцовъ за народъ и вождей его въ трудные минуты.

---

[1]) Ип., 491, 501.
[2]) Ib., 501, 517.
[3]) Ib., 539. Слѣды такого народнаго поэтическаго творчества и которые открываютъ въ самой лѣтописи.
[4]) Ib., 523: Ник. III, 8.
[5]) Ib., 528.
[6]) Ibid., 536.
[7]) Ibid., 542.
[8]) Ibid., 554.

ОПЕЧАТКИ*).

Страч.	Строка сверху.	Напечатано.	Должно было быть.
3	20	XVIII	XIX
4	16	Угрево	Угре во
5	24	голицко-волынской	галицко-волынской
—	45	то на	тона
8	22	прим. 11-е.	прим. 3-е на пред. стр.
9	17	прим. 14-е.	прим. 6-е на стр. 7.
10	20	Ник. (III, 317); о томъ же	Ник. (III, 317) о томъ же
15	4	Баяку	Балку
16	34	(III, 2478)	(III, 247—248)
20	19	Кенятина	Кснятина
—	—	Ип., 385.	Ип., 335.
21	35	стрятеть	стряпять
22	36	Елуичь	Еліцичь
—	37	Кенятинъ	Кснятинъ.
23	10	будешь	будеть.
24	18	ее	ея.
25	16	Ярославскіе	Ярославовскіе.
26	26	невелико	не велико.
27	27	Владиміръ	Владиславъ.
28	30	MDDCLIV	MDCCLIV.
29	36	cripere	eripere.
32	29	помоташа	пометаша.
47	44	Amn.	Anm.
58	38	мон. изслѣд.«	мон. и изслѣд.«
59	13	вышелъ вѣроятно	вышелъ, вѣроятно.
—	19	главнымъ обра-зом вѣроятно	главнымъ образомъ, вѣроятно.
64	29	m Alterthum	im Alterthum.
—	34	Нечюнь	Нечюпъ.
66	20	(i. e. Bieszczad,	(i. e. Bieszczad),
67	36	Вослокою, Slupice	Вислокою, Słupiec.
—	37	Nista	Niska.

*) Здѣсь перечисляются только *важнѣйшія* изъ нихъ. Авторъ не въ состояніи былъ предотвратить ихъ, потому что не имѣлъ возможности все время ѣдить за печатаніемъ своего труда.

На стран.	Строка сверху	Напечатано.	Должно было быть.
72	36	1229	1289.
73	24	i stoków	u stoków.
74	45	комапіи	Комапіи.
77	19	Пересопницю	Пересопницю.
81	7	Mon. g.	Mon. G.
—	8	XX	XIV.
86	6	sout	sont.
—	27	цовторилъ	повторилъ.
92	18	бумага	булла.
94	5	уксашены	украшены.
100	4	познакомимся	познакомился.
114	2	Пересопницы	Пересопницы.
115	22	шла	има.
—	29	pol.«	Pol.«
116	13	порабщепія	порабощенія.
120	23	Полотьского	Полотьскою.
121	19	русской	русскихъ.
—	20	лѣтописи«	лѣтописей«.
—	21	Msislaus	Mscislaus.
—	45	s. 405	S. 405.
122	13	Рогвольдъ	Рогволодъ.
—	25	1231	1281.
124	28	нѣмьцѣ	нѣицѣ.
—	30	»попѣманскія	по-Нѣманскія.
—	32	Могивиловичъ	Монтвиловичъ.
—	34	сказали, Брестъ	сказали; Брестъ
125	11	exercitus	exercitus
—	20	sa Dźwiną	za Dźwiną.
126	26	»Jaezwingi	»Jaczwingi
—	35	quandam	quendam.
—	37	capifaneos	capitaneos.
128	11	Юборкъ и Купасевъ	Юрборкъ и Кунасовъ.
—	13	Эрдзивиллъ Неменъ Викинтъ	Эрдзивиллъ. Неменъ. Викинтъ.
—	22	Пуссимунтъ	Писсимунтъ.
129	4	тѣмы	тѣми.
—	27	см. стр. 248	сл. стр. 248.
130	18	Mindiowa	Mindowa.
—	27	wlasnego	własnego.
—	31	gzodzieńskiego	grodzieńskiego
131	14	Миндове Выкынтъ	Миндове. Выкынтъ.
—	17	Трепята Товтивилъ	Трепята. Товтивилъ.
—	19	Войшелкъ Рукль Репскій	Войшелкъ. Рукль. Репекій.
—	32	Стрепы	Стрепы.
133	34	предыд. гл., прим. 32-е.	предыд. гл., стр. 85—86.
134	15	княженіе	княженія.
136	40	socur	soeur.
—	42	Монгроша	Монгрота.
140	23	Preusseus 4 s.	Preussens 4 S.
151	12	на Руси	ии Руси.

На стран.	Строка сверху	Напечатано.	Должно было быть.
153	36	Онизо	Опизо.
154	7	Дорошчинъ	Дорогичинъ.
—	31	великой церкви	римской церкви.
155	27	прав. у.	прав. ц.
156	8	наследавши	наследивши.
—	33	Ib., 523: Ник	Ib., 523; Ник.